Полный текст “Луны”

Смотрите в других форматах

ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА РАФАЭЛЯ

Он был звездой рок-н-ролла, самым маниакальным участником печально известной своей агрессивностью и сказочно успешной группы, заядлым гедонистом, который жил в центре нескончаемой вечеринки. Он также был музыкальным гением, который полностью переосмыслил свой инструмент и вдохновил целые поколения артистов, щедрым другом почти для всех, кто встречался ему на пути, бесхитростным человеком с огромным личным обаянием, для которого музыка для серфинга была самым приятным звуком на земле. Кит Мун действительно изменил мир — и, таким образом,

сделав это, он лишился жизни. луна

Кит Мун был исключением из всех известных правил. Он революционизировал концепцию барабанщика в рок-н-ролле, возглавляя группу, а не просто оказывая поддержку. С The Who он добился гораздо большей международной известности, чем должен был внушать его инструмент, и относился к своей известности только как к постоянной возможности заявить о себе в целом. Он насмехался над господствующей в Британии чопорностью, применяя ее достаточно эффективно, чтобы по желанию вычеркнуть свое происхождение из рабочего класса. Он искушал судьбу почти непревзойденным образом.- он постоянно употреблял алкоголь и наркотики, призывая весь мир посмеяться вместе с ним над его кажущимся очарованным существованием. Прошло более двадцати лет с тех пор, как Мун ушел из жизни, а его по-прежнему почитают как величайшего барабанщика в истории рока и самую необузданную личность в возрасте шести лет. = = = = = = =7- “Музыка и творчество стали основой Джега, и на страницах этой обширной книги говорится: невысказанная истина.

Музыкальный журналист Тони Флетчер более трех лет исследовал жизнь Кита Муна и взял интервью у десятков его друзей, коллег и просто единомышленников. В результате получилась настоящая классика, абсолютная бивиография одной из выдающихся фигур рока, работа, которая блестяще раскрывает как нежные, так и склонные к саморазрушению черты этой исключительной личности.

(продолжение на обороте)

фото | видео

КАН РАФАТ. ПУБЛИЧНОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ

- КАМ РАФАЭЛЬ. КАУПОАНИЯ ДАТА ВЫХОДА 07 марта 1999 г. - АПРЕЛЬ 1999 г. 05 марта 2004 г.

16 апреля 1999 года

17141999 | 40 ИЮЛЯ 1999 | 01 сентября 2009

| 6 июля 2005 і 09 АВГУСТА 1999 і 106 1 СЕНТЯБРЯ 1999 г. | МААК } Зоги 14 ноября 1999 г., бар. Суббота 4 ЯНВАРЯ 2000 г. і ИЮЛЬ 4 ноября 2000 г. | 19 ДЕКАБРЯ 2000 г.

| 0 200 | 24 ОКТЯБРЯ 2002 08 МАРТА 2003

луна

Жизнь и смерть рок-легенды

(

ТОНИ ФЛЕТЧЕР

1100 Минут езды

Сан-Рафаэль, Калифорния 94901

КНИГА ОТ ЭЙВОН

Ранее опубликовано в Великобритании издательством Omnibus Press под названием “Дорогой мальчик: Жизнь Кита Муна.

Мы приложили все усилия, чтобы установить владельцев авторских прав на фотографии, представленные в этой книге. Исследование фотографий Никки Рассел, Ричарда Эванса и Тони Флетчера.

AVON BOOKS, INC. Американская авеню, 1350 Нью-Йорк, 10019

Авторские права Тони Флетчера © 1999 Дизайн интерьера - Келлан Пек

Посетите наш веб-сайт по адресу www.spikebooks.com ISBN: 0-380-97337-5

Все права защищены, включая право на воспроизведение этой книги или ее фрагментов в любой форме, за исключением

случаев, предусмотренных Законом США об авторском праве. Для получения дополнительной информации обращайтесь в компанию Avon Books, Inc.

Библиотека Конгресса США ведет каталогизацию в данных о публикациях:

Флетчер, Тони.

Мун : жизнь и смерть рок-легенды / Тони Флетчер.

стр. 587

Дискография: стр. 587

Включает библиографические ссылки (стр. 581) и указатель.

1. Мун, Кейт, 1946-1978. 2. Рок—музыканты—Англия-Биография. 1. Название. ML419.M66F54 1998 98-39872 786.9‘166‘092—CIP постоянного тока 21

Первая печать на спайке: февраль 1999 г.

ТОРГОВАЯ МАРКА SPIKE ЗАРЕГИСТРИРОВАНА в США. прочь. И В ДРУГИХ СТРАНАХ, MARCA REGISTRADA, HECHO EN U.S.A. Напечатаны в США.

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ

QPM 10987654832 1

(

Для всех детей, которые никогда не знали своих отцов— И для Кэмпбелла, пусть этого никогда не случится.

x (писает), у тебя есть две другие паутины, так что, = 2 теста не связаны? сорняк и я… как ты относишься к этому? вет бад =как ты относишься к этому?

E + apt pan S kz на и пи сс

° $ Иг э -_ Т Еаа Та г ро а = Ла агит . > Газ Э

~

) ад э ДЕ РИ + = Ся - - Дэ джи Аа кд г Бил ф пай ваан хе Ге оае 146

- ia = e

содержание

Предисловие

Мун: Жизнь и смерть рок-легенды Библиография

Избранная дискография

Подтверждения

Индекс

спасибо! отправь мне факс по электронной почте | baie

os Gi

а

официальный . ` а

это значит, что я должен заплатить “ = р а: х а Пав € г © сейчас, 4 {я Привет, друзья!

|

предисловие

Как ВЫ ПЫТАЕТЕСЬ ЗАПЕЧАТЛЕТЬ ВЗРЫВ БОМБЫ ЗАМЕДЛЕННОГО ДЕЙСТВИЯ? ЭТО БЫЛИ первые слова, которые мне сказал один из огромного числа людей, с которыми я беседовал , исследуя жизнь Кита Муна. Их произнес Марк Волман , который, будучи участником группы The Mothers of Invention и наполовину Фло и Эдди, познакомился с Китом благодаря их появлению в фильме Фрэнка Заппы, а затем во время трехлетнего саморазрушительного спада Муна в Лос-Анджелесе. Но замечание Волмана было всего лишь самым кратким из многих подобных наблюдений, которые в нескольких словах раскрыли многое об уклончивом характере Кита, подчеркнув при этом трудность рассказать о нем все в биографии.

Даже самые близкие ему люди при жизни иногда оказывались в тупике , пытаясь определить, каким он будет после смерти. “Мне казалось, что он вот—вот взорвется”, — сказала мне его бывшая жена Ким Маклаган, которая за десять лет бурных личных отношений узнала взрослого Кита лучше - и хуже всего - на каком-то этапе. “В нем было так много всего”.

В другой раз она сказала мне: “Он был звездой”, лишь отчасти имея в виду его как смертную знаменитость. Ее истинный смысл раскрылся , когда она продолжила: “И он осветил столько других жизней”.

Я предпочитаю думать о нем как о комете, проносящейся сквозь наш земной опыт и озаряющей его, в то же время сжигая себя в процессе. Но я приму любую форму космического сравнения, включая двойное определение слова “звезда ” и ассоциацию его имени с луной, хотя бы потому, что существование Кита Муна

было совершенно — и во всех смыслах — не от мира сего.

Безусловно, черты характера, которые отличают нас как индивидуумов, обычно передаются по наследству. Музыкальные способности часто передаются по наследству. Алкоголизм в настоящее время признан генетическим заболеванием. Супружеское насилие, как правило, является частью непрерывного цикла, который трудно разорвать из поколения в поколение. Тенденция к ком-3

эди, актерское мастерство и публичные выступления - все это обычно, по крайней мере частично, связано с родителями и воспитанием человека.

С Китом все было не так. В его семейном окружении не было абсолютно ничего , что давало бы хотя бы намек на то, какой станет его жизнь. Тихие и непритязательные, дисциплинированные и отзывчивые, непьющие (да!), преданные и, несомненно , любящие, его родители были живым воплощением мечты любого правительства.

Последующая жизнь Кита Джона Муна — сверкающая комета, сияющая звезда, полная луна, озаряющая ночное небо, — не имела ничего общего с этой почти ошеломляющей нормальностью, и в то же время все. С самого раннего возраста Кит Мун доказывал, что является исключением из всех известных правил, и, обнаружив это в себе, он поставил своей целью в жизни бросать вызов им во всем , что он делал. Он произвел революцию в представлении о барабанщике в рок—н-ролле и поп-музыке, отвергнув ранее принятые ограничения - вести сзади, что было почти неслыханно, вместо того, чтобы предлагать простую поддержку, как это было принято в то время, заполняя пробелы, которые всегда оставались открытыми, оставляя промежутки там, где обычно лежит ритм. Он добился большей международной известности, чем должен был внушать его инструмент, только для того, чтобы относиться к этому статусу знаменитости как к постоянной возможности заявить о себе в целом. Он насмехался над господствующей британской чопорностью, в то же время присваивая ее настолько эффективно, что по своему желанию

забывал о своем происхождении из рабочего класса; он снова и снова бросался головой в пасть неминуемой катастрофы, в том числе искушал судьбу почти беспрецедентным потреблением алкоголя и наркотиков, и каждый раз выходил сухим из воды (но последний) почти цел, призывая весь мир посмеяться вместе с ним над его, казалось бы, очаровательным существованием. Он никогда не сталкивался с ситуацией настолько официальной, чтобы не подчеркнуть ее, раздевшись догола, никогда не встречал важного человека, которого не смог бы урезонить одной фразой, никогда не знал значения слова “смущение”.

К деньгам он относился с презрением. Конечно, он жаждал этого, но в то же время высмеивал : чем выше его доход, тем больше у него долгов, полная противоположность поколению его родителей и их стремлению жить по средствам. Красивые дома, фантастические инвестиции и роскошное личное имущество приобретались и выбрасывались — или уничтожались — так быстро, что становились бесполезными. Гиперактивный и постоянно путешествующий, он просто не мог усидеть на месте. Кит Мун всегда был в бегах, всегда на шаг опережал реальность, вся его жизнь была отчаянной, трагической борьбой за то, чтобы избежать нормальности, в которой он родился.

По крайней мере, я так думаю. Биограф берет на себя титаническую задачу, когда приглашает себя в жизнь такого сложного человека, как Кит Мун, современная легенда , о котором так много сказано и написано, но которого его собственные родители на самом деле не знали, ни его жена, ни его более поздняя “невеста” не могли контролировать, его дочь была напуганный, и его коллеги по группе, хотя они очень любили и страдали от него, никогда полностью не соглашались друг с другом.

Но это задача, которую я должен выполнить, если хочу отдать должное своему предмету, и , более того, я сам к ней стремился. Как и многие меломаны, я был очарован Китом Муном с тех пор, как его образ впервые запечатлелся в моем впечатлительном юном сознании. (И каким было это первое впечатление? Пьяная зубастая улыбка, манящая с обложки музыкального

еженедельника? Перепечатанный рекламный ролик с изображением привлекательного подростка-модника? Клип, демонстрирующий его первобытную энергию на сцене, из какого-то давно забытого телешоу 1970-х годов? Неистовый грохот тамтамов в этом бесконечном море, который отличал бы песню Who на всех радиоволнах? Или история о бесчинствах великого человека, услышанная от старших на школьной площадке или на футбольном поле и повторенная как неоспоримый факт? На все это и многое другое, я подозреваю, ни одно изображение не претендует: пока я пишу.) То, что я однажды увидел его в его стихии (Чарльтон, 1976) и встретился с ним однажды, когда он был совершенно беззащитен (Лондон, август 1978), укрепило в моем сознании его героический статус в то время, но одного этого было недостаточно, чтобы удержать его там: благодаря своей работе (и играм) я вскоре познакомился со столькими кумирами прошлого и будущими звездами, что слава больше не вызывала уважения. Однако Кит Мун, чья смерть в молодости , возможно, способствовала этому, стал для меня только символом.

Как и для меня, так и для многих других. В девяностые годы я обнаружил, что упоминание его имени вызывает более сильную реакцию, чем когда—либо, особенно у поколения, достигшего совершеннолетия после его смерти. Его изображение украшало обложки альбомов (the Rolls-Royce в бассейне на Oasis's Be Here Now), рекламные кампании (фотография Кита с бутылкой шампанского, прикрепленная к стене, использовалась в Primal Scream) и множество приглашений в ночные клубы, призванных привлечь молодую аудиторию мгновенно узнаваемым тотемом гедонизма. Его современники, тем временем, сожалели, что в то время к жизни и смерти Кита относились не с почтением, которого требует художник, а как к неиссякаемому источнику развлечений и публикаций в таблоидах. Таким образом, время было выбрано подходящее для новой и тщательной оценки.

Было бы преувеличением сказать, что я почувствовал призвание написать эту книгу. Но Кит Мун затронул мою личную жизнь, вдохновил меня идеологически, оказал музыкальное влияние и развлек меня профессионально. Я пишу о музыке как о части своей жизни. И никто другой, казалось, не взялся за то, что казалось мне таким интересным. Когда я обдумал все это, а потом не мог выбросить эту идею из головы, я пришел к выводу, что если его история настолько увлекла меня, то она должна заинтересовать и других. Среди тех, кто подтвердил мое предположение правильнее было как минимум пару книгоиздателей, гарантируя меня отдушина и тому, что я

погружаюсь дальше в Кит Мун жизни, чем Я даже представить себе не мог.

Я отправился в путь с твердым намерением доказать, что Кит был гораздо большим, чем " Лунатик Мун", даже чем самый лучший, самый влиятельный и революционный драммер-рок, которого когда-либо знала музыка. Я хотел поделиться щедростью, которая, как я полагал , скрывалась за его внешностью экстраверта, посмеяться над его комическим гением, который

никогда не был полностью осознан как таковой, диагностирую его внутреннее смятение и личное несчастье, погружаюсь в алкоголизм и плачу вместе со слезами клоуна. Я сожалею, что обнаружил и другие, менее привлекательные стороны его личности , но было почти неизбежно, что в поисках ядра этой сверкающей кометы я во время своих путешествий открою темную сторону Луны. Те , кто охотно называл Кита "джентльменом", который "никогда никому не причинит вреда" (два наиболее распространенных описания, которые я слышал от его многочисленных друзей), не были единственными свидетелями его поведения в семье, которое редко было джентльменским и часто сопровождалось физической агрессией. И после многих лет бесед с теми, кто знал Кейта, о поведенческих моделях, безошибочно повторяющихся с детства до преждевременной старости, после того, как я снова и снова слышал одни и те же истории, изложенные в несколько иных обстоятельствах, переживая год за годом пустые обещания хронического алкоголика о трезвости , я начал сочувствовать его коллегам по Воз, над которым в конце концов перестали подшучивать и который, наконец, если не на публике, то, по крайней мере , между собой, начал задумываться о жизни без Кита Муна.

Однако, когда жизнь без Кита Муна стала для них реальностью, the Who потеряли нечто большее, чем силу барабанщика. Без Кита Муна у группы не было души. Группа, которая никогда не была популярной до того, как нашла его , так и не стала популярной после того, как потеряла его, и тот факт, что The Who наконец заработали столько денег, сколько должны были

заработать еще в шестидесятых — или, по крайней мере, в семидесятых, — был скудной компенсацией за очевидный недостаток художественных достоинств. (Если , конечно, вы не получали зарплату.) В связи с чем возникает вопрос: как физически здоровый, наконец-то трезвый и душевно счастливый Пит Тауншенд в свои пятьдесят с небольшим лет в миллионный раз объясняет, почему слова “Надеюсь, я умру до того, как Я старею” никогда не следовало понимать буквально, никто не спрашивает, почему его барабанщик и компаньон, страстная движущая сила величайшей рок-н-ролльной группы из всех, принял эти слова так близко к сердцу, что прожил их менее чем за четырнадцать лет.

Конечно, на момент смерти Кит был физически очень стар, но эмоционально все еще оставался ребенком, и это всего лишь одна из многих ироний, которые пронизывают его жизнь и оказывают огромное влияние на других людей. В первые дни моих исследований, когда я провел шесть приятных месяцев в Лондоне своего детства, я понял, что пережил свой предмет. В свои тридцать два я не чувствовал себя старым, и ни я, ни кто-либо из друзей моего возраста не мог сравниться с усталым Муном в его последние дни - он так сильно распрямился в талии, что его брюшко было намеренно скрыто на обложке последнего альбома Who, а брови почти сошлись на переносице, его некогда красивое лицо было изуродовано годами чрезмерного употребления алкоголя — при нынешнем молодом настроении и оптимизме в отношении нашего будущего. (И это несмотря на тот факт, что никто из нас не называет себя ангелами.: хотя история Кита может читаться как поучительная история, она предназначена только для того, чтобы рассказать о пагубных привычках.) Позже тем же летом прошла дата, когда Киту исполнилось бы пятьдесят. Многие из его современников, конечно, были такими же,

они сами столкнулись с этой вехой. У меня вошло в привычку спрашивать, могут ли они представить себе пятидесятилетнего Кита Муна, и ответ почти всегда был отрицательным..Только Оливер Рид, казалось, был уверен в такой возможности, но, как один из немногих выживших после жизни на соусе, возникает соблазн сказать: “Что ж, он бы так и сделал”.

РАЗОБРАТЬ МИФЫ, ИЗ КОТОРЫХ СОСТОЯЛА ЖИЗНЬ КИТА, И ПРЕДСТАВИТЬ ИХ в виде фактов не всегда было легко. Мун, как правило, окружал себя такими же недисциплинированными персонажами, у которых иногда отсутствовала память ; это были не те люди, которые вели дневники. И Кит вечно оказывался в центре этого беспокойного шторма. Избитое клише о том, что если вы помните шестидесятые, то вас там не было, с таким же успехом можно применить к Лос-Анджелесу середины 1970-х, в котором Кейт устроился поудобнее.

Чтобы быть как можно более уверенным в своей истории, я проанализировал каждый отдельный эпизод на предмет достоверности. Если два или более воспоминания о событиях расходились, я проверял обстоятельства, чтобы выбрать наиболее вероятный. Те истории, которые не казались правдоподобными в зависимости от ситуации, какими бы остроумными или шокирующими они ни были, были оставлены на жестком диске, заменяющем пол в монтажной.

То же самое относится к тем областям, где история расходится с историей Воз. В мои намерения никогда не входило слишком сильно концентрироваться на группе: самым большим комплиментом, на который я мог бы рассчитывать, было бы то, что эту биографию с энтузиазмом прочтут люди, которые обращаются к ней не как к фанатам Who, а как к читателям, ищущим историю, чистую и незамысловатую, со всеми ее взлетами и падающими глубинами из великого романа, но каждая его часть правдива.

Тем не менее, было невозможно писать о карьере Кита, не рассматривая ее в контексте одной из самых важных и влиятельных рок -групп, той, ради которой Кит жил и умер, и когда я подробно описал те изменения в the Who, которые, по моему мнению, были существенными, я обнаружил, что, как и в в собственной жизни барабанщика множеству явно лживых историй было позволено беспрепятственно процветать.- растянутость - естественное следствие постоянного повторения. Если определенные аспекты История Воз, о которой я сообщаю, по-видимому, противоречит ранее “авторитетным” сообщениям, потому что я считаю свою версию правдивой. Ибо благодаря постоянно растущему ретроспективному анализу история предстает перед нами более отчетливо, письменные свидетельства становятся более доступными, и те скромные

души, которые не кричали неправду с крыш в разгар безумия, наконец -то могут поделиться своими ясными воспоминаниями. Именно эти элементы говорят в мою пользу , и я считаю, что эта история настолько точна, насколько это возможно, хотя и допускаю, что это необходимо, это история о самосохраняющемся мифотворчестве и постоянном общении.-

превращение восприятия в реальность.

СНАЧАЛА У МЕНЯ БЫЛО ИСКУШЕНИЕ РАССКАЗАТЬ ИСТОРИЮ КИТА ПРОСТО КАК ПОВЕСТВОВАНИЕ, ПЕРЕЖИВАЯ ее ЗАНОВО в “реальном” времени. Но, хотя это и было бы большим вымыслом, чем многие другие

роман, слишком большая часть его жизни была прожита без ведома других людей , и слишком многое в ней было преувеличено до слишком больших пределов, чтобы я мог не воспользоваться преимуществом ретроспективы. По этой же причине я позволил своей собственной точке зрения или мнению проявиться на страницах по мере необходимости: стремление биографа - это наполовину безумная одержимость , наполовину отстраненная детективная работа, а также неспособность разделить чью-либо страсть к предмету (или теории по нему) после того, как он неустанно гонялся за ним по всему миру. мир был бы не чем иным, как романтической или профессиональной трусостью. Наконец, как признают все биографы и журналисты, невозможно рассказать историю, не услышав сначала большую ее часть от других людей. Хотя в такой переменчивой жизни, как у Кита, не бывает двух одинаковых отречений, бывают моменты, когда воспоминания одного конкретного человека оказываются наиболее резкими — или, как это часто бывает в Случай Муна, самый забавный способ рассказать историю. Мне повезло, что так много людей, которые были близки с Китом, захотели поделиться своими соображениями; если мы хотим найти какой-то смысл в триумфальной, но в конечном счете трагической жизни Кита, их слова заслуживают того, чтобы их услышали.

Из многих сюжетных линий, которые, как я надеюсь, станут частью общей картины на последующих страницах, пожалуй, больше всего мне хочется нарисовать Кита Муна как символ (хотя и экстремальный) своего времени — экстравертную поп-звезду-подростка, брошенную на произвол судьбы в неизведанное море рок-славы, где нет ни карты, ни компаса, только компания таких же диких и необразованных пиратов и корабельный трюм, полный сильнодействующих наркотиков, среди которых слава едва ли наименее сильнодействующая. Те, кто помнит , как в юности Кит перевоплощался в Роберта Ньютона, и кто видел, как с годами Кит превратился в живое воплощение ньютоновского долговязого Джона Сильвера, возможно, сочтут это еще более трогательным, если я предположу, что собственное незапланированное путешествие Кита закончилось тем, что он оказался на частном Острове сокровищ, материально богатом сверх своих возможностей. мечтающий и эмоционально слабый сердцем, неспособный успешно общаться с миром в целом, жаждущий любви, но неспособный ответить на нее взаимностью, требующий внимания , не осознавая, что оно у него есть. Сцена, в которой он был спасен от этого изолированного существования, чтобы жить долго и счастливо, к сожалению, так и не была написана. В реальных драмах часто не бывает счастливых концовок.

Тони Флетчер Бруклин Февраль 1998

@ne

ЭТО БЫЛА ЖИЗНЬ, ПОСТРОЕННАЯ НА УВЕКОВЕЧЕНИИ ЧАСТО ПРИУКРАШЕННЫХ, часто полностью сфабрикованных историй, многие из которых исходили из его собственных уст. Поэтому неудивительно, что миф начинается с его рождения.

Кит Джон Мун появился на свет в Центральной больнице Мидлсекса в Эктон-лейн в тогдашнем городском округе Уиллсден, во время пика послевоенного бэби-бума, 23 августа 1946 года. В таком изложении детали кажутся почти бессмысленными, но обнадеживающе неопровержимыми. За исключением даты. Это вошло в историю, включая все основные и официальные документы группы Who*, о том, что Кит родился годом позже, в 1947 году. Это не так, это факт. Но то, что эта “ошибка” сохранилась в истории, демонстрирует, как легко в

мире сенсаций, которым является рок-н-ролл, утверждается ложь. Ложь , достаточно часто произносимая с убеждением, достаточно часто печатаемая без проверки, быстро становится правдой.

Кит знал это слишком хорошо. В какой-то момент он решил, что быть самым молодым в молодой группе недостаточно; возможно, каких-то пятнадцати месяцев, разделявших его с Питом Тауншендом, показалось ему недостаточным, учитывая очевидную зрелость автора песен по сравнению с юношеским поведением барабанщика. Что Кит в восемнадцать лет был настоящей британской поп-звездой и гастролировал Перелет в Америку на чартерном самолете в свой двадцать первый день рождения и полностью обеспеченный член рок-аристократической семьи в двадцать пять лет явно не обеспечивали должного комфорта в индустрии, вечно помешанной на последних достижениях

амбициозных подростков. Поэтому он просто вычел год из своей жизни. И все ему поверили.

* Сюда входят в целом исчерпывающие биографии Ричарда Барнса “Maximum R&B” и “Прежде чем я получу “Old” Дэйва Марша, а также хронология, сопровождающая 4-CD бокс-сет Who “30 Years of Maximum R&B”.

2 (Тони Флетчер

Как только он понял, как легко переписать правду, он никогда не останавливался. Ложь и придираться к нему приходилось все чаще и чаще. Однако Кит был не столько заядлым лжецом, сколько убедительным лжецом, которому люди хотели верить, особенно доверчивая пресса. Но Кит был неправ, если думал, что его жизнь нуждается в описании. В то время как вышитая, тщательно проработанная, преувеличенная картина, которую он позже нарисовал о себе, раскрывается как таковая в тот момент, когда на ней появляется царапина, реальный Кит, который скрывается под ней, был не менее очарователен: просто неуверенность, которая терзала его всю жизнь, заставляла его

возводить баррикады, чтобы не дать ей раскрыться.

Несмотря на свою разговорчивость и гостеприимство, взрослый Кит Мун никогда не был особенно интересным собеседником. На заре славы, когда его спрашивали о том, что он думает о последнем альбоме Who, он обычно отвечал односложно : “Нам было намного веселее записываться” или “Мы были бы очень разочарованы, если бы он не продавался”. Его публицисты вскоре осознали ограниченность своей тематики и научились просто впускать журналистов в личный мир Кита — будь то в его неподражаемом доме “Тара” в Суррее, в пабе в Котсуолдсе, на съемочной площадке, в ночном клубе после шоу или даже на загородном празднике — и надейся на лучшее. Почти невыполнимая задача, стоявшая перед каждым, кого послали прикрывать этого человека, состояла в том, чтобы простыми словами передать вид и звуки этого человека. Кит Мун был в постоянном движении, чтобы запечатлеть на бумаге маниакальный смех, которым были приправлены его бессвязные монологи, должным образом отметить выражение его лица, когда он перевоплощался в различных персонажей, передать его юмор черным по белому, когда его шутки редко включали в себя кульминационные моменты — все это писатель обычно делал в тумане о похмелье на следующий день. Учитывая , что рок-журналистика как вид искусства зародилась только в середине семидесятых, к этому моменту Кита превозносили как клоуна, достойного безумно изобретательных фотосессий и нелепых рекламных трюков, но, конечно, не считали представителем рока (особенно учитывая длинную тень, которую Тауншенд отбрасывал в этом отношении), то неудивительно, что Кит оставил мало воспоминаний о своем собственном детстве. Казалось бы, никто не подумал — или не осмелился — снять грим с этого автопортрета.

Судя по рассказам самого Кита, его жизнь началась только тогда, когда он открыл для себя игру на барабанах и в возрасте четырнадцати лет быстро бросил школу. В той мере, в какой он нашел свое призвание в жизни, это, возможно, было правдой. Тем не менее, удивительно, насколько тщательно семья Кита Муна избегает любых разговоров, в которые он впоследствии вступал о своей юности. Мы знаем, что родители поддерживали его: Кит никогда бы не стал таким не по годам развитым барабанщиком без их финансовой и эмоциональной помощи. Мы знаем, что он тоже любил их: позже он купил им муниципальный дом. (Его мать, флегматичная, самодостаточная, невозмутимая женщина из рабочего класса до мозга костей - по сути, полная

противоположность своему сыну — отказалась переезжать в более изысканное место.) Но

он предпочел не говорить о них. Возможно, он беспокоился, что они были скучными. Возможно, просто не о чем было говорить.

В значительной степени это было правдой. Его родители, в отличие от своего знаменитого сына, выбрали анонимную жизнь, верные друг другу и не отвлекающиеся на остальной мир. Они родились с разницей всего в год: Кэтлин Уинифред Хопли (“Кит” для своих друзей), младшая из трех девочек, 4 ноября 1920 года в Сент-Джонс-авеню, 72 в Харлесдене; Альфред Чарльз Мун появился на свет пятым в здоровенном выводке из четырех девочек и трех мальчиков, родившихся на Брук-Фарм в Хернхилле, северный Кент, 30 ноября 1919 года. Харлесден в то время был форпостом северо-западного Лондона, где было много рабочих мест благодаря железным дорогам, как национальным , так и подземным, которые сходились на близлежащем узле Уиллсден; отец Кэтлин Гарри, предок, от которого Кит, скорее всего, перенял энтузиазм.- жил в Кенте, работал железнодорожным охранником. Сельская местность Кента, в которой Альф вырос в совершенно иной обстановке: семейная ферма (название “Мун” в этих краях не редкость) была лишь одной из многих, неразрывно связанных с соседним Фавершемом, торговым городом с населением чуть более десяти тысяч человек , где в основном торговали кукурузой, хмелем и шерстью, а также проводился двухнедельный рынок скота.

Альф и Кит познакомились, когда были еще подростками, когда Хопли всей семьей ездили отдыхать на побережье Северного Кента, где были такие места, как Херн-Бей и Маргейт всегда пользовался популярностью у лондонских семей рабочего класса. В то время на горизонте зловеще маячила война, и молодые пары по всей стране вступали в новые отношения с почти духовным рвением, возлюбленные спешили к алтарю, как будто свадебные клятвы могли послужить талисманом на время предстоящего отсутствия мужчин.

Альф Мун мог позволить себе роскошь избежать войны, по

крайней мере, лично. Фермерство считалось “запасным занятием”, сами фермеры были освобождены от воинской повинности. Если бы Альф с головой ушел в семейный бизнес, он мог бы наблюдать за битвой за Британию, находясь в относительной безопасности на полях графства Кент. Но он расценил этот вариант как трусость. Он считал, что его страна нуждается в

его. Кроме того, он никогда не хотел быть фермером. Он предпочитал привлекательность города. Он зарегистрировался.

К тому времени, когда 27 сентября 1941 года Альф и Кит поженились в церкви Святого Михаила в Токингтоне, к северу от Харлесдена, битва за Британию закончилась, и неизбежная немецкая оккупация Британских островов казалась маловероятной. Но город ужасно пострадал во время блица, особенно северные районы, такие как Харлесден и Уэмбли, с их тяжелой промышленностью, складами оружия и железными дорогами. Собор Святого Михаила, построенный всего несколькими годами ранее на месте первоначальной церкви восьмого века, сам был сильно поврежден бомбами. Альфу и Киту оставалось только радоваться, что они до сих пор живы и могут насладиться кратким праздником любви посреди мира, охваченного войной. Поскольку будущее все еще оставалось таким неопределенным, единственное, в чем они могли быть уверены в своей жизни, - это в своей преданности друг другу.

4 (Тони Флетчер

Пара поселилась в миле к северу от места рождения Кит, в доме 224 Токингтон-авеню, тихая жилая улица, граничащая с Харроу-роуд на востоке и Уэмбли-Брук, а затем с множеством железнодорожных путей и вагонных сараев на западе. Несмотря на то, что сам дом, возведенный в начале 1930-х годов Лондонским жилищным обществом, находился в неблагополучном районе, он был добротным и относительно просторным, располагался в конце небольшой группы таких же домов, с садом как перед домом, так и за ним. Высший рабочий класс, если хотите быть точным — как это всегда делают британцы. Но в то время как во время войны во многих семьях появились дети, особенно в последние пару лет, когда победа

союзников казалась все более вероятной, Луны ждали, пока не будет объявлен мир и Альф не сможет вернуться домой навсегда. После демобилизации он нашел работу машиниста на металлурге в этом районе, и пара, которой было под тридцать, остепенилась, чтобы, наконец, создать семью. Появление на свет младенца Кит и его быстрое превращение в красивого и энергичного малыша казались почти несправедливыми, когда они вспоминали о потерях, которые понесли другие за последние семь лет. Альф и Кит поклялись всегда считать, что им повезло . Жизнь, полная придирок и жалоб, не для них.

Жизнь с Лунами была, конечно, в первые годы жизни Кейта, обычной до такой степени, что казалась незаметной. Британия после войны переживала огромный процесс восстановления на трех противоположных уровнях. В буквальном смысле этого слова - возведение миллиона новых домов за пять лет взамен 700 000, которые были снесены во время блицкрига, и многих других, которые этого заслуживали; метафорически - лейбористское правительство Клемента Эттли продвигает исторические социалистические меры, такие как введение Национальной системы здравоохранения. Сфера услуг и национализация многих ключевых отраслей промышленности; и это было очень важно в эмоциональном плане, поскольку молодые родители, чьи семьи были разрушены за предыдущее десятилетие , посвятили все свои силы воспитанию детей в лучшем мире. Хотя это был беспокойный период для политиков и бюрократов и хотя нацию поначалу охватило новое чувство оптимизма — количество зрителей футбольных матчей, классический показатель благосостояния британцев, в первые послевоенные годы достигало пика в миллион человек в субботу днем , - для нестандартного поведения было мало места . Места, где были разбомблены бомбы, по-прежнему виднелись в окрестностях каждого города. Нормирование продуктов питания продолжалось и в 1950-е годы, как и политика ограничения заработной платы, из-за которой становилось все труднее поддерживать даже минимальный уровень жизни. Знаком того времени остается то, что министр финансов лейбористской партии сэр Стаффорд Криппс осмелился призвать граждан ”отбросить все мысли о личной выгоде и личных амбициях”” — и что общественность должна последовать его примеру.

В столь суровом климате развлечения были подобраны так, как они были найдены: по радио, где можно было услышать таких певцов, как американские сестры Эндрюс, или Бинг Кросби, или британскую героиню войны Веру Линн, а также легкие оркестры

Би-би-си; в кинотеатрах, где бесконечно отдавали дань уважения Британские герои войны (и беззаботные “Илингские комедии”, названные в честь запада

На лондонских студиях, где снимались многие из них); или в пабе, общей гостиной для рабочего класса, где пиво было дешевым, а разговоры бесплатными.

“Луны”. они редко могли найти время на просмотр фильма, потому что им приходилось растить маленького мальчика, и они не пили. Их ребенок Кит был отличным развлечением — и в избытке, благодаря своему непоседливому характеру и комедийному поведению. Он также проявил непосредственную склонность к музыке. “С трехлетнего возраста он часами просиживал у старого портативного граммофона, - вспоминала его мать , - и проигрывал старые записи семидесяти восьми звезд, таких как Нат Кинг Коул и лидер шотландцев Джимми Шэнд”. В июне 1949 года, когда Альф уже работал механиком в химчистке, у супругов Мун родился второй ребенок, Линда Маргарет, и примерно через год семья продвинулась еще на милю по Харроу-роуд в пригород Уэмбли, к новому дому, построенному в период бурного развития этого района всего за несколько месяцев до начала мировой войны Вторая и впоследствии приобретенная местным советом улица Чаплин-роуд, 134. На первый взгляд, между их бывшей улицей и новой было мало различий: обе были тихими, неприметными и одинаковой длины, шли чуть южнее и параллельно Харроу-роуд. Но новый дом Мунов с тремя спальнями отличался тем, что был двухквартирным и с гораздо большим палисадником перед домом. Семейные магазины на Илинг-роуд находились всего в нескольких минутах ходьбы на восток.* А до местной начальной школы Бархэм можно было быстро добраться по муниципальному району Фарм-авеню, расположенному почти прямо через дорогу. Именно там Кит Джон Мун впервые пошел в школу в сентябре 1951 года.

Построенный сразу после войны, Бархэм был престижным дополнением к Район Уэмбли - многообещающее начало для нового послевоенного поколения. И , как и в большинстве случаев в начальной школе, эти воспоминания связаны с радостной

невинностью. Сестра Кита Линда, которая поступила туда три года спустя, с теплотой вспоминает директора Бархэма, некоего мистера Холла, и вспоминает школу в целом как райское местечко. “Все учителя любили Кита, - говорит она с простодушием, присущим всем (кроме одного) членам семьи, - потому что он был милым ребенком”. Кит, мать Кита, всегда рассказывает особенно очаровательную историю о школьном танцевальном представлении, когда Киту было семь лет, где, в свою очередь , он танцевал не только в кругу своей небольшой избранной группы, но и на протяжении всего представления-на землю и в заднюю часть школы, прежде чем вернуться на свое место; важно отметить, что она вспоминает, как “ему просто нравилось всеобщее внимание”. Она также помнит, как посещала дни открытых дверей в Бэрхэме, “ожидая худшего’ — Кит был так напряжен дома, что она знала, что он принесет свою безудержную энергию в школу , — но учителя “всегда говорили, что он никогда не доставлял им хлопот”.

Кит Клевердон, друг Муна с Линторп-авеню, расположенной неподалеку.

* Несколько неправильное название - Илинг-роуд, которая тянется на юг от Уэмбли через Альпертон к Ангару. Переулок, останавливающийся за добрую милю или две до самого Илинга.

6 (Тони Флетчер

Однако Корнер с Чаплин-роуд вспоминает, что даже в начальной школе “он постоянно попадал в неприятности, смеялся, шутил и пукал. Даже тогда ему было на все наплевать. У него просто было такое отношение: “Я хожу в школу, и если я этого не сделаю узнаешь что-нибудь, да и вообще, кому какое дело?”

Хотя те, кто учился с ним в Бархэме, не помнят, чтобы отмечали Кит готов к будущей славе и богатству, на классной фотографии того времени он уже готовится к славе. Он сидит в центре первого ряда (ну конечно же!), в клетчатой рубашке и свитере с V-образным вырезом, его волосы ниспадают челкой; в то время как окружающие его люди грациозно улыбаются (можно почти услышать, как фотограф умоляет детей “скажи ’сыр”!”), Кит

яростно тянется к камере, склонив голову набок, подмигивая глазами и широко раскрыв рот в свирепой пиратской ухмылке. Актер Роберт Ньютон уже был известен благодаря английским детям в возрасте Кита благодаря своему выступлению на экране в 1950-х годах. Джон Сильвер в фильме “Остров сокровищ”, который был настолько успешным, что вызвал продолжение фильма и два телесериала. Судя по школьной фотографии, Кит рано начал подражать ему.*

Вернувшись на Чаплин-роуд, Альф стал называть своего сына “Нобби” и безуспешно пытался привить ему любовь к самому английскому виду спорта - крикету. В то время как мистер Мун нашел новую работу в качестве механика по техническому обслуживанию и монтажу двигателей в муниципальном совете Уэмбли (хотя это и было далеко не престижно, но это была “работа на всю жизнь” , и Альф действительно проработал в муниципалитете до самого конца), Кит устроилась на неполный рабочий день уборщицей, как только двое детей выросли. в школе. Кит подружился с мальчиком по имени Майкл Моррис, одним из десяти детей из семьи напротив. Линда вспоминает их как “неразлучных друзей”. Мальчики вместе учились в Бэрэме, а после школы играли в доме Моррисов или, вместе с другими детьми с улицы, такими как Кит Клевердон, в Бэрэме Парке напротив Харроу-роуд, ловили тритонов и занимались другими обычными мальчишескими делами. (Майкл Моррис погибнет в автокатастрофе в конце 1960-х годов.) Семейные каникулы неизменно проходили на побережье Кента, где Альф и Кит впервые встретились; каждый год они арендовали фургон “Сарн” в Херн-Бей, Кит играл с двоюродными братьями из соседнего Уистейбла, ловил на блесну моллюсков и ракообразных в мелководных прибрежных водах. Тем не менее, беспокойная натура Кита уже дала о себе знать. “Я бы сказала, что он был немного одиночкой”, - отметила его мать. “И ему действительно все быстро наскучивало. Его поезд и конструктор не заинтересовали его надолго”.

ТАКИЕ НАЧАЛЬНЫЕ ШКОЛЫ, КАК БАРХЭМ, ПОДАРИЛИ МНОГИМ британским ШКОЛЬНИКАМ одни из лучших, безусловно, самых невинных воспоминаний об их жизни, но

* Ньютон умер от сердечного приступа, спровоцированного

алкоголизмом, в 1956 году, менее чем через месяц после завершения съемок в роли инспектора Фикса в своем самом крупном фильме “Вокруг света за 80 дней”. Изо всех сил пытаясь сохранить

пообещав оставаться трезвым во время съемок, он впал в роковой запой, как только закончились основные съемки.

государственная школьная система, к которой они принадлежали, на протяжении многих лет вынуждала их играть жестокую диктаторскую роль в будущем своих детей, в форме ужасных 11-ти с плюсом. Оценка “11 с плюсом”, которую получали все ученики по окончании начальной школы, стала для многих из них величайшим испытанием, приведшим к развилке на жизненном пути, направление которого редко можно было повернуть вспять. Сдача экзамена означала окончание средней школы, за которым последуют высшие оценки (даже пятерки и, возможно, поступление в университет для самых способных), а также некоторую гарантию надежной, хорошо оплачиваемой работы “белым воротничком”. Неудача означала отправку в местные средние современные школы, которые рассматривались как нечто большее , чем свалки для отбросов общества, которые в течение четырех лет держались за ручки, так мало заботясь о будущем своих учеников, что выпускные экзамены не считались необходимыми. * Продукция средних современных школ предназначалась для на заводах и в сфере услуг у них мало шансов стать “белыми воротничками”.

Шансы Кейта с самого начала были не в его пользу. Он родился за девять дней до сдачи экзамена, который проходил целый год спустя, — возраст на 1 сентября начинается учебный год в Великобритании, и, следовательно , ему было всего десять лет, когда он получил 11 баллов с плюсом. Кроме того, местная грамматика Школа строго придерживалась ограниченного набора, несмотря на огромный всплеск в связи с бэби-бумом; это означало значительное повышение порога, при котором Ученики “Уэмбли” “сдали” на 11 с лишним баллов, и те, чьи

“пограничные” способности позволили им поступить в начальную школу пятью годами ранее , теперь почти гарантированно попадали в современную среднюю школу. Эти первоначальные трудности усугублялись жизнерадостностью Кита и его малой концентрацией внимания, которые еще не были определены как что-то иное, кроме детского веселья.

Наконец, каким бы молодым он ни был, он был осведомлен о различных культурных изменениях, которые, казалось , одновременно происходили в британском обществе, и, по крайней мере, частично на него повлияли.

Как и в случае с Америкой, когда в середине 1950-х годов первая группа детей войны достигла подросткового возраста, они сделали это в период роста благосостояния . В результате они оказались с таким “доступным” доходом , какого никогда не имели их родители, пережившие депрессию, войну и послевоенное нормирование питания. Для их описания был даже придуман новый термин — подростки. В центральных районах Великобритании эта новая группа потребителей тратила большую часть своих наличных на одежду, и так появились “тедди бойз” - первый настоящий молодежный культ в Великобритании, который сразу же вызвал панику среди среднего и высшего класса своим появлением в пиджаках эдвардианского стиля,

* Родители, которые считали, что с их отпрысками обращаются особенно несправедливо, могли потребовать сдачи экзамена только для детей старше 13 лет, успешная сдача которого давала возможность перевестись в техническое училище, чтобы оттачивать навыки механика в течение года.

последующие два года.

брюки—дудочки и обувь в стиле бордель-крипер - не считая их готовности использовать выкидные ножи, которые они часто прятали при себе.

Вскоре у них появилось что-то еще, на что можно было потратить свои деньги. Рок'н'ролл впервые пересек Атлантику в лице дородного Билла Хейли, чья песня "Rock Around the Clock" вышла на первое место в ноябре 1955 года после того, как фильм "Джунгли на доске", в котором она была показана, вызвал массовые беспорядки по всей Британии. (В качестве доказательства гомогенизации культуры, в которой он появился, обратите внимание, что предыдущие номера были написаны Джимми Янгом, Альмой Коган, Слимом Уитменом и братьями Джонстон.) В следующем году Хейли постарела. Квифф быстро стал иконой рок-н-ролла благодаря глубоко чувственному голосу, необузданной энергии, покачиванию бедер и красоте кинозвезды Элвиса Пресли, который оказал такое же катастрофическое влияние на британскую музыкальную сцену и молодежь, как и в Америке. То, что "Heartbreak Hotel", "Blue Suede Shoes" и "Hound Dog" в одночасье стали хитами, говорит лишь о части истории; эмоциональное воздействие, которое молодой Элвис оказывал на своих еще более юных слушателей, никогда нельзя было определить простыми позициями в чартах.

Корни рок'н-ролла простирались гораздо глубже, чем у Билла Хейли или Элвиса Пресли, конечно, но в Британии не было традиций черной музыки; ее молодежь ничего не знала об обстоятельствах, при которых американский ритм-энд-блюз, кантри, деревенщина и поп объединились в музыке и образе богобоязненного двадцатилетнего кавказского маменькиного сынка из Тупело, штат Миссисипи. Что касается подростков Великобритании, то рок'н'ролл в целом и Элвис Пресли, в частности, свалился с неба в одночасье, как манна небесная. Таким образом, некоторые рассматривали все это как моду, и, возможно, так оно и оказалось бы, если бы в Британии, благодаря удачному стечению обстоятельств, не вспыхнуло повальное увлечение скиффлом, пришедшее из сердца традиционных джазовых коллективов, чьи концерты были посвящены сокращению интервалов между выступлениями. джазовые и фолк-стандарты, сочетающиеся с простотой стиральных досок и акустических гитар , внезапно превратились в национальное движение, превратив Лонни Донегана в главную звезду, а такие номера, как "Rock Island Line" и "Cumberland Gap", стали популярными на улицах. Мир музыки изменился буквально за одну ночь. Если раньше даже для того, чтобы подумать о том, чтобы стать музыкантом, требовалась серьезная подготовка, то скиффл продемонстрировал, что это под силу каждому, а рок -н-ролл наглядно продемонстрировал потенциальные выгоды.

Тем летом 1956 года продажи гитар взлетели до небес, так как почти все Британский парень, казалось, был полон решимости осуществить свою мечту и стать своего рода музыкальной звездой. Отчаявшиеся родители по всей стране, даже когда они потратили свои свободные деньги на покупку обычной шестиструнки для своих влюбленных сыновей, предупреждали, что мечта неосуществима: мальчики из рабочего класса без музыкального образования просто не становятся популярными певцами. Но когда в следующем Январь бывший моряк торгового флота Томми Хикс, которого британский поп-импресарио Ларри Парнес обнаружил поющим в the Stork Room на Риджент-стрит , занял первое место со своей слегка бунтарской версией “Пения

MOON >? g

”Блюз” под более гламурным названием Tommy Steele, казалось, что мечта действительно может стать реальностью для любого, кто обладает достаточной внешностью и решительностью. l

Консервативные представители общества — политики, священнослужители и газетные обозреватели, воспитанные на взаимодополняющих понятиях традиционной мудрости и уважения к старшим, - были вынуждены задуматься о неминуемом падении западного общества. На фоне Суэцкого кризиса, который навсегда подорвал невыносимое высокомерие неспокойной британской империи , сближение teddy boys, рок-н-ролла и skile в сочетании с обретением подростками экономической независимости придало особый импульс развитию британской империи.- очень болезненный последний гвоздь в крышку гроба устоявшихся ценностей. Музыкальные еженедельники нравятся . создатель мелодий, в которых доминирует джаз, и более популярный New Musical Express присоединились к акции протеста, выразив надежду на то, что увлечение рок-н-роллом пройдет. Зато появились новые записи Джина Винсента (“Be Bop A Lula”, “Blue Jean Bop”), Литтл Ричарда (“Rip It Up”, “Long Tall Sally”), Фрэнки Лаймона и the Подростки (“Почему дураки влюбляются?” и “Я не малолетний преступник-квент”) и другие хиты Элвиса Пресли и Билла Хейли — все они звучали с разных сторон, но были частью одной и той же культурной революции, подобно победоносным армиям новых союзников, — продолжали нагромождаться друг на друга в

британских чартах. И это несмотря на то, что радио Би-би-си избегало рок-н-ролла, как чумы, угрожающей здравому смыслу, так оно, очевидно, и было. (Вместо этого потенциальным поклонникам пришлось слушать радио Люксембург, которое продавало пятнадцатиминутные ролики крупным американским лейблам и на котором легендарный американский диджей Алан Фрид вел субботнее вечернее шоу.) К весне 1957 года увлечение скиффлом достигло своего пика, а рок-н-ролл стал популярен во всем Мире. был здесь, чтобы остаться. Самый большой разрыв между поколениями всех времен трещал по швам, не в силах сдержать юношеский восторг.

Говорят, ничто не происходит в вакууме, но, черт возьми, именно так, должно быть, чувствовали себя те, чья жизнь изменилась благодаря новой музыке. О чем думали их родители, воркуя вместе с Дорис Дэй, Розмари Клуни, Перри Комо и Бингом Кросби? Как могли их дяди и тети находить “Чернильные пятна” новаторскими теперь, когда появился Литтл Ричард, или Джонни Рэй соблазнительными теперь, когда на сцене появился Элвис? А что касается джаза, то как кто-то мог ожидать, что подростки увлекутся чем-то, в чем так много внимания уделяется музыкальной теории, когда скиффл сводит все к элементарным эмоциональным основам? Все без исключения участники британских групп, которым предстояло штурмовать музыкальный мир в следующем десятилетии — the Beatles, the Stones, the Who, the Kinks, список можно продолжать, — в этот период пережили свое собственное прозрение. Жизнь для всех них уже никогда не будет прежней. Да и не могло быть.

Кит, безусловно, увлекся рок-н-роллом с того самого момента, как он взорвался, и уговорил своих родителей купить “Rock Around the Clock”, “Green Door”,

и другие относительно безобидные символы нового музыкального расцвета, которые он постоянно проигрывал на семейном проигрывателе с 78 оборотами в минуту, а затем на свои собственные карманные деньги впервые купил пластинку Томми Стила “Поющий блюз”. Хотя он принадлежал к младшему поколению , проявлявшему такой энтузиазм, он увлекся так же

мгновенно, как и любой из тех, кто уже достиг подросткового возраста.

Какие шансы тогда были у его образования, учитывая все эти трудности и внешние влияния, которые мешали ему? К большому разочарованию его родителей и его собственной кажущейся беспечности, поздней весной 1957 года он провалил экзамен на 11 баллов с плюсом. В то время как несколько его друзей из начальной школы отправились учиться в округ Уэмбли Начальная школа и перспектива успеха в жизни, Кит Мун был отправлен в современную среднюю школу Альпертона и почти наверняка провал.

ПО ВСЕЙ ВЕРОЯТНОСТИ, НЕТ БОЛЕЕ ЗНАМЕНИТОГО британского ПРИГОРОДА , ЧЕМ Уэмбли. Это не имеет ничего общего с его природным очарованием или красотой — у него их нет — и все это связано с его знаменитым рукотворным памятником: Уэмбли Стадион, родина английского футбола. Это приводит к серьезному кризису идентичности. В то время как дети из этого отдаленного района на северо-западе Лондона часто мечтают о побеге в более захватывающие места, как это обычно делают молодые люди из пригородов по всему миру, остальная часть страны, помешанной на футболе, мечтает попасть на “Уэмбли” - если бы не финал Кубка Англии, который проводится там каждый май в качестве завершения чемпионата мира по футболу. самый продолжительный и увлекательный ежегодный спортивный турнир, затем финалы других футбольных соревнований, международные матчи, в которых неизменно принимает участие сборная Англии, а в наши дни стадионного рока все чаще и концерты. Добавьте к этому использование сопровождающего самолета на 10 000 мест “Уэмбли Арена” (ранее “Эмпайр пул”) - одна из крупнейших крытых концертных площадок Великобритании, и неудивительно, что “Уэмбли” часто завоевывает мгновенное признание за рубежом гораздо легче, чем даже Букингемский дворец.

Трудно представить то, как один путешествий до Харроу Роуд от Железнодорожный вокзал Паддингтон на окраине Лондона, последние серии в основном жесткий и неумолимый внутренний город анклавы—Вестбурн парк, Кенсал Грин, Уиллсден-Джанкшн, Харлесден (где родилась мать Кита) и Стоунбридж—парк (где Кит сначала жил) - этот “Уэмбли” когда-то был в сельской местности. Только если проехать через сам “Уэмбли” и попасть в Кентон,

Харроу и Пиннер, а также парки, которые еще несколько миль назад были такой редкостью, начинают разрастаться, вскоре уступая место полям для гольфа и фермам. Понимает ли кто-нибудь, что огромный Лондонский сити на самом деле имеет границы, что высотные здания и плотно застроенные улицы с террасами, испарения, поднимающиеся из автобусы и толпы пассажиров со станций метро действительно где-то заканчиваются.

На протяжении веков Уэмбли был отдаленной деревушкой, состоящей всего из шести

домов, построенных в 1542 году, к 1805 году осталось всего двадцать два, и на протяжении большей части девятнадцатого века население города составляло всего двести человек. Это изменилось в В 1844 году, когда в соседнем Садбери на новом Линия Лондон-Бирмингем, открывающая сообщество для остальной части страны. Всего через два года Уэмбли стал приходом, а в 1895 году — городским районным советом, и в последующие годы наблюдался быстрый рост, особенно после 1879 года, когда ветка первой линии лондонского метро “Метрополитен” прошла через Уэмбли на пути к Харроу-он-зе-Хилл.

Основатель митрополии, сэр Эдвард Уоткинс, скупил земли по обе стороны от своих новых железнодорожных линий, на которых он построил современные на тот момент жилые комплексы, сократив разрыв между самим Лондоном и этими отдаленными приходами: термин “Метроленд” был придуман для обозначения этого особенно яркого примера субурбии, вдохновившего Джона Бетджемана на создание многих наиболее известных стихотворений. В конечном счете, Уоткинса больше всего запомнили в этом районе за менее продолжительное достижение: его попытку построить аналог Эйфелевой башни в Уэме-Блей-парк, площадка для отдыха, открытая в 1894 году. Затруднено за счет бюджетных проблемы, структура никогда не получал больше, чем его первый уровень, и стало известно, довольно жестоко, как глупость Уоткинс. Его снесли в 1907 году и “Уэмбли” Стадион построен в конце концов над ним.

Фотографии этого более удачного национального памятника, построенного после Первой мировой войны, когда местное население выросло до 13 000 человек, показывают, что окрестности по-прежнему представляли собой преимущественно сельскую местность. На самом деле это были молочные фермы, и многие поколения лондонцев сразу узнают названия Express Dairy, Vale Farm и Welford's Dairy, которые были расположены в окрестностях Уэмбли и ежедневно поставляли молоко. Действительно, Чаплин Дорога была построена на земле, когда-то принадлежавшей компании сэра Джорджа Бархэма "Экспресс" Отсюда и название начальной школы Кейта и прилегающей фермы Авеню Эстейт. .

К 1940 году население Уэмбли, частично из-за извержения вулкана Субурбия и удвоившееся в результате его слияния с городским районом Кингсбери, возросло до феноменальных 120 000 человек. Даже без Второй мировой войны предложению жилья было бы трудно соответствовать спросу, но взрывы бомб в сочетании с бэби-бумом нанесли особый ущерб инфраструктуре этого района. В общей сложности за время войны около девяти тысяч бомб повредили почти половину домов в этом районе, что привело к такой острой нехватке жилья, что в первые послевоенные годы повсеместно распространялось самозахватывание.

Положение местных школ было немногим лучше. Одна из начальных школ, Уэмбли-Хилл, была полностью разрушена во время войны. В школе Альпертон, расположенной высоко на Илинг-роуд, тоже были серьезные проблемы. Первоначально он был построен как элементарная постройка в 1898 году, когда община, в честь которой он был назван, все еще была деревней, и со времен Второй мировой войны расширился за счет различных хижин и пристроек. Первая мировая война, когда возраст окончания школы повысился с одиннадцати до четырнадцати лет, и

затем, когда начнутся работы на стадионе "Уэмбли" (который открылся к Кубку Англии Финал в 1923 году, который сразу же посетили 250 000 болельщиков) привлек еще больше семей и

полностью урбанизировал этот район.

Закон об образовании 1944 года отменил начальные школы, создав вместо них современную среднюю школу, ограничив обучение в начальной школе детей младше одиннадцати лет и снова увеличив возраст окончания школы до пятнадцати лет. Поскольку Альпертон и без того был сильно разросшимся, были немедленно предложены планы строительства новых и более просторных помещений , чтобы справиться как с этим изменением в законодательстве, так и с притоком будущих учеников , вызванным бэби-бумом. Однако суровая реальность послевоенной экономики помешала осуществлению намерений, и только в середине 1950-х годов начались работы по строительству нового здания у подножия холма One Tree, сразу за станцией метро Alperton, расположенной ниже по Илинг-роуд.* Однако даже новое здание не могло в полной мере соответствовать возросшим ролям итак, осенью 1957 года школа разделилась по половому признаку: девочки остались в прежнем здании на Илинг-роуд, а мальчики заняли новое здание вместе с бывшим директором мистером Хостлером.

Некоторые изменения пришли с новыми местоположения и его имя, Альпертон Вторичная современная школа для мальчиков (хотя “современная” быстро упала с языком в школе из-за его негативных коннотаций). Примечательными были ее размеры и статус: игровые площадки казались такими же большими, как и весь старый Альпертон, а научным лабораториям, спортивному залу, библиотеке и кабинету рисования могла позавидовать начальная школа, хотя в Альпертоне по-прежнему не было возможностей для изучения музыкальных инструментов. Наиболее значительным изменением стало то, что учителя всех предметов были заменены отдельными преподавателями по каждому предмету, что стало необходимым шагом в подготовке учащихся к сдаче экзаменов уровня GCE O. В то время как все дети по-прежнему могли бросить школу в пятнадцать лет, самые способные из них, включая тех, кто обычно учился бы в начальной школе, если бы не бум рождаемости, с 1960 года могли оставаться на пятый год, чтобы сдать эти престижные экзамены. Остальным по-прежнему предлагался шанс вместо этого сдайте экзамены в компенсационном RSA (Королевское общество искусств). Учитывая все обстоятельства, Современная средняя школа Альпертона была задумана как учебная площадка, а не как свалка. И что касается нового здания, то новая система

*Примерно в это же время, в 1956 году, директор по образованию “Уэмбли” осознал проблемы, вызванные быстрым ростом района. Во время публичного выступления он сказал, что “Уэмбли - странное место. Оно такое новое. За этим стоит очень мало традиций”. В заключение он сказал, что это был “спальный город”.

Общий сертификат об образовании “обычного” уровня был введен в Великобритании в 1951 году, но до тех пор, пока В 1955 году их разрешалось брать с собой только ученикам начальной и государственной школ. В Альпертоне к возможности проучиться еще год в школе относились как к единственной возможности. В 1960-1961 годах в “Альпертоне” на пятый год обучения осталось всего одиннадцать мальчиков; в 1961-1962 годах в “Альпертоне” осталось двадцать одногодок Кейта, четырнадцать из которых получили дипломы. В следующем году около шестидесяти шести человек, то есть более двух третей от общего числа учащихся, сдали экзамены на “отлично”. В 1972/73 учебном году возраст окончания школы был повышен до шестнадцати лет, и он по-прежнему остается на прежнем уровне.

образование, новый значок с изображением одинокого дерева в честь его нового местоположения и внезапное отсутствие девочек в классе (и женщин в учительской) - все это создало равные условия, в которых каждый мальчик, с первого по четвертый год обучения, чувствовал себя так, как будто он это было частью нового начала.

В ЭТОЙ НОВОЙ СРЕДЕ КИТ БЫСТРО РАСЦВЕЛ КАК ЛИЧНОСТЬ , в то же время испытывая трудности как ученик. То, что его перевели в класс “А”, говорило о том, что он был умным мальчиком, который в другие годы, когда не было бэби-бума , мог бы поступить в среднюю школу, но это также заставляло его не отставать от лучших и одаренных. Изо всех сил стараясь сосредоточиться, но полный решимости не допустить, чтобы его игнорировали, он быстро начал маскировать свои недостатки,

зарекомендовав себя в качестве классного клоуна, отпуская шуточки и приступая к практическим занятиям. шутил, выводил из себя учителей, старался, чтобы все его знали, даже если никто не решался рискнуть и стать его лучшим другом. Учителя стали называть его “Спутник” в честь российского космического спутника, запущенного в октябре того же года.

Дома Кит продолжал крутить родительский проигрыватель на 78 оборотах — “он сидел и заводил его, пока не кончилась весна”, — вспоминала его мать, - а по воскресеньям после обеда он присоединялся к ним у радиоприемника, слушая, как The Goons исполняют свое еженедельное шоу в прямом эфире на Би-би-си из театра Кэмден на другом конце города. северный Лондон.

“Головорезы”, первая великая британская послевоенная комедийная команда, были предшественниками “Монти Пайтона” и любого другого подобного непочтительного института , о котором стоит упомянуть на одном дыхании. Во время трансляций, которые охватывали 1950—е годы, эти три ветерана варьете военного времени - Спайк Миллиган, Питер Селлерс и Гарри Секомб (Harry Secombe) приступили к вдохновенному падению нравственности, от одобренной Би—би-си легкой шутливости к полному хаосу и притворству. У всех персонажей “Головорезов” были такие имена, как Кровавик, Колокольчик и Гриптайп Тинн; их приключения происходили либо в воображаемые периоды времени (например “История Плиния Старшего”), или переосмысливали Вторую мировую войну как чепуху (“Танец семи армейских одеял” или изменение названия фильма “Возмездие за страх” на пародию “Страх перед возмездием”); их сценки были поставлены под сюрреалистические саундтреки, знакомую трескотню пулеметов и свист снарядов над головой, превращающийся в звуки отпиливания конечностей или взрыва массовых рисовых пудингов.

Несмотря на раболепное подчинение, практикуемое взрослыми, такими как Альф и Кит Мун, в Британии 1950-х годов the Goons задели за живое всю нацию. Питер Селлерс, с которым Кит позже подружился и у которого было много общих черт, предположил, что “публика отождествляла себя с этими персонажами и ситуациями, потому что для многих из них они были чем-то большим, чем просто забавные голоса. Они были карикатурами на реальных людей”. Другими словами, роль головорезов заключалась в том, чтобы подчеркнуть эксцентричность, которая никогда не скрывалась за

за непримиримой внешностью среднестатистического британского гражданина скрывалось то, что, по их мнению, было их работой - выявлять несправедливость, нарушения правил и явное безумие в повседневной жизни людей. Рассмотрим уход Миллигана в asy-lum в середине серии (продолжая писать программу изнутри!) это своего рода мученичество для обычного человека, который в своем бегстве от действительности полагался на головорезов, и вы начинаете понимать некоторые причины странного поведения самого Кита Муна в его короткой взрослой жизни.

Слушая “Головорезов”, все еще невинный, но по-взрослому впечатлительный и с ярко выраженной индивидуальностью молодой Мун понял, что его собственную зарождающуюся эксцентричность следует поощрять, а не подавлять. В конце концов, это не принесло актерскому составу “Головорезов” никакого вреда. Ничего не зная о маниакально-депрессивном состоянии Миллигана и злобных наклонностях продавцов, мальчик рассматривал их только как героев и образцы для подражания. Хотя у него были проблемы с успеваемостью в школе, он без труда запоминал сценки из “Головорезов”. 5

“Он приходил утром в понедельник, - вспоминает Боб Коттэм, ученик постарше, который впоследствии стал успешным игроком в крикет, - и не только мог озвучить всех, но и помнил сценарий всего шоу”. Одноклассники подбадривали его, заставляя исполнять роли на игровой площадке, поначалу нервничая при одной мысли об этом, но вскоре получая удовольствие от процесса, быстро переключаясь с Блуботтла на Экклза, Генри Круна и обратно, ловя завистливые взгляды старших мальчиков, наблюдая, как его ровесники покатываются со смеху, Кит купался в лучах восхищенной публики.

В мае 1958 года в доме на Чаплин-роуд родилась еще одна сестра, Лесли Энн, что стало причиной тесноты в доме на Чаплин-роуд и вынудило Кит переключить свое внимание с выходок быстро растущего сына на нужды новорожденного малыша. За Кейтом, который и без того был отчаянно независим, больше никогда не будут пристально наблюдать. Тем летом еще одним

свидетельством упадка Британии как Соединенного Королевства стали первые в истории страны расовые беспорядки в Ноттинге, городе в Мидлендсе-хэм, а также в районе Ноттинг-Хилл на западе Лондона, у подножия Харроу-роуд, где обосновался первый крупный послевоенный приток иммигрантов из Вест-Индии . На тот момент Уэмбли, как отдаленный форпост Лондона (официально он является частью графства Мидлсекс), оставался относительно незатронутым иммиграцией, и беспорядки казались далекими, хотя физически они были совсем рядом с домом. Но тысячи британских семей, были все же взяв широко рекламируемая возможность начать новую жизнь в Австралии просто как Ямайцы сами ответили на Британских приглашение поселиться в “Родина-мать”.

НА ВТОРОМ КУРСЕ В АЛЬПЕРТОНЕ КЛАССНЫМ РУКОВОДИТЕЛЕМ КЕЙТА БЫЛ БЭЗИЛ ПАРКИНСОН , который работал в школе с 1948 года и, как и все сотрудники в то время, прошел государственную службу и не был склонен воспринимать всякую ерунду всерьез. Это показатель личности Кита, что почти сорок лет спустя Паркинсон все еще

живо вспоминает двенадцатилетнего мальчика. “Я прямо сейчас вижу лицо этого маленького мальчика”, - написал он мне. “Ниже среднего роста, тем не менее, он обладал даром привлекать к себе внимание; его улыбка, то, как он умел привлечь ваш взгляд… Для меня он был почтителен, но с легким блеском в глазах”.

В то время это, по-видимому, не было мыслями Паркинсона. “Он ведет себя довольно молодо для своего возраста”, - написал он, будучи классным руководителем, в школьном отчете Кита в конце осеннего семестра в декабре 1958 года. (Такое поведение отчасти можно было бы оправдать тем, что Кит был довольно молод для своего возраста, вероятно, самым младшим в своем классе.) “Его задорная жизнерадостность, хотя и освежающая на время, как мне кажется, в значительной степени наигранна для пущего эффекта. Пришло время ему сменить тактику”.

Столкнувшись с такой оценкой, Паркинсон радостно замечает: “Слава богу, я все понял правильно. Я думаю, последующие события оправдывают это”. Тем не менее, он подчеркивает, что в то время ему нравились выходки Кита: “В конце концов, небольшое озорство в мальчике нарушает монотонность”.

Роджер Хендс, однокурсник Кита по “эре”, откровенно вспоминает Алпертон как “школу, из которой тебя не могли исключить, потому что больше некуда было идти”, иронично замечая, что Алпертон был “прекрасным современным зданием, в котором было много хороших учителей, но ужасные ученики”. Руки помнят Муна как “немного придурковатого, хотя и симпатичного парня!”, который “ в тот же год тусовался с бандой головорезов”. Кит Клевердон, который перешел из Бархэма в Олпертон на год позже Муна, стал несколько настороженно относиться к своему товарищу по играм. “Вы никогда не чувствовали, что “Однажды он станет знаменитым”. Вы, скорее всего, чувствовали, что он закончит свою жизнь в тюрьме. Несмотря ни на что, он всегда был рядом. Он не был по-настоящему крупным парнем, но всегда с головой уходил в работу”. И всегда с чувством юмора. Кит рано обнаружил, что карьера комика приносит популярность, компенсирующую его недостатки — в частности, его высокий рост, который в большинстве суровых школ вызвал бы травлю или , по крайней мере, случайную драку. Вместо этого, его статус как клоун расположила его к сильнее парней, но чем больше общался с ними, тем больше его школы-работа страдала.

К осеннему семестру третьего года обучения двенадцатилетний подросток зашел достаточно далеко, чтобы получить обвинительный отчет почти от начала до конца. “Очень медленный прогресс”, - написал Паркинсон в качестве учителя математики, передав свои обязанности Лену Ирвингу на новый учебный год. “Отсталый в художественном отношении, идиот в других отношениях”, - написал Гарри Рид, учитель рисования, который , не задумываясь, сломал линейку на доске о задницу дерзкого ребенка , а затем отправил его к заместителю директора за другой. “Временами увлеченный, но ”Хулиганство“, — обратите внимание на акцент в комедийном шоу, — ”кажется, стоит на первом месте”, - написал его учитель физкультуры. “Пытается свести счеты с жизнью, разыгрывая спектакль”, - заметил мистер Фаулер, учитель истории, за что Кит получил только _ пятипроцентный экзаменационный балл. Пара учителей отметили в своих учениках энтузиазм, который с трудом добивался успехов в учебе. “Проницательный и внимательный”,

Ирвинг писал о своем уроке английской литературы, на котором Кит казался самым сильным и заслуживал двойки. “Старается изо всех сил, веселый и вежливый мальчик”, - написал учитель металлообработки . Самый трогательный комментарий из всех прозвучал от его учителя музыки, который отметил, что у Кита “большие способности, но он должен остерегаться стремления к показухе”. Подводя итог, Ирвинг написал, что юный Мун “должен направить свой талант на школьные занятия”.

Он был не в состоянии этого сделать. Его неспособность надолго сосредоточиться на каком-то одном проекте, из-за чего он быстро уставал от своих конструкторов и поездов, его привычка перебивать и говорить без очереди, которую принимали за озорную дерзость, совершенная мимика, примером которой были его подражания громилам, беспокойный характер , который начал проявляться в постоянном беспокойстве и агитация — эти - это были классические признаки гиперактивности, проблемы, которая сопровождала Кита на протяжении всего его детства и теперь угрожала повлиять на его юность.

Но, хотя легко оглянуться назад и спросить, почему никто не заметил предупреждающих знаков, простой ответ заключается в том, что никто их не искал. До самого конца двадцатого века стандартной реакцией на гиперактивных детей было предположение, что они “вырастут из этого”. Многие так и поступали (по оценкам, любой-где от трети до двух третей гиперактивных детей в конечном итоге ведут нормальную взрослую жизнь), хотя их успеваемости в школе и, следовательно, их будущему, как правило , наносится непоправимый ущерб. Но другие, такие как Кит, этого не делали, невольно забирая свои склонности к гиперактивности с собой во взрослую жизнь. Взрослые проблемы Кита должны были стать наихудшим сценарием нелеченной гиперактивности, при котором депрессия, психические расстройства (включая пограничные Расстройство личности и элементы шизофрении), злоупотребление алкоголем и наркотиками , антиобщественное и насильственное поведение - все это рано свело его в могилу.

В наши дни, когда гиперактивность - заболевание, которое стало

почти модным, - можно диагностировать у трудных детей (особенно в рамках более широкого охвата Синдром дефицита внимания и гиперактивности), легко предположить , что такой выдающийся ребенок, как Кит Мун, был бы распознан как проявляющий эти симптомы и к нему относились бы соответствующим образом. Однако в Англии 1950—х годов — в стране , которая и в лучшие времена с подозрением относилась к психологии, - то, что мы сейчас называем гиперактивностью , вместо этого обозначалось как “минимальное повреждение мозга” или “минимальная мозговая дисфункция ” - явно неприятные термины, которые имели коннотации серьезного психического заболевания. Кто бы захотел, чтобы его ребенок нес такую ношу на школьной площадке, не говоря уже о взрослой жизни? Кого же тогда можно удивить, если врачи редко ставили диагноз, родители редко просили их об этом, а учителя в современных средних школах отказывались заниматься трудными детьми еще больше, чем они уже занимались?

И все же, и все же слухи о детстве Кита продолжают распространяться, в то время как мифы доминируют в его взрослой жизни. Полу Бейли, который вырос по соседству и впоследствии стал работать в музыкальном бизнесе, было известно, что Мун был неуравновешенным ребенком. “Местная легенда в моем районе”, - говорит Бейли, и один из них

он отчетливо помнит, как его ровесники, примерно в то время , когда The Who стали знаменитыми, говорили о нем как о факте: “Это то, что он проходил лечение в психиатрической больнице Святого Бернарда, потому что избивал свою мать. Кто -то сказал ему в больнице: ”Тебе нужно научиться играть на каком-нибудь музыкальном инструменте” , и он взялся за барабаны”.

Трудно представить лучшую связь между Китом Муном , гиперактивным ребенком, и Китом Муном, энергичным барабанщиком. На самом деле, лучшего откровения для биографии на первой странице и желать нельзя. Это легенда . Вот почему ее можно повторить только в таком виде. Хотя несомненно , что Кит позже проходил психиатрическое лечение и подвергался физическому насилию по отношению к своей жене,

нет никаких доступных доказательств того, что в подростковом возрасте Кит когда-либо посещал больницу Святого Бернарда (в соседнем Саутхолле), или свидетельств того, что он подвергался физическому насилию по отношению к своим родителям.

Но если история о Сенбернаре совершенно не соответствует действительности, почему же тогда она стала местной легендой? Неужели Кит пустил ее в ход, чтобы казаться еще более эпатажным, чем он был на самом деле? Знал ли кто-нибудь из местных парней что-то, о чем раньше умалчивали? Или же просто фрагменты правды были неверно истолкованы, и слухи повторялись как достоверные новости, пока фольклор не стал повторяться как факт — как это, безусловно, происходило с более поздними событиями в жизни Кита? В редких интервью Кэтлин Мун рассказала, что после смерти Кита она подчеркнула важность семейной жизни на Чаплин-роуд; хотя она признавала, что Кит был озорным человеком и часто бывал одиночкой (и в то время как другие ясно давали понять, что родителям Кита было трудно его контролировать), любой опыт физического страдания в его руках она держалась особняком.

ПЕРВЫМ МУЗЫКАЛЬНЫМ ИНСТРУМЕНТОМ КИТА БЫЛ ГОРН, КОТОРЫЙ он ВЗЯЛ В РУКИ В возрасте двенадцати лет, когда поступил в местный морской кадетский корпус в Линторпе Авеню, прямо за углом от его дома. Морские кадеты были чем-то вроде центра идеологической обработки для военно-морского флота, и поэтому Кит, и без того с большим подозрением относившийся к властям и не желавший, чтобы им помыкали в качестве призывника, выбрал группу, чтобы избежать дальнейших военных действий. Затем горн перешел в трубу, в которой Кит никогда не был силен — и не возражал, чтобы кто-нибудь узнал об этом. Ближе к концу третьего семестра его учебы директор школы мистер Хостлер, по понятным причинам получивший прозвище Пегая Нога , пригласил всех начинающих музыкантов выступить на утреннем собрании.

“Двое или трое парней принесли свои инструменты и сыграли вполне сносно”, - вспоминает Роджер Хендс. “Мун вышел на сцену с трубой и объявил , что сыграет “When the Saints Come Marching In”. Он заглушил первые несколько тактов и ушел под одобрительные возгласы своих современников. Это было просто уморительно. Я думаю, он придумал это как шутку. Потому что тот, кто играл так плохо, не стал бы вставать и репетировать

перед всеми”.

Годы спустя Кит рассказал, что ходил петь рождественские гимны с трубой

примерно в то время. “Люди дали мне денег, чтобы я уехал, и тогда я впервые заинтересовался финансовой стороной музыки”, - сказал он с обычным добродушием. À

Мать Кита сказала, что в “Морских кадетах” его повысили с горниста до барабанщика - логичный ход событий, который сразу же опроверг бы легенду о Сенбернаре. Кит Клевердон, живший рядом с казармами, вспоминает, что играть на горне было “слишком тяжелой работой” для Кита, который предпочел играть на барабанах (вместо того, чтобы получить повышение). Мун, по словам Клевердона, изначально играл на боковом (или малом) барабане, но, “будучи таким, каким он был, Китом” , настоял на бас-гитаре, на которой он громко барабанил , когда присоединился к своему отряду тринадцатилетних игрушечных солдатиков, марширующих по бетонной площади. Каким бы невинным ни казался этот образ, молодому подростку , давно влюбленному в музыку, стремящемуся иметь какое-то отношение к ее исполнению и уже осознающему, что он недостаточно хорош, чтобы преуспеть ни в игре на трубе, ни на любом другом мелодическом инструменте, возможно, это была именно та искра , в которой он нуждался, чтобы найти свое призвание. жизнь.

Окружавшая его британская музыка впервые обратилась непосредственно к своей молодежи и о ней самой. В самом конце 1950-х, через пару лет после того, как Элвис, Литтл Ричард и компания впервые приехали из-за Атлантики, в Великобритании появились первые настоящие кумиры рок-н-ролла. Дебютный непристойный сингл Клиффа Ричарда 1958 года “Move It’? это был переломный релиз, отчасти потому, что Клифф был красивым семнадцатилетним двойником Элвиса, обладавшим неподдельной сексуальной привлекательностью, но также и потому, что “Move It”, написанная его гитаристом Иэном Сэмвеллом, была страстной защитой рок-н-ролла: “Они говорят, что он умрет, но, милая, пожалуйста давайте посмотрим правде в

глаза — они просто не знают, что придет им на смену”.

Марти Уайлд и Билли Фьюри, которые появились примерно в одно и то же время, также считались относительно аутентичными копиями американских икон. Но за-возможно, самым важным поступком из всех, по крайней мере, с точки зрения Кита, было Парень из Уиллсдена Джонни Кидд и его группа the Pirates, которые летом 1960 года выпустили запоминающийся дебютный сингл “Please Don’t Touch”, занявший первое место. ”Shakin‘ All Over“ была единственной настоящей британской классикой рок—н-ролла , и, как позже признался Кит, именно с этой песни ”я по-настоящему начал”. Учитывая, что к тому времени у группы Клиффа Ричарда, выступающей на разогреве у The Shadows, уже появились собственные (солидные) хиты, и многие из них, как он позже признался, “действительно вызвали у меня интерес”. те, кого охватило увлечение скиффлом, перешли на электрогитару и бас-гитару, и тогда слова “Move It” вызвали еще больший резонанс, чем когда-либо.

Однако британский рок—барабанщик по—прежнему оставался в основном растраченным впустую - или, безусловно , недооцененным - талантом. Отчасти это было связано с экономией, поскольку ударные установки были непомерно дорогими, даже если они были доступны; отчасти с культурой, поскольку у американцев всегда были барные группы для создания группы рок-н-ролльных музыкантов, а в Великобритании до скиффла не было сравнимой сцены живой музыки; и отчасти с социальной, поскольку в результате первых двух условия, барабанщики, игравшие в британском рок-н’ролле

в конце 1950-х годов на пластинках часто выступали джазовые музыканты, которые считали, что они унижают себя, записывая подобную чепуху. Поскольку их имена не были указаны в титрах, а их карьера была связана с другими видами музыки (как они думали), они не привнесли в свои выступления никакого энтузиазма или новаторства. Тогда учтите, что у инженеров изначально не было опыта в продюсировании рок-н-ролла, и у них не было стимула записывать что-либо, что могло бы не попасть на Би-би-си (которые все равно люто ненавидели рок-н-

ролл), и у вас есть объяснение, почему вы даже не слышите барабанную дробь ни на одном британском альбоме той эпохи.

Кит Мун никогда не называл британского барабанщика конца 1950 -х годов, оказавшего на него влияние.* Из всех оригинальных рок'н'ролльных барабанщиков, это был Ди Джей. Фонтана, известный исполнитель бэк-битов Элвиса Пресли, чей уверенный, но не слишком вычурный стиль он всегда будет восхвалять.

Хотя сердцем Кит был привязан к рок-н-роллу, первые впечатления от игры на барабанах у него возникли значительно позже. По телевизору он наблюдал за музыкантом британского биг -бэнда Эриком Делани, который часто вставал на барабаны и умел играть на двух бас-барабанах, что сделало его предметом зависти многих начинающих джазовых барабанщиков. А в кино на него произвел глубокое впечатление фильм "Барабан" "Безумный" о жизни великого американского джазового шоумена Джина Крупы, в котором Сэл Минео сыграл главную роль, подбрасывая палочки в воздух и дико жестикулируя, постоянно исполняя соло и отпуская вечные остроты, чем позже прославился один парень с Уэмбли. Кит был вдохновлен. "В этом фильме я впервые увидел, как работает Крупа — все это жонглирование", - сказал он в 1970 году о своем коллеге-эксгибиционисте.

"Кит боготворил Джина Крупу", - говорит Рой Карр, барабанщик, а позже уважаемый журналист, который был ровесником Кита и подружился с ним в середине шестидесятых. "Джин Крупа сделал барабаны передовым инструментом, а не второстепенным. И когда Джин играл с Бенни Гудманом, люди приходили не столько посмотреть на Гудмана, сколько посмотреть, как этот парень, идол утреннего шоу, заставит барабаны заговорить. И именно таким хотел быть Муни — выдающейся личностью. И он добился этого".

В самом начале развития этой личности требовалась определенная доля блефа и слепой веры в себя. "Я всегда говорил людям, что был барабанщиком до того, как обзавелся сетом, - барабанщиком-умственником", - рассказывал позже Кит, демонстрируя типичное для него тонкое понимание двусмысленности. Конечно, у него никогда не было ударной установки, пока он не окончил школу. Не обладая врожденной музыкальной

Джинджер Бейкер, на семь лет старше Кита и несомненный музыкальный образец для подражания для Муна, переехал из южного Лондона после женитьбы на девушке из Нисдена в 1959 году, но в то время он играл джаз, а не рок-н- ролл; Мун почти наверняка не видел его на сцене еще несколько лет. Боб Хенрит, который играл с

Адам Фейт и the Roulettes, которыми Кит восхищался, также получили известность только в 1960-х годах.

близость в семье Мун и то, что Кит не проявляет склонности к когда он учился разбираться в музыке или изучать ее теорию, родители поначалу восприняли его увлечение игрой на барабанах как еще одно из его многочисленных мимолетных увлечений, которое дома не поощрялось.

Несмотря на то, что это семя было прочно посажено в его сознании, Кит В раннем подростковом возрасте Мун был не столько целеустремленным практикующим барабанщиком, сколько известным эксцентриком, которому удалось завоевать популярность, несмотря на то, что сокурсники считали его одиночкой. “Я думаю, что из-за его озорства большинство людей просто держались от него подальше”, - говорит Кит Клевердон. “Я не могу припомнить, чтобы даже в школе у него был настоящий лучший друг, к которому он ходил бы”. Он пристрастился к курению - у него быстро развилась пагубная привычка, из—за которой он всю жизнь не мог поддерживать себя в форме, - и однажды в обеденный перерыв был пойман полицией под железнодорожным мостом на станции Альпертон. учитель географии, мистер Сладден, которого Кит тут же пнул в голень за его неприятности. В другой раз Кит запер Сладдена в шкафу в кабинете географии. Учителя Олпертона попытались использовать Направьте энергию Кита в более продуктивное русло (здесь прослеживаются отголоски легенды о Сенбернаре), поощряя его занятия спортом, в котором школа всегда преуспевала. Он занялся боксом и удивил даже самого себя, когда выиграл свой единственный бой. “Это выглядело как эффектный

нокаут”, - вспоминал он позже. “Но на самом деле мой противник просто споткнулся, упал навзничь и потерял сознание’. Тем не менее, победа принесла ему фотографию в газете и репутацию школьного “чемпиона по боксу”. Однако все надежды на то, что он серьезно занимается спортом, развеялись, когда на школьной спартакиаде он согласился принять участие в забеге на среднюю дистанцию. Пока четверо его четвероклассников гонялись друг за другом по дорожке, Кит двинулся в темпе, больше напоминающем прогулку до магазина на углу. Каждый из мальчиков дважды обогнал его на пути к финальной ленте. Неторопливый Мун остановился, чтобы затянуться сигаретой, предложенной одним из его друзей, и закончил под саркастические возгласы приятелей.

И вне школы он начал доставлять серьезные неприятности. В течение многих лет Кит Клевердон знал о масштабах похождений Муна, потому что называл его по имени. “Все матери стучались в дверь моей матери, говоря: “Твой Кит сделал то-то и то-то”, хотя на самом деле это был он. У него была такая застенчивая манера смотреть на людей, что можно было подумать: ”Нет, это не может быть он”, но в девяти случаях из десяти так оно и было”. Полиция нанесла свой первый визит на Чаплин-роуд, 134, после инцидента, в ходе которого Кит и его друг не включили ручные тормоза у нескольких автомобилей на парковке, в результате чего они выкатились на дорогу. Кита отпустили с предупреждением при условии, что его раздраженные родители будут держать его под контролем.

Они не смогли. Регулярные поездки на побережье Кента, где прошло детство Альфа, где Кит провел так много счастливых детских лет, плескаясь в океанских волнах и играя в песке, внезапно закончились в 1960 году, когда семья

вернувшись из однодневной поездки, от которой Кит сам себя отговорил, Кит нашел только записку , написанную его неразборчивым почерком. Уставший от суеты городских улиц, он отправился искать дорогу обратно на “Уэмбли”. Он тоже преуспел, заставив своих родителей осознать, с какой скоростью взрослеет их четырехлетний сын.

Задав тон, по которому будут судить о его дальнейшей жизни, Кит начал поиски идеального розыгрыша, какими бы сомнительными ни были результаты. Две шутки, благодаря которым он стал наиболее известен в зрелом возрасте, были придуманы именно в это время на Чаплин-роуд. В первом случае они с Майклом Моррисом разместили колонки от проигрывателя в спальне Кита в садовых кустах и наблюдали из окна второго этажа за маленькими старушками, которые прогуливались по Чаплин-роуд. Когда они проезжали мимо дома номер 134, шум приближающегося экспресса из пластинки со звуковыми эффектами, на которую Кит “наткнулся”, едва не вызвал бы остановку сердца. Киту это сходило с рук несколько вечеров подряд, пока обиженный прохожий не догадался об этом и не пожаловался матери Кита.

В другом эксперименте использовались наборы для домоводства. “ Дома он всегда возился с хрустальными наборами”, - говорит Линда. “Он постоянно перегорал , потому что хотел все испортить”.

По субботам на “Уэмбли” местные мальчишки ходили кататься на коньках в бассейн “Эмпайр”. Роджер Хендс ходил с Муном, когда они оба еще учились в Альпертоне. “Мы опоздали, и все лучшие коньки были уже в прокате”, - говорит он. “Я подошел к мистеру Осту, который брал коньки напрокат, и попросил пару девятого размера. Мун тоже получила пару. Когда я примерила свои, оказалось, что у одной из них восьмой размер, а у другой десятый. У Мун был правильный размер, но обе были на правую ногу. Мы пожаловались мистеру Осту. Он ответил, что у меня в среднем девятый размер и что никто не жаловался на то, что у меня коньки на две левые ноги . Я катался в агонии. Мун поджег раздевалку!”

Начинающий поджигатель не причинил достаточного ущерба, чтобы инцидент получил дальнейшее развитие. Это был скорее вопрос принципа, чем причинения вреда. “ Джобсвортов”* и тех, кто устанавливал правила, Кит терпеть не мог, и, в отличие от большинства детей его возраста, он был готов дать отпор. “Он был ярым противником власти, и если бы он мог переступить черту, он бы это сделал”, - говорит Хендс. - Обычно не со злым умыслом, хотя в нем была эта черта. Скорее, это была дьявольщина: ”Посмотрим, что я смогу сделать”.

Точно так же Кит Клевердон замечает о поведении Кита, что “в нем не было ничего дурного; в нем не было злого умысла; он был

просто шутником, и иногда он заходил слишком далеко, и вы заводились. Но потом ты смотрела на него и думала: “О, какой в этом смысл?” Потому что это была безобидная шалость

* На британском сленге это означает “приверженец”, например: “Нет, я не могу этого сделать, это больше, чем стоит моя работа”.

он поднялся на ноги. ”Выросший вместе с Муном, Клевердон был убежден, что родительское воспитание как-то повлияло на поведение будущей рок-звезды. “Эл-хотя его мама была строга с ним, он был маменькиным сынком, и ему многое сходило с рук”. Безусловно, Кит души не чаяла в Ките, и с годами ее мгновенная готовность простить сыну его грехи стала очевидной. Отец Кита, по большинству свидетельств того периода, не был заметен как стабилизирующая или физическая сила, и в то время как другие дети привыкли к домашним наказаниям за выход за рамки дозволенного, Киту, казалось, удавалось избегать подобных действий, чему, несомненно, способствовало его невинное поведение по своему желанию.

Тем не менее, чтобы попытаться ограничить последствия его внеклассного поведения и заставить его зарабатывать немного денег на расходы, родители Кита уговорили его устроиться на работу в овощную лавку в начале Илинг-роуд, где он в основном работал на заднем дворе, перерабатывая фрукты и овощи и раскладывая их по тарелкам. исправьте поля. По крайней мере, так было задумано. Он проводил много времени, дурачась, убеждая, по крайней мере, одного из своих коллег, Джима Гаскин, который учился в главной школе округа Уэмбли, что Кит был “лентяем”, который никогда ничего не добьется. (Однако музыкальные амбиции Муна были очевидны уже тогда; он пригласил Гаскина присоединиться к группе , которую, по его словам, собирал сам).

Следующей работой Кита на полставки стала работа посыльного у местных мясников, где возможность толкать перед собой тачку, пробираясь по пригородным улицам, была желанной опорой. Это легко представить Кит в роли Хитрого Финта из мюзикла

“Оливер” — худощавый и выглядящий моложе своих лет, постоянно заискивающий перед родителями других детей, к которым он всегда был готов с улыбкой и вопросом “Как поживаете?” , никогда не пользовавшийся полным доверием у самих детей, которые инстинктивно распознавали его. неприятности, когда они это видели, и все время были готовы к следующей выходке. (Поэтому неудивительно, что Кит подружился на всю жизнь с композитором Оливера Лайонелом Бартом.) Позже Кит рассказывал, что девушка, которую он знал как Лесли Хорнби , которая обрела мировую известность как модель Твигги, была на его пути и была нескрываемо влюблена в него, хотя на самом деле Кит лишь мельком познакомился с Хорнби, когда доставлял товары ее будущему шурину, и что если кто-то и был влюблен, так это он.

В ходе этих (неудачных) приключений стало ясно, что Кит не будет преуспевать в учебе в новом Альпертоне. Плохие результаты на экзаменах в конце третьего курса не позволили ему поступить в университет. Уровень “О”, и его перевели в поток “Б” на четвертый и, теперь уже, последний год обучения. Там его чтение ограничивалось любимыми комиксами Marvel, музыка - его драгоценным рок-н-роллом, математика - тем, что помогала ему зарабатывать неполный рабочий день в течение недели, а география - тем, что он изучал местные закоулки. Тем не менее, в конце четвертого курса Кит сдал экзамены RSA по английскому языку

и естественные науки - два предмета, в которых он продолжал преуспевать на протяжении всей своей взрослой жизни. Это было скромное достижение, которое меркло по сравнению со статусом “O-levels”, на котором остались учиться двадцать его сокурсников

.

Официально Кит должен был покинуть школу только в июле 1961 года, когда в школе начались летние каникулы. Неофициально они со школой договорились перестать так часто видеться на Пасху, после экзаменов в RSA, когда большинство ‘досрочно

покинувших школу”, тех, кому уже исполнилось пятнадцать и кто закончил свое образование, разъедутся. “Меня попросили уйти”, - позже объяснил Кит. “Это означало, что либо я должен был уйти, либо меня бы выгнали. Я не возражал, я ненавидел школу”. Но его не исключили. Просто, учитывая, что те, кто добровольно остался после Пасхи, были трудолюбивыми, стремящимися сдать экзамены в следующем году, никому не было выгодно, чтобы такой нарушитель спокойствия, как Кит, оставался дома и создавал проблемы только потому, что ему еще не исполнилось пятнадцати. Кит Мун не столько бросил школу, сколько перестал ходить в нее.

¢ три

ФИЗИЧЕСКИ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО ЗРЕЛЫЙ ДЛЯ СВОИХ ПЯТНАДЦАТИ ЛЕТ, ВСЕГДА ухоженный и безупречно воспитанный, Джерри Эванс действительно мог бы стать хорошим учеником в колледже. Но, как и Кит Мун, он был мальчиком из рабочего класса, который четырьмя годами ранее провалил свои 11 с лишним лет и никогда даже не рассматривался на должность-уровни. Государственная система выплюнула Джерри в ту же Пасху, когда Кит Мун перестал посещать Олпертон.

Эванс сразу же получил работу в отделе ударных инструментов Paramount Music на Шафтсбери-авеню, в самом сердце лондонского Вест-Энда. Решающим фактором для его новых работодателей стало то, что у него был собственный музыкальный центр, что было почти неслыханно в его возрасте. Будучи новичком в Paramount, Эванс делал все , что ему говорили, в основном весь день упаковывал и распаковывал инструменты , изредка отвлекаясь на приготовление чая, и зарабатывал всего четыре фунта десять шиллингов в неделю, но клиенты, в том числе некоторые из самых известных поп-и рок-барабанщиков, приносили ему огромное удовольствие. все это того стоило.

И вот однажды поздней весной 1961 года в “Парамаунт’ забрел невысокий парень в коричневом костюме итальянского покроя, с нелепо коротким пиджаком “бумфризер” и тонкими лацканами, которые были в моде у подростков последние пару лет . Этот парень определенно не был профессиональным музыкантом.

Костюм , по общему признанию, свидетельствовал об определенной приверженности стилю, но он казался слишком юным даже для того, чтобы носить такую вещь. Изрядная порция крема для бритья, которым он укладывал свои мышиные волосы в пучок, придавала ему слегка нелепый вид. Кроме того, озорной вид, который у него был, его взгляд, бегающий по магазину, его пальцы, нервно теребящие бока, сразу же выдали в нем потенциального магазинного вора. Уэст-Энд, с его дорогими магазинами и постоянной сменой персонала и покупателей, притягивал кражи, и Джерри не хотел, чтобы что-то пропало в его отсутствие. Он подошел к мальчику и спросил, может ли тот помочь.

любой помощи.

26 (Тони Флетчер)

Нервозность ребенка вскоре получила объяснение. По его словам, он был без ума от барабанов; он пришел в “Парамаунт”, потому что слышал, что там можно приобрести музыкальное оборудование, и надеялся, что сможет купить его в ближайшее время, как только узнает, сколько это будет стоить, и начнет зарабатывать… Его речь выпаливал в порыве возбуждения, но Джерри распознал в нем неподдельную любовь и искренность.

“Я тоже играю на барабанах”, - сказал Э. «как тебя зовут?»

- Кит, - ответил мальчик с акцентом лондонского рабочего, который, как показалось Джерри , был ему знаком. “А как же твое имя?”

“Джерри. Откуда вы?”

- “С Уэмбли”, - сказал Кит, и Джерри понял, что именно он узнал по акценту.

“Я из Кингсбери”, - сказал он. “Мы почти соседи”.

В другое время Джерри и Кит никогда бы не стали друзьями. Они были натуралом и весельчаком, с противоположными взглядами

на жизнь, которые привели бы одного к тихой деловой карьере, а другого - к славе и богатству. Но в Лондоне, в 1961 году, их связала любовь к барабанам и соседство. Кит никогда не знал никого своего возраста, у кого была бы ударная установка. Джерри никогда не встречал никого, кто проявлял бы такой энтузиазм и энергию, как его новообретенный друг.

“Он был необычным персонажем. И я думаю, что меня всегда привлекали персонажи, хорошие или плохие. Они тебе либо нравятся, либо ты их ненавидишь”. Джерри они нравились. И он полюбил Кита. “Мы никогда не ссорились. За полтора года мы ни разу не поссорились. И в каком-то смысле я чувствовал себя его братом , которого у него не было.”

По мере того как их дружба крепла, Джерри начал понимать, что его отношения с Китом были необычными в том смысле, что у мальчика с Уэмбли, казалось, не было других близких друзей мужского пола. Однако это было не из-за недостатка популярности: они вдвоем не могли пройти по Хай-стрит Уэмбли без того, чтобы Кит не поздоровался со всеми и со своей матерью. А по вечерам, когда они бродили по закоулкам и им приходилось проходить мимо банд мальчишек постарше, Джерри напрягался, инстинктивно готовый к обзывательствам и возможным побоям, которые всегда были частью подросткового ритуала. Но Кит останавливался и отпускал шуточки в адрес “крутых парней”. “Потому что он был забавным, он всем нравился. Он стал другом хулигана”. И все же Джерри поразило, что Кит не был настоящим другом ни с кем из этих людей с “Уэмбли”. Майкл Моррис на другой стороне улицы, в “Чаплине” Возможно, это и была дорога, но Джерри чувствовал, что эта дружба тоже угасает, как это часто бывает, когда жизнь людей меняет направление. Казалось, что теперь, когда Кит закончил школу, музыка была всем, что его интересовало, а с Джерри, другом, который тоже был барабанщиком, зачем ему был нужен кто-то еще?

Вскоре Джерри пригласил Кита к себе домой на Квинсбери-серкус, чтобы тот поиграл на его барабанах (четырнадцатилетнего подростка ни за что нельзя было выпускать на волю).

наборы для показа в Paramount). За то короткое время, что они были знакомы, Джерри так много говорил об инструменте, что Джерри ожидал Кита нужно подстегивать. Он был в шоке.

“Этот парень, он сел за ударную установку, и это был Бадди Рич, Луис Беллсон* он сразу же как сумасшедший набросился на ударную установку, понятия не имея, что делает. Он просто бил по всему, что попадалось на глаза, и производил массу шума. Для меня это было (а) тем, чего не делают, и (б) звучало как чушь собачья. Это было все равно, что иметь дело с сумасшедшим. Я говорил ему: “Нет, не делай всего этого, попробуй выучить райский язык’. А у него ничего этого не было. Этот парень ни за что не собирался становиться профессиональным барабанщиком, это было невозможно, потому что он понятия не имел, что он был самым плохим барабанщиком. ты никогда в жизни такого не видел.

Джерри в ужасе предложил Киту как можно скорее приобрести ударную установку, чтобы он мог начать практиковаться. Конечно, Кит ответил, что я со дня на день найду работу. Но вместо того, чтобы найти работу, Кит проводил летние дни, путешествуя по Вест-Энду в одиночестве, всегда в одном и том же коричневом костюме итальянского покроя, как будто это была единственная приличная одежда, которая у него была. В обеденный перерыв он заходил к Джерри, и они вдвоем отправлялись на рынок на Бервик-стрит, откуда прокрадывались в многоквартирный дом неподалеку от закусочных и поднимались на лифте на крышу, чтобы полюбоваться улицами Сохо. Неизбежно, как только они оказывались там, наверху, Кит приносил пару яблок или апельсинов, которые он стащил с прилавков по пути на Бервик-стрит: щедрый до невозможности, хотя и не совсем честный, он никогда не крал только для себя.

Затем, возвышаясь над Сохо, они показывали друг другу все важные достопримечательности. К востоку, на Олд-Комптон-стрит, находилась кофейня “2Is “, где познакомились многие кумиры подростков; к северу - “Marquee”, традиционное джазовое заведение того времени. Дальше к востоку находилась Денмарк-стрит , где музыкальная индустрия развивалась на удивление замкнуто, все зависело от того, кого вы знали, а не от того, что вы знали, а там, к югу, находились музыкальные магазины на Шафтсбери-авеню. На обратном пути из квартиры в квартиру Кит время от времени нажимал аварийную кнопку и останавливал лифт, затем открывал двери и запрыгивал на карниз этажом выше. Джерри жаловался, что попал в беду, но все равно следовал

за своим новообретенным другом.

Затем Джерри возвращался к работе, Кит отправлялся бродить по улицам Сохо, и они снова встречались в “Парамаунт” около шести часов, когда он закрывался. Джерри рассказывал Киту, кто был в магазине, кто на чьих пластинках будет играть и какие американские артисты могут приехать. По дороге по Шафтсбери-авеню к станции метро “Пикадилли Серкус”,

* Яркий американский джазмен, с которым позже будут сравнивать Кита.

28. (Тони Флетчер

в качестве ритуала они останавливались в начале Уордор-стрит, чтобы заглянуть в витрины магазина одежды Cecil Gee, где продавались сценические костюмы для самых популярных групп того времени. Стиль костюмов, представленных на выставке, был очевидным возвращением к эпохе teddy boy, но цвета были более необычными, чем можно было ожидать увидеть на улицах — смелые сочетания контрастных оттенков, таких как канареечно-желтый с сиренево-синими карманами или кроваво-красный малиновый с лимонно-зеленой бахромой, и все это с круглые черные воротнички-шали, которые тогда были в моде.

Оба подростка вслух мечтали о том, чтобы однажды выйти в такой одежде на сцену. За исключением того, что каждый день Джерри указывал на самый эпатажный наряд из всех, золотой костюм из ламе стоимостью в двадцать гиней — месячную зарплату этих школьниц — и, повернувшись к своему другу, спрашивал: “Но у кого же, черт возьми, хватит смелости надеть это?”

И каждый день Кит оборачивался, ухмылялся и заявлял, что у него не только хватило смелости надеть костюм gold lamé, но и что он наденет его, просто подожди и увидишь.

Возвращаясь с площади Пикадилли на окраину северо-западного Лондона, Джерри понял, почему все на “Уэмбли” знали четырнадцатилетнего подростка. “Всю свою жизнь он был

искателем сенсаций. Он всегда делал что-то ради эффекта. Все это делалось для того, чтобы посмеяться за чужой счет. И, знаете, каким бы замечательным он ни был и все его любили, он просто сводил с ума".

Поначалу его выходки были относительно безобидными. Они ехали в переполненном поезде метро, хватая ртом воздух, когда Кит поворачивался к своему другу и стонал. "Меня сейчас стошнит" , - говорил он и начинал издавать зловещие гортанные звуки. Когда тщательно одетые бизнесмены подозрительно косились на этого явного негодяя из молодого поколения, Кит смотрел на них в ответ, предупреждая: "Я серьезно, меня сейчас стошнит". Затем он доставал коричневый бумажный пакет и издавал самые жуткие рвотные звуки, которые вы когда-либо слышали, достаточно громкие, чтобы их можно было расслышать сквозь грохот метро , жадно прокладывающего себе путь в городских туннелях. - Баааааааррррррррррррхххххххххх! Ррррргхххххххх!" Другие пассажиры вздрагивали и отводили глаза. Даже Джерри иногда задавался вопросом, действительно ли с его другом все в порядке. В конце концов Кит отрывал взгляд от сумки, его лицо было бледным, на губах выступила слюна, из глубины души вырвался последний стон. Бизнесмены отошли бы на несколько футов, неловко прижимаясь друг к другу в отчаянной попытке избежать того, чтобы их дорогие костюмы в тонкую полоску не были забрызганы рвотой. Кит и Джерри остались бы в одиночестве на несколько ярдов свободного пространства. Однако, на всякий случай, Кит продолжал покачиваться на ногах, неуверенно держа коричневый надутый бумажный пакет, как будто в любой момент мог выронить его содержимое . Если понадобится или у него будет настроение, он будет продолжать в том же духе всю ночь.

по дороге домой. От площади Пикадилли Кит мог бы доехать на метро "Бейкерлоо" до "Уэмбли"

На центральной, Джерри выходил на следующей остановке, но обычно они пересаживались на линию Метрополитен на Бейкер-

стрит, где поезда с верхних платформ проезжали большую часть первых десяти остановок по пути к парку Уэмбли. Пара обычно останавливалась, чтобы выпить и съесть сэндвич в чайном баре на Бейкер-стрит. Часто, когда они поднимались на платформу, Кит доставал из ниоткуда плитку шоколада.

“Ты стащил ее, не так ли?” Джерри, бывало, бормотал что-то себе под нос, испытывая отвращение от того, что его видят с мелким воришкой.

“Не волнуйся, я и для тебя купил”, - подмигивая, отвечал Кит, доставая второй батончик и навязывая его своему другу.

Кит никогда бы не рассказал Джерри о своих озорных планах, потому что знал, что его друг попытается отговорить его от них. Киту тоже казалось , что так веселее: Джерри был такой же частью его аудитории, как и тысячи других пассажиров, которых они больше никогда не увидят.

Однажды, пересаживаясь с поезда на Бейкер-стрит, Кит купил пакетик кофе в зернах в чайном баре. Джерри не знал об этом, пока не стало слишком поздно. “На Станции метро “Бейкер-стрит” есть такой невероятно крутой эскалатор, и на нем по всей высоте были такие лампы на кронштейнах, очень старомодные, потому что это были деревянные эскалаторы. Так что в час пик все будут стоять в очереди, чтобы подняться на эскалатор. В этот день мы стояли в очереди, и когда добрались до самого верха, Кит высыпал фунт кофейных зерен на средний склон, где были включены лампы. Эти кофейные зерна начинают издавать такой шум, набирать обороты и скорость. А внизу все выравнивается. И сотни кофейных зерен вылетают со скоростью пуль, потому что этот склон действительно крутой, как лыжный склон! И мы смотрим вниз, а все эти люди, стоящие в очереди, чтобы попасть в самый низ, прижаты к полу, все падают друг на друга! Там была просто куча людей, потому что внезапно на них обрушились сотни гранул.”

Что еще лучше для Кита, склон был таким крутым, а защита, обеспечиваемая лампами, такой надежной, что никто из тех, в кого попали шарики, не добрался до вершины вовремя, чтобы выяснить, кто это сделал. Кит смеялся всю дорогу домой в Уэмбли. Джерри разрывался между полным отречением от своего нового друга и еще большим, чем когда-либо, восхищением его смелой фантазией. Он так и не смог понять, спланировал ли Кит нападение во время предыдущей поездки на работу или это был

импульсивный поступок. Из-за постоянного движения мальчика было трудно определить причину.

“Он не мог сосредоточиться. Ему быстро становилось скучно. Это была гиперактивность. Он не был ненормальным, но определенно был гиперактивным. Я бы не удивился, если бы это сказали его матери. Но, по моему опыту, в этой семье все были такими до смешного робкими и тихими, что, скорее всего, это была его реакция на это. Люди, как соль земли, но они и гусю не сказали бы ”бу”.

Джерри к этому времени уже начал принимать приглашения на Чаплин-роуд, где Кит обычно пил чай, прежде чем отправиться бродить по местным улицам. По его

при первом посещении Джерри был поражен, обнаружив, что посередине гостиной висит большая тяжелая занавеска , отделяющая столовую в задней части от гостиной в передней. Он никогда не видел ничего подобного: “Я подумал, что это безумие”. “Луны” сочли это совершенно нормальным.

Реакция Джерри на занавеску могла быть вызвана тем, как ее использовал его друг. Джерри обычно сидел в гостиной в передней части комнаты и уговаривал своего друга допить чай, чтобы они могли пойти куда-нибудь. Внезапно занавеси зашуршали, и Кит высунул голову из-за них, широко улыбаясь, приветствуя Джерри, как будто тот был внимательным зрителем. “Это было что-то театральное”, - понял Джерри. “Он отнесся к этому так, словно это был театральный занавес”.

Кит провел столько же времени по соседству с Джерри. В Ночь Гая Фокса, 5 ноября 1961 года они отправились на вечеринку с костром на старой свалке за домом Эвансов в Квинсбери. “Конечно, он был тем парнем, который пробежал через костер, - вспоминал Джерри, - и он был тем парнем , который отстреливался от девчонок. А на следующей неделе все мои соседи спрашивали: “Кто этот маленький парень? Он полный псих, вы видели, что он сделал?” Так что я всегда ходил вокруг и извинялся за него”.

Но, несмотря на все плохое поведение и подростковые шалости, у Кита, как и у Джерри, была только одна цель. В отличие от их приятелей-подростков, и, несмотря на тактику запугивания Кита на вечеринке у костра, это не имело никакого отношения к девушкам. (““Они не были заинтересованы, не были способными, были законченными девственницами”, - сказал Эванс по этому поводу. “Я даже не знаю, начал ли Кит к тому времени бриться”.)

“Нас интересовали только барабаны, то, что мы были в группе, и то , что нас любили”, - вспоминал Джерри. И если Кит обладал достаточным умом, чтобы привлечь к себе внимание, природным исполнительским чутьем, чтобы превратить такой тривиальный ритуал, как допивание чая, в театральное представление, то у Джерри были все необходимые средства, чтобы создать группу. Благодаря своим школьным знакомствам он познакомился с несколькими парнями из Милл-Хилла, расположенного далеко на севере, у автострады, когда они искали барабанщика. Трое из них — басист Колин Хейнс и два гитариста, Роджер Пейнтер и Роб Лемон — жили на одной улице, Брук Кресчент. Четвертый, Тони Марш, был довольно крутым парнем из этого района, который считал себя певцом. А почему бы и нет? В Великобритании появилось достаточно новых звезд, чтобы любой мог попробовать. И первым шагом к тому, чтобы стать звездой, было придумать себе новое имя. Так Тони Марш стал Ли Стюартом, а группа - the Escorts. Как и любая другая группа в стране в то время, они строили свое выступление на песнях Клиффа Richard and the Shadows, и любые концерты, которые они могли дать, проходили только в местных молодежных клубах, но группа есть группа. Джерри был в пути. У Кита все еще не было костюма.

Отчаянно желая принять участие в акции, Кит посетил репетиции эскорта в задней комнате паба “Принц Уэльский” на кольцевой развязке Кингсбери

по утрам в воскресенье, когда в обмен на помощь в настройке оборудования Джерри давали возможность поиграть с группой. Но его расчет времени был безупречен, как и его точность: он просто бросался на каждый барабан и тарелку, словно надеясь на лучшее. В половине случаев казалось, что он пытается ударить по

барабанам , которых там нет, что стандартные реечный и напольный томы, малый барабан, кик, хай-хэт и ударная тарелка, которых было достаточно для всего остального барабанящего населения мира , просто не подходили для этого миниатюрного подростка. И все же , хотя было очевидно, что он не может играть так же хорошо, как Джерри, который уверенно держал ритм, хотя и не отличался особым творческим подходом к стилю, другие участники the Escorts прониклись симпатией к Киту; его энтузиазм был заразителен, и он заставлял их смеяться, когда репетиции затягивались. Он стал почетным членом.

Осенью 1961 года Кит начал посещать вечерние занятия в техническом колледже Харроу в начале Уотфорд-роуд, в двух милях к северу от своего дома. (В последующие годы, когда он научился говорить от имени высшего класса, он просто рассказывал людям, что получил образование в Харроу, оставляя более легковерным представление о Ките Муне как о типичном эксцентричном ребенке из богатой элиты, который учится в одной из лучших государственных школ Великобритании.) Несмотря на его неудачи в Альпертоне, никто не мог ошибочно принять Кейта за слабоумного, а его степень бакалавра естественных наук ясно указывала на склонность к электронике. В Харроу тек, он повернул пытливый ум в сторону жгут транзисторных радиоприемников и тому подобное, и используемых эти знания, чтобы сделать работы в Компания Ultra Electronics в Парк Роял. Режим работы с девяти до пяти сводил его с ума, и он знал, что эта работа продлится недолго, но это была та область работы, которая его слегка интересовала . Ему нужны были деньги, чтобы когда-нибудь приобрести ударную установку, и он всегда мог превратить обыденную ситуацию в конвейер для практических целей. шутки. Альф и Кит вздохнули с облегчением, узнав, что Кит наконец-то начал продуктивно работать. Его сестра Линда, сдавшая экзамены на 11 с плюсом, хорошо училась в начальной школе округа Уэмбли. Лесли скоро предстояло поступить в Бархэм. Разница в поколениях не была их виной, просто они жили в эпоху, в которой они жили. Надеюсь, со временем это удастся сократить.

И вот однажды в субботу, когда Кит отправился навестить Джерри в “Парамаунт”, его друг отвел его в сторонку. Трудолюбивый Эванс стал “золотым мальчиком” в магазине и начал пользоваться собственным влиянием.

“Послушай”, - сказал Джерри. “У меня есть для тебя отличная идея. Видишь вон ту перламутрово-голубую ударную установку,

самую лучшую? Она великолепна. Как новенькая. Я подумал , что это будет идеальный набор для тебя. Лицо Кита просияло при мысли о сделке. “Я могу продать его вам за семьдесят пять фунтов”.

Кит выглядел удрученным. Это была зарплата примерно за четыре месяца. “Как я собираюсь столько заработать? Я только начал работать”.

“Все в порядке, - сказал Джерри, - я поговорил со своим боссом. Если вы сможете собрать пятнадцать фунтов, то сможете получить остальное в HP в течение двух лет. Вы не будете

даже не заметит, что ты за это платишь”.

32 (Тони Флетчер)

Выражение лица Кита отчасти приобрело свой обычный оттенок. Внедрение системы рассрочки позволило семьям из рабочего класса покупать телевизоры и автомобили с минимальными первоначальными взносами; теперь подростки используют ее также для покупки костюмов и музыкальных инструментов. Раньше они называли это “никогда-никогда”.

“Есть только одна вещь, - сказал Джерри. Мне нужно, чтобы твой отец подписал бумаги. Кто-то должен гарантировать выплаты”.

Кит вышел из магазина с документами и вернулся через несколько дней с пятнадцатью фунтами наличными и заполненными бланками, подписанными неким Альфом Муном в качестве поручителя. Джерри ожидал, что подпись окажется поддельной, но это было не так. Страсть Кита к музыкальному инструменту была очевидна, его друг в бизнесе — козырной туз, и он уговорил своих раздраженных родителей купить ударную установку - как раз в тот момент, когда ему следовало начать самостоятельно зарабатывать на жизнь дома.

В тот вечер Джерри и Кит отвезли домой на метро совершенно новый комплект blue Premier. На Бейкер-стрит никто не притворялся больным, не совершал мелких краж , и пассажиры не

испытывали никаких неудобств, если не считать того , что спотыкались о полдюжины коробок с барабанами, когда высаживались по пути. Вернемся к Чаплину По дороге Джерри помог взволнованному Киту расставить набор в углу гостиной. Миссис Мун выжидающе смотрела на него; Альф, как это часто бывало, задержался на работе допоздна . Кит встал за барабаны и набросился на них, как “полный псих”, — сказал Джерри. “Все это было не вовремя, как у маньяка. Как в доме для умалишенных”.

четыре

В ПОСЛЕДУЮЩИЕ ГОДЫ КИТА МУНА ЧАСТО СПРАШИВАЛИ, КАК ОН СТАЛ барабанщиком. Ответы, как правило, были однозначными: что-нибудь о марширующем оркестре морских кадетов , или о том, как Джин Крупа размахивает клюшками в стиле шоумена, или о том, как он сыграл сет в гостях у друга (им был Джерри Эванс) и попал на крючок. Но только в одном случае в печати он явно избежал постоянно меняющегося исторического ответа и вместо этого обратился к эмоциональному.

“Я думаю, что решение было принято за меня”, - сказал он Скотту из журнала Circus magazine Коэн в 1975 году. “Я понял, что действительно не могу заниматься ничем другим. Я попробовал несколько вещей, и это было единственное, что мне понравилось делать”.

Только на этот момент Кит теряет бдительность и приоткрывает окно в свою душу, позволяя небольшой толике печали, которая всегда была на поверхности, получить редкую возможность вдохнуть. Он предстает таким, каким, вероятно, был на самом деле , когда его обнаружили the drums: маленьким потерянным мальчиком, который ищет какой-то способ придать смысл своей жизни. Кажется, он также признает то, о чем многие из нас всегда подозревали: его талант был врожденным, а не приобретенным. Он почти всегда заявлял, что никогда не брал уроков.

Но он брал.

Карло Литтл был настоящим молодым человеком, только что уволившимся из Национальной службы , когда он впервые создал свою группу The Savages на “Уэмбли” в 1960 году, и снова, год спустя, когда он и другой молодой человек из Харроу по имени

Дэйв Сатч наконец решили работать вместе. За два года службы в армии Карло по-настоящему научился тому, во что Мун просто играл с морскими кадетами: он был ведущим барабанщиком на параде своего батальона, и его ритм должен был быть достаточно громким, чтобы его слышали тысячи человек и шли в ногу. Он позаботился о том, чтобы так было всегда.

Карло, последний из поколения, прошедшего воинскую повинность до того, как ее отменили в 1960 году, был “задушен” тем, что его заставили пойти в армию в 1958 году, как раз

когда рок’н’ролл был на пике популярности. Большую часть времени он провел за границей в военной форме, откуда вернулся с неизменным музыкальным энтузиазмом и вкусами, но был шокирован отсутствием приличной живой музыки. “Единственными группами вокруг были биг-бэнды, но это были не группы, а сплошь старики”, - говорит он сейчас, больше не барабанщик и не участвующий в бизнесе, но не менее импозантный, чем когда-либо. “Были Клифф Ричард и The Shadows, но они просто играли рок -н-ролл”.

Действительно, на заре нового десятилетия стало очевидно, что страсть к року опасно ослабла. Элвис закончил свое собственное пребывание в США. Арми - разносторонний семейный артист; Бадди Холли, Биг-боппер, и Ричи Валенс погиб в авиакатастрофе в Америке, Эдди Кокран - в автомобильной катастрофе в Англии, в которой также (в дальнейшем) пострадал Джин Винсент; Джерри Ли Льюис, Чак Берри и пионер рок-н-ролла диджей Алан Фрид - все они были опозорены, Маленький Ричард проникся религией. Британские звезды, такие как Клифф Ричард, Билли Фьюри, Марти Уайлд и Адам Фейт, казалось, были готовы стать Элвисом Пресли с головой уходят в поп-музыку и пантомиму, как будто их подростковый бунт был всего лишь попыткой закрепиться в мире развлечений. Еще хуже для британской аудитории было то, что в “конюшне Ларри Парнса” появился конвейер взаимозаменяемых кумиров подростков с их трогательно-щекочущими выдуманными именами, такими как Джонни Джентл, Винс Эгер и Дикки Прайд. Приходите В 1961 году дела пошли настолько плохо, что традиционный джаз снова

стал считаться модным . Карло Литтл ушел из армии — и из школы Кита Муна — как раз в те годы, когда в истории рок-музыки были самые тяжелые времена.

Но пламя перешло к новому поколению, прежде чем удалось погасить первоначальный огонь. Слишком много подростков конца 1950—х - таких, как Карло Литтл — были слишком увлечены своим делом, чтобы сдаться сейчас, и, стоя в тени нового десятилетия, они сформировали горстку групп, которые решили исполнять классику рок-н-ролла так, как, по их мнению, они должны были исполнять. Это включало в себя множество свиданий на одну ночь, множество дешевых ночлегов с завтраком, множество поездок из центральной и северной Англии с ночевкой в старых фургонах, которые никогда не были рассчитаны на такой износ, но это, безусловно, лучше, чем работа в офисе, и награды были, по крайней мере, эмоционально, если не всегда финансово, ощутимы.

“Там выступало несколько человек, может быть, с полдюжины”, - говорит Литтл. “Ни у кого не было пластинок, имевших большой успех, но вы знали, что если пойдете их послушать, то станете: развлеченный. Это был бы хороший вечер. Не было никого, за кем можно было бы следить или копировать. У тебя были все твои записи, на которых ты играл — Литтл Ричард, Элвис, Чак Берри — и затем ты работал над своим номером, опираясь на это”.

Лидерами этой группы стали Джонни Кидд и the Pirates, которые, будучи не в состоянии продвигать ”Shakin‘ All Over” в коммерческом плане, “вместо этого укрепили себя в музыкальном плане и усилили свое живое выступление, дополнив его пиратскими нарядами и стробоскопическими огнями; в таком виде они продолжали оказывать драматическое воздействие на публику”.

тогда еще неизвестная молодая группа из западного Лондона под названием the Detours, которая выступала на разогреве у них однажды вечером. На отдельном ярусе ниже “Пиратов” расположились Джо Браун и “Брюверы”, Шейн Фентон и “Фентоны” (оба они добились значительного коммерческого

успеха), “Нерон и гладиаторы”, Нил Кристиан и “Крестоносцы”, Клифф Беннетт и “Бунтари”, о достоинствах которых до сих пор спорят в последние годы. ночные посиделки в пабах с участием ветеранов той эпохи, но почти все сходятся во мнении, что ни один из них не смог бы сравниться с таким масштабным шоу, как “Кричащий лорд Сатч и дикари”. И многое дикарей’ возбудитемент исходит из задней части сцены, где, словно по вмешательству свыше, теперь там сидел британский барабанщик, который понял, что его взяли играть рок *н-ролл.

На протяжении многих лет в состав the Savages входили некоторые из ключевых музыкантов шестидесятых и семидесятых годов, и их вдохновляющее воздействие на окружающих можно по-настоящему оценить, только поговорив с теми, кто их видел. Среди этих ярых фанатов были Кит Мун и его новообретенные друзья из the Escorts. В то время как группа Mill Hill создавала сет вокруг Клиффа Ричарда и Shadows tunes — с семью британскими хитами, занявшими первые места в период с 1959 по 1962 год, им больше не с кем было сравниться по популярности — были их настоящей страстью. эта местная группа играла рок-н-ролл так, как они никогда раньше не слышали. “Они были эквивалентом современной хард-рок-группы”, - говорит бас-гитарист the Escorts Колин Хейнс. “Они могли схватить вас за шиворот и хорошенько встряхнуть. Они были очень динамичными и громкими”.

Роб Лемон, который, как и Тони Марш, в конце концов осуществил свою личную мечту - играть в the Savages, не сомневался в том, откуда берется эта сценическая энергия. “Карло Литтл играл на барабанах в Великобритании, как никто другой. Он был настолько оригинален, что вы не поверите. И все это было связано с бас-барабаном”.

“Он был фантастическим рок-н-ролльным барабанщиком-тяжеловесом, - сказал Джерри Эванс, - и мы восхищались им. Он бил по бас-барабану так, как вы никогда не видели. Это было похоже на выстрел из пушки, на взрыв бомбы, когда он попал в нее”.

Сам Карло вряд ли стал бы с этим спорить. “Когда я ударяюсь обо что-то Я не просто нажал на нее”, - говорит он. - Я разбил его вдребезги. - Возьми это!’ Это поразило тебя. Это было впечатляюще. Особенно в те дни, потому что я старался изо всех сил. Мы были самой громкой группой за всю историю”.

Совершенно независимо от их энергии, не обращая внимания на

их эксгибиционизм, игнорируя - на мгновение их выбор материала и даже не принимая во внимание их барабанщика , который играл с такой неистовой страстью, дали Киту Муну еще один повод вдохновляться the Savages и завидовать им. К зиме 1961 года, когда Кит начал получать свою первую зарплату и посещать свои первые концерты, в составе Savages был уже не один, а два местных вундеркинда-подростка. Ники Хопкинс был семнадцатилетним пианистом с классическим образованием, жившим по соседству, который учился на “Уэмбли Каунти” и, очевидно, сменил Бетховена на Чак Берри молодец, что так поступил, но Берни Уотсон…. Что ж,

36-летний Тони Флетчер

Берни учился в Олпертоне всего на два года старше Кита. Будучи тихим ребенком , который, как и Хопкинс, до этого посещал начальную школу в Лайон-парке на противоположной стороне Илинг-роуд, он никогда не привлекал особого внимания Кита, потому что Кит никогда не считал его потенциальным рок-н-ролльщиком. Увидеть его на сцене с лучшей группой Лондона — черт возьми, во всей стране не могло быть группы лучше — было еще одним фактором, убедившим Кита реализовать свой потенциал.

И вот, каждый вечер в начале 1962 года, когда он не проводил время с Джерри или другими сопровождающими, разговаривая о музыке или слушая их исполнение, Кит устанавливал свою аппаратуру Premier на Чаплин-роуд и репетировал. Вскоре Киту пришлось перебраться из-за занавески в свою спальню наверху, но родители все равно поддерживали его. Они поняли, что в игре на барабанах Кит наконец-то нашел то, во что можно верить. Хотя это было не так это была именно та отдушина, о которой они могли бы мечтать : когда он занялся ими, он достиг такого уровня сосредоточенности, который таинственным образом отсутствовал в его школьных занятиях, и после всех этих лет проказничества, которые, казалось, вели к трудной взрослой жизни, они были довольны тем, что оставили его в покое. Конечно, он никогда не смог бы сделать на этом карьеру, и они пытались убедить его в этом, чтобы поддерживать его надежды на разумном уровне, но он не слушал. Американский барабанщик по имени Сэнди Нельсон только что поставил инструментальный сингл “Let There

Be Drums” на первое место в британских чартах: по мнению Кейта, это свидетельствовало о том, что люди начинают понимать, что барабаны могут быть таким же ведущим инструментом, как и гитара.

Хотя гастролирующие и местные группы иногда выступали в ратушах или общественных центрах для аудитории всех возрастов, Кит полагал, что никогда не поймет живую музыку, если не увидит, как она звучит в самой обычной обстановке - пабе . Неустрашимый знанием того, что ему должно быть восемнадцать, чтобы получить допуск, он однажды вечером отправился в отель “Олдфилд” на Гринфорд-роуд. Менее чем в миле по прямой от его дома, хотя, по крайней мере, в паре поездок на автобусе, если он хотел добраться туда, не пересекая Садбери. Поле для гольфа и Беркли Филдс - это было ближайшее известное ему заведение , где каждый вечер играла живая музыка. На самом деле the Oldfield, который был частью сети, управляемой Бобом Дрюсом и его компанией Commercial Entertainments, настолько гордился качеством своих концертных групп, что вход на его площадки зависел от членства в его “Музыкальном клубе”. Все это было несколько замысловато и отчасти излишне — членство было простой формальностью и не давало никаких других заметных преимуществ, кроме гарантированного посещения любых коммерческих площадок, — но это отпугивало нарушителей спокойствия и свидетельствовало о профессионализме , который ценили группы.

Кит появился в “Олдфилде” один, и его встретил швейцар, бывший сержант в форме, которого обычно нанимают на высококлассные вечерние мероприятия и который является еще одним признаком общепризнанной респектабельности коммерческих развлекательных заведений. Ему удалось протолкаться мимо швейцара к

ЛУНА)? 37

познакомьтесь с менеджером заведения Луи Хантом, одним из главных помощников Боба Дрюса, которому он выразил свою заинтересованность присоединиться к музыкальному клубу.

Ханту было уже под сорок, он постоянно носил галстук-бабочку и

управлял “Олдфилдом” твердой рукой, под которой ему нравилось время от времени обнаруживать мягкосердечие. Учитывая, что существовал трехлетний разрыв между минимальным возрастом окончания школы и минимальным возрастом употребления алкоголя, и что многие подростки заполняли его, занимаясь музыкой, Ханту часто приходилось иметь дело с детьми, которых не пустили бы в клуб, если бы они не играли на сцене. Эта ситуация была другой.

“Сколько вам лет?” - спросил он у мальчика.

“Пятнадцать, сэр”, - ответил Мун.

По крайней мере, мальчик был честен, подумал Хант, хотя, с другой стороны, ему с таким же успехом могло быть и тринадцать, несмотря на его очевидную физическую зрелость. Но что действительно впечатлило менеджера в этом мальчике, так это слово “сэр” и то, как он вытянулся по стойке “смирно”, произнося его. Детей уже не так хорошо воспитывали, и такая степень вежливости была редкостью. (Способность Кита чередовать невинное обаяние и юношескую дерзость в зависимости от его потребностей сослужила ему хорошую службу на протяжении всей его взрослой жизни.)

Хант спросил мальчика, почему он так стремится вступить в клуб. Кит объяснил , что его родители только что купили ему ударную установку, и он хотел посмотреть на настоящих барабанщиков на сцене, чтобы понять, чему он может научиться. У него были деньги, и он не возражал заплатить. Можно ли было как-то разрешить ему присоединиться?

“Что я мог сделать?” - вспоминал Хант спустя полжизни, и это событие все еще было живо в его памяти. “Он был таким милым парнем, что я впустил его, строго наказав не отходить от края сцены”. Он сказал Киту, чтобы тот тоже не беспокоился об оплате.

Кит остался на пару часов в тот вечер. Кто знает, какую группу он смотрел? The Bel-Airs, the Federals, the Riversiders, the Corvettes, Бобби Кинг и Сейбрз…? Было множество групп, которые еженедельно выступали в “Олдфилде”, как и в других коммерческих заведениях. С таким же успехом это могли быть Рикки Аллен и the Chestnuts, вокалист которых Дэйв Лэнгстон вспоминает, что Кит посещал “Олдфилд” в тот период. “Он был веселым маленьким хулиганом, полным уверенности в себе и кипящим энтузиазмом. Мы и представить себе не могли, что в конце концов произойдет! На нем был ярко-желтый шарф, и он был похож на шмеля!”

Уверенность в себе и вежливость Кита привели к тому, что в тот первый вечер Лу Хант открыто пригласил его вернуться в “Олдфилд” в любое время. Эти же качества сослужили ему еще большую службу 25 июня 1962 года, когда Группа Screaming Lord Sutch и the Savages выступили в качестве хэдлайнеров в ратуше Уэмбли. Кит, Джерри и, по крайней мере, пара других сопровождающих были среди нескольких сотен человек, посетивших шоу. На самом деле, было так многолюдно, что многие

Тони Флетчер (Tony Fletcher)

девушки встали на скамейки по периметру зала, чтобы как следует разглядеть группу, и тут же проткнули кожу своими туфлями на шпильках, вызвав небольшой фурор, о котором написали местные газеты. Все аплодировали выступлению на разогреве у Пола Дина и The Dreamers, еще одной группы местных парней. И они дружно зааплодировали the Savages.

Тогда, в 1957 году, из всей первой волны рок-н-ролла, это было мало Пластинки Ричарда, в которых барабаны занимали наиболее заметное место. Если вы сделаете их достаточно громкими — что, в первую очередь, означало риск навлечь на себя гнев ваших родителей за то, что они осмелились играть музыку дьявола (и

разве это не ирония судьбы, не кровавая трагедия , что такая яркая королева, как Литтл Ричард, должна осудить себя за то, что она выполняет работу сатаны, и обратиться к Богу в том же году?) — вы действительно могли слышать, как гремит барабанная дробь, и из всех этих синглов ни в одном не было такого заметного бас-барабана, как в “Lucille”.

И, конечно же, the Savages, историки рок-н-ролла, несмотря на свою молодость, открыли свое выступление песней “Lucille”. А зрители просто стояли , разинув рты. И вовсе не нелепо кричащие оранжевые рубашки и белые ботинки заставили публику задуматься. Savages выделялись не столько из—за шума, сколько из—за того, что Карло Литтл (Carlo Little) играл на барабанах, каждый элемент которых был заметно громче, чем в обычном наборе, - он размахивал ими так, словно пытался их отбить.

Это также было визуальное воздействие вокалиста. Сатч был непревзойденным исполнителем. Независимо от того, что это была за песня, к ней у него был банальный реквизит. Так , для “Bull Moose” Бобби Дэрина он надел шлем с двухфутовыми рогами; для “Blue Suede Shoes” он щеголял в ботинках , выкрашенных в ярко-синий цвет на несколько размеров больше, чем нужно; во время записи сингла группы “Till The Following Night”, который он написал сам. нашел свой путь в гробу; и на “Больших огненных шарах”. . что ж, было над чем посмеяться: он прыгал по сцене, держа в руках зажженную коробку из-под печенья.

Кит был немного разочарован тем вечером на “Уэмбли”, когда обнаружил, что Ники Однако, по слухам, Хопкинс и Берни Уотсон покинули the Savages, чтобы поселиться в Гамбурге вместе с Клиффом Беннетом и the Rebel Rausers Кит не мог их винить: он бы ухватился за возможность уехать из Лондона и играть в другой стране. Нет, что действительно его поддержало , так это то, что новый гитарист был даже моложе Уотсона, парень из Миддлсекса по имени Ричи Блэкмор, чьи сокрушительные удары по гитаре заставляли людей задыхаться. Киту показалось, что он слышит , как сквозь этот шум проходит его жизнь.

Он повернулся, чтобы посмотреть на Карло. На таком концерте все начинающие музыканты сидели впереди, наблюдая за движениями и ожидая подсказок. Если ты хотел стать гитаристом, Ричи был твоим мужчиной (или парнем); если ты был обучаясь игре на бас-гитаре, вы обратились к Рикки Брауну; если вы стремились стать певцом, вы не искали у Сатча

превосходных вокальных данных, но, безусловно, могли бы многому научиться в работе с публикой. А если вы планировали стать

барабанщик, ну, на самом деле, сравнивать было не с кем. Во время исполнения “Good Golly Miss Molly” Карло вставал на свой мотоциклетный шлем, чтобы исполнить соло. И где-то ближе к концу выступления его игра становилась все громче и громче, как в поезде-экспрессе, пока другие участники не прекращали свои занятия и вопросительно не взглядывали на него, и в этот момент Карло на пять или десять минут начинал свое протяжное соло, которое звучало так, будто он-я только что сбежал с веселой фермы. Аплодисменты, раздавшиеся в конце выступления, убедили Кита, что он был прав, когда не взялся за гитару, бас или духовые, как все остальные: на барабанах можно было произвести не меньшее впечатление. ~

После шоу Сэвиджей можно было найти в раздевалке, где они пытались отдышаться. Шансов было немного. Как и всегда, они были окружены потенциальными апостолами, теми начинающими музыкантами, которые были на переднем крае и отчаянно хотели, чтобы из уст их духовных лидеров посыпались жемчужины мудрости, которые они могли бы передать своим собственным кавер-группам. Однако большинство из этих претендентов никогда бы не смогли успешно подражать своим героям, потому что у них не хватило бы смелости, как у Savages сделали это, чтобы забыть об инструментальной музыке Shadows, аккуратно сшитых костюмах и тщательно отрепетированных сценических движениях того времени и окунуться в настоящий рок-н-ролл, со всеми вытекающими отсюда кровью, потом и слезами. Но в тот вечер Кит Мун прошел за кулисы с Джерри Эвансом, дождался подходящего момента и подошел к Карло Литтлу, который был на восемь лет старше его, в два раза крупнее и был лучшим барабанщиком, которого он когда-либо видел. Он представился: А затем попросил Карло Литтла взять у него уроки игры на барабанах.

Карло посмотрел сверху вниз на этого парня в коричневой куртке “бумфризер” и с сальными волосами, которые неуместно

смотрелись на таком ангельском личике. Парнишка не выглядел достаточно сильным, чтобы удержать пару палок. “Я не учитель, приятель”, - сказал он в конце концов. “Я самоучка. Возможно, я мог бы сам взять несколько уроков”.

“Нет”, - сказал мальчик. ““Ты потрясающий. Ты действительно такой. Мы с друзьями постоянно приходим тебя навестить. Ты так играешь на бас-барабане…”

Карло на минуту задумался. “Где ты живешь?” спросил он мальчика.

“Чаплин-роуд”.

Это было недалеко от его дома в Садбери, в конце Харроу -роуд. Карло еще немного подумал об этом. Он был бы не прочь , чтобы кто-нибудь учил его, когда он был в возрасте мальчика. И каждый пенни приносил пользу, когда ты посвящал себя чему-то столь нестабильному, как рок -н-ролл.

“Я могу научить тебя только тому, что знаю сам”, - сказал он в знак согласия. “Десять шиллингов за тридцать минут”. В среду в семь. Вот адрес.”

Джерри ЭВАНС НЕ ПЕРЕСТАВАЛ УДИВЛЯТЬСЯ СМЕЛОСТИ СВОЕГО ДРУГА. ОН никогда бы не осмелился попросить великого Карло Литтла об уроках, хотя тот

40 (Тони Флетчер

Каждый день имел дело со многими известными барабанщиками в студии Paramount. И именно поэтому, когда приближалась среда и Кит предложил Эвансу пойти с ним, Джерри отказался. Карло был пугающим парнем. Он был похож на цыгана. Кто знал, что он сделает с Китом, когда застанет его в своем логове? И, кроме того, Джерри уже умел играть на барабанах. Это Кит нуждался в уроках.

У Кейта, у которого были такие ужасные проблемы с тем, чтобы продержаться на четырехфунтовой зарплате, которую он

зарабатывал в Ultra Electronics каждую неделю, что десять шиллингов за урок начали казаться дорогими, возникла другая идея.

“Он сказал: “Вот что я тебе скажу”, - вспоминал Джерри. “Я пойду и проведу урок, потом выйду и все тебе расскажу, а ты дашь мне полкроны’. Таким образом, я получал урок из вторых рук за полкроны, и Кит действительно получил урок на семь и шесть часов.”

Карло Литтл и не подозревал , что возле его дома на Харроу-роуд околачивается еще один потенциальный студент. Он просто разложил свой набор в гостиной — “Мне было наплевать на соседей, они просто привыкли к этому”, — и когда раздался звонок в дверь, он открыл ее и увидел на пороге своего дома миниатюрного, немного застенчивого мальчика.

“Вот твои деньги”, - сказал Кит, не дойдя и до половины. Мама Карло-снова выпалила что-то о том, что он не учитель. Он чувствовал себя виноватым из-за того, что взял десять шиллингов у пятнадцатилетнего подростка, но, с другой стороны, он играл не бесплатно.

Он усадил мальчика за стол и с трудом сдержал смех. Кит был бы маловат для любого набора, но в окружении барабанов Карло — 24-дюймовой бас-гитары вместо стандартных 20 дюймов, 14-дюймового малого барабана вместо 12-дюймового и двух одинаково больших тамтамов - он был почти незаметен. Карло попросил Кита показать ему, на что он способен. Это было не очень впечатляюще.

“Он был просто неуклюжим парнем, пытавшимся играть. Я сказал: “Правильно, это то, что ты должен делать. Я могу только показать вам, имейте в виду, я не могу сделать это за вас. Идите домой, запомните, что вам показывали, тренируйтесь и приходите на следующей неделе, и я покажу вам еще кое-что”.

Пока Карло пытался объяснить простыми словами, которые были всем, что он знал, что такое парадиддл, как он позволяет марширующему барабанщику поднимать поочередно руки в начале такта, несмотря на то, что он продолжает непрерывно отбивать ритм, Джерри Эванс расхаживал взад и вперед по участку Садбери на Харроу-роуд. Ему следовало бы приехать на мотороллере, который он купил в начале года, когда ему исполнилось шестнадцать , и тогда он мог бы ненадолго уехать

домой, подумал он. Имейте в виду, у него была веская причина оставить скутер: каждый раз, когда он садился на него, Кит хотел попробовать, и ни за что не позволил бы кому-то подобному Кит Мун разъезжал на новенькой “Ламбретте”, если только вы не планировали списать ее в счет страховки. По крайней мере, на улице было лето и тепло. То

урок, однако, затянулся. Прошел почти час. Что было Что Карло делает со своим другом?

ЛУНА? 41

В конце концов Кит вышел из дома Карло в полном восторге. “У меня получилось!” - воскликнул он, как будто ему подарили сам Святой Грааль, и они вдвоем побежали обратно на Чаплин-роуд, чтобы Кит мог показать Джерри все, чему научился , прежде чем тот это забудет. Поднявшись к себе в комнату, Кит сел за свой синий музыкальный центр Premier , который внезапно показался ему ужасно маленьким, и начал играть для Джерри. Он объяснил, что не просто осторожно постукивал по бас-барабану в такт, как они делали это раньше . Ты бьешь дважды — и с удвоенной силой — в такт, а потом снова не в такт, а потом снова здесь, и снова там… . Это были зачатки синкопирования, сочетающиеся с энергией хард-рока, и, пытаясь подражать их герою, Кит совершенно сбился с ритма. В отчаянии он ударил по клавишам очень громко и чуть не порвал кожу. У него еще не получилось. Но семена были посеяны.

“Именно это вывело Кейта на правильный путь”, - сказал Джерри почти тридцать пять лет спустя. “Он понял, что если он сможет собрать бас-барабан воедино, то это станет основой любой группы, в которой он будет играть, потому что все остальные барабанщики едва ли будут стучать по бас-барабану. Это был поворотный момент, и все это за десять шиллингов”. Или семь и шесть, если считать вклад Джерри.

Кит еще несколько раз приходил к Карло за уроками. “Он был увлечен и нетерпелив”, - вспоминает Карло. “Я помню, как однажды он вернулся и разобрал то, что я ему показал. Так что он, очевидно, слушал то, что я ему говорил”. Обычно

неугомонный Кит был необычайно напуган своим учителем, который помнит его как чрезмерно вежливого, обычного и сосредоточенного человека. “Когда мы разговаривали, это длилось не более нескольких минут, и все время речь шла о барабанах”. Карло был рад видеть, что его единственный ученик продолжает работать, но по сравнению со стандартами, которые Карло устанавливал для себя, он остался равнодушен к способностям мальчика. - Я ничего больше об этом не думал, просто молодой человек. ‘ парня зовут Кейт.”

В конце июля, когда начался сезон отпусков, Джерри со своей семьей на две недели уехал в Корнуолл. К этому времени Ли Стюарт и the Escorts уже дали пару регулярных концертов в Милл —Хилле - в римском клубе Sacred Heart. Католический молодежный клуб и канадскую виллу на Персли—роуд - и не хотел их терять. В этом не было необходимости. Учитывая, что Кит брал уроки у великого Карло Литтла, что он так усердно тренировался, что теперь у него была своя ударная установка, все согласились, что для него имеет смысл посидеть за ней, пока Джерри не будет дома. Особенно Кит. Он буквально подпрыгивал от восторга , предвкушая такую перспективу. Он знал все песни, он обещал, что был на репетициях, что с ним все будет в порядке.

Кому бы не хотелось оказаться там, в молодежном клубе, который никто не помнит, потому что в то время никто не придавал этому большого значения, когда Кит впервые установил свой подержанный комплект pearl blue Premier, но с бас-гитарой под углом 45 градусов, как будто оставляя место для более мощного звука. второй такой же, как он

был Эриком Дилейни или кем—то еще - и выступал вживую? Особенно то, как все обернулось. Потому что, хотя большая часть выступлений Escorts состояла из инструментальных композиций Shadows и стандартов пятидесятых — “рок-н-ролла в контролируемой манере”, как позже охарактеризует это басист Колин Хейнс, — они были такими дикарями-фанатами, что тоже открыли свой сет песней “Lucille”. Для Кита это была красная тряпка для быка. Он сел позади группы, начал играть барабанную дробь, с которой начиналась эта песня, а затем продолжал играть

в течение следующих получаса, меняя темп, исполняя баллады и делая паузы между песнями, улыбаясь так, словно он был в своем собственном мире, словно он проводил лучшее время в своей жизни. его жизнь. Которым он, конечно же, и был.

“Он пытался играть на барабанах, как Карло Литтл”, - вспоминает Роб Лемон. “И ему это почти удалось. Несмотря на то, что он был таким же сумасшедшим, он не был таким крутым, как Карло Маленький. Он был повсюду. Если он сбивался с ритма, вероятность того, что он выйдет с другой стороны в том же ритме, была очень мала. Но это не имело значения, потому что нам это нравилось”.

“Играть с ним было настоящим кошмаром”, - подтверждает Колин Хейнс. “Мы все играли в “ФБР” и “Апачи”, и все пытались изобразить глупую походку, и тут появился Кит, такой динамичный. Он был на седьмом небе от счастья. Мы думали, что он великолепен. Мы думали, что это путь вперед, в другом направлении”. Но , несмотря на то, что аудитория молодежного клуба была примерно того же возраста, что и сопровождающие, это была толпа, которая никогда не видела выступления Карло Литтла и была воспитана на дисциплинированном минимализме Теней. ““Зрители говорили: “Этот парень ужасен. Когда вы вернете Джерри?”

Так продолжалось на протяжении трех или четырех концертов за эти две недели: Кит играл на барабанах в стиле фристайл, единственный обитатель своего собственного счастливого королевства, а остальные тут же приспосабливались к новому темпу и энергии. По прошествии двух недель они оказались в неловком положении. Будучи достаточно хорошими музыкантами и чрезвычайно увлеченными фанатами, они знали, что Кит, несмотря на отсутствие у него самоконтроля и умения выбирать время, был сильным игроком. В течение двух недель его напор, сила и эмоциональная отдача указали им направление, в котором они хотели развиваться дальше. Если бы они все продолжали в том же духе, результат мог бы быть феноменальным. Они также знали, что Кит наслаждался их дружбой и был рад возможности отыграть несколько настоящих концертов. Но Джерри возвращался из отпуска, и регулярные выступления в молодежных клубах требовали возвращения барабанщика, которого они знали. Джерри был с группой с самого начала; если бы не он, они бы никогда не познакомились с Китом. Что им оставалось делать?

Джерри вернулся из Корнуолла субботним вечером в начале августа, а в воскресенье утром обнаружил у своей двери разъяренного Тони Марша — Ли Стюарта собственной персоной . “Этот маньяк, твой друг…” - сказал Тони, прежде чем разразиться яростной тирадой по поводу стиля игры Кита на барабанах. “Мы потеряли всю работу”.

Чего Джерри не понимал, так это почему они отыгрывались на нем. “Они были так агрессивны по отношению ко мне, как будто это была моя вина”.

ЛУНА? 43

На тот момент Джерри был обеспокоен тем, что концерты временно отменяются. Это означало, что у нас было меньше поводов для репетиций — а когда ты исполнял только стандартные каверы, в репетициях все равно не было особой необходимости, — а значит, меньше времени проводилось с другими сопровождающими. Когда они, наконец, снова начали выступать в местных молодежных клубах, Джерри был там за барабанами. “Слава богу, ты вернулся”, - сказали ему менеджеры клуба. “”””Мы никогда не слышали такого шума, как у этого парня Муна”.

Однако за спиной Джерри the Escorts продолжали играть в другом месте — с Китом на барабанах. Они достаточно хорошо зарекомендовали себя в молодежных клубах, чтобы обеспечить себе места даже в Уолтемстоу, местах, о которых Джерри и слышать не хотел. Они ездили на эти выставки в двухтонном фургоне “Бедфорд”, который был передвижной овощной лавкой, принадлежавшей отцу их “менеджера” — Грэма Расселла. Группа забиралась на заднее сиденье, кое-как втискивая свое оборудование рядом со всеми фруктами и овощами, и в конце каждого выступления, за которое, если им повезет, они могли заработать по фунту каждый, мистер Рассел-старший отвозил их туда и обратно и хотел убедиться , что ребята знают правила игры. учитывая важность бизнеса, он подсчитал бы, сколько фруктов пропало, и вычел бы это из зарплаты мальчиков. Возможно, это не имело бы большого значения, если бы Кит не провел большую часть пути, бросая яблоки и бананы из задних окон в прохожих.

Выступлений было немного, и они проходили далеко друг от друга; это все еще была группа пятнадцати-шестнадцатилетних подростков. И они продолжали приглашать неоднозначную реакцию в их барабанщик, которого никто никогда ничего слышал. Но группа осталась с ним. “Мы жили с ним так долго, как он останется с нами”, - настаивает Колин Хейнс.

В сентябре 1962 года в Лондоне , недалеко от Paramount, на Шафтсбери-авеню, открылся первый музыкальный магазин, где продавались только барабаны. Он назывался Drum City, и Джерри Эвансу, чьи навыки в торговле и музыкальные познания были хорошо известны, предложили там работу. Не прошло и года, как он стал менеджером, что было феноменальным достижением для семнадцатилетнего парня. В то время он был успешным во всех отношениях, в том числе и в музыкальном бизнесе. Он даже находил время, чтобы какое-то время играть с the Escorts . Но до самого своего смертного дня Джерри Эванс так и не узнал о том периоде, когда он был узурпирован в своей собственной группе.

ЕСЛИ БЫ У ЭВАНСА БЫЛА ВОЗМОЖНОСТЬ ПОДУМАТЬ ОБ ЭТОМ, он смог бы точно определить момент, когда его жизненные пути разошлись с жизненными путями его лучшего друга Кита. Это было в начале 1962 года, когда они вдвоем восхищались В витрине магазина Сесила Джи, как обычно, на видном месте красовался золотой костюм от ламе, словно бросая вызов кому-то, кто окажется настолько глуп, что купит его, и Кит зашел и внес залог в два фунта. Когда продавцы магазина обмерили Кейта , чтобы он точно подошел по размеру, он повернулся к своему другу и сказал: “Видишь? Я же говорил, что куплю это”. Каждую неделю в течение следующих двух месяцев Мун заходил к Сесилу Джи и сбрасывал еще два фунта. Костюм должен был стоить больше, чем задаток

на своей ударной установке, но с этим все было в порядке. Его отец купил барабаны, и теперь Киту предстояло сыграть свою роль.

“Это была настоящая самоотдача”, - сказал Джерри. Хотя лично

он никогда бы не надел такой наряд, он мог бы понять, что кто-то делает это, если бы он был участником рок-н-ролльной группы. “Но в чем Кит отличался, так это в том, что, как только он его получил, он носил его весь день напролет. Он разгуливал в нем по улицам. В те дни это было неслыханно”.

Сестра Кита, Линда, вспоминает, как он переходил Чаплин-роуд, чтобы показать Ми-Чейлу Моррису костюм, и остановил движение. Джерри увидел этот трюк на вечеринке в более ярких деталях.

“Чаплин-роуд была темной улицей зимней ночью”, - вспоминал Джерри. “Мы часто гуляли по этой улице, и он прятался за живой изгородью, а когда проезжал грузовик или легковая машина, он перебегал дорогу, так что машина видела его в свете фар и нажимала на тормоза. И, конечно , было бы страшно увидеть ночью в свете фар эту маленькую фигурку в золотистом костюме из ламе . Но это то, что он обычно делал для развлечения”.

- Вариаций на эту тему было множество. - У него был такой трюк : он переходил дорогу, когда проезжала машина, и подбирался как можно ближе ”а потом упал, как будто его только что ударили секирой”, - вспоминает Колин Хейнс. “ Водитель выходил, думая, что сбил кого-то, и мы все бежали и выглядели обеспокоенными, а водитель подходил и спрашивал: “С вами все в порядке?” и Кит вскакивал на ноги и говорил: “Да, я в порядке”. Как ему это сошло с рук, я так и не узнал. Таким он и был - безобидным в одном отношении, но раздражающим в другом.

То же самое происходило в боулинге на “Уэмбли”, рядом с ледовым катком у стадиона. Кит ходил в боулинг не столько для того, чтобы поиграть в эту игру с другими людьми, сколько для того, чтобы подшутить над ними. Он присматривался к кому-то, кого никогда раньше не встречал, изучал его или ее манеры, и как раз в тот момент, когда этот человек собирался подавать, он поворачивался к остальным и говорил: “Эй, понаблюдайте за ним, посмотрите, что он делает”, - и начинал подражать незадачливому игроку. “У Кита был заразительный смех”, - вспоминает Колин Хейнс. “И он заставлял нас всех смеяться как раз в тот момент, когда кто-нибудь собирался бросить мяч. Я удивлен, что нас не избили”.

Поскольку Джерри работал полный рабочий день в музыкальном магазине, вся компания, которая проводила выходные в Вест—Энде, теперь более или менее состояла из сопровождающих , но

вместо Джерри был Кит - так же, как и на концертах. Они доезжали по линии Пикадилли до станции Холборн, и Кит направлялся прямиком в магазин Gamages, где весь отдел был посвящен магии , шуткам и новинкам. Если Кит не мог тайком вывезти несколько вставных зубов, искусственных пауков и тому подобное, он находил им применение в магазине. Когда все это было выброшено, что неизбежно происходило, он вернулся на Денмарк-стрит и стал мечтать о музыкальной карьере. Они сидели в “Джоконде”

кафе-бар на несколько часов, где, как они слышали, бывали влиятельные люди и где даже были замечены некоторые музыканты. “Это было место, куда можно было прийти, потусоваться и представить, что ты часть этой сцены, хотя мы были слишком молоды, чтобы быть ими на самом деле”, - говорит Хейнс. Они даже не видели никого знаменитого, хотя и видели некоторых, которые выглядели важными персонами. Остальные указывали на кого-нибудь в особенно модном костюме, и Кит немедленно отсылал этого человека, независимо от того, мог ли он быть влиятельным в музыкальном мире. Жизнь Муна в тот момент, насколько могли судить его друзья, не казалась особенно сложной . “Он был просто помешан на смехе”, - вспоминает Хейнс. “Все, что могло быть необычным, вызывало смех. Он не останавливался ни перед чем. Временами с ним было очень неловко находиться рядом”.

У Джерри Эванса было достаточно неприятных встреч, чтобы начать уставать от своего друга. Как всегда, большинство из них происходило в поезде метро, где у Кита была готовая аудитория и бонус в виде анонимности. Но теперь даже инцидент с кофейными зернами на Бейкер-стрит начинал казаться невинным по сравнению с его новыми представлениями о развлечениях. Например, они ехали домой на поезде линии Метрополитен, и Кит выходил на Финчли-роуд, где, как он заметил, стенд с объявлениями часто оставался без присмотра. Он прокрадывался внутрь, подходил к микрофону и там, в самом сердце еврейского района Лондона, передавал голос гестаповца, заученный по фильмам о войне, которые все еще крутило старшее поколение.

“Все евреи выстраиваются здесь в шеренгу, готовые к газовой атаке”, - приказывал он, и это казалось ему самой забавной вещью на свете. Все остальные в участке, особенно значительное число евреев, чьи страдания во время войны были слишком свежи в памяти, думали иначе. Они начнут выслеживать сотрудников транспортной компании “Лондон”, чтобы выяснить, кто из них сошел с ума, - потому что другого объяснения быть не могло, — и Кит вернется в поезд, ведя за собой ошеломленного Джерри Эванса, прежде чем кто—нибудь узнает, что это был он.

Эти попытки выдать себя за гестаповца продолжались на протяжении всей жизни Кита, постоянно проверяя пределы того, что его друзья и семья находили забавным. “Он не был антисемитом”, - настаивает Джерри Эванс, как и все остальные, кто извинялся за необычное чувство юмора Кита. “Это не так. Он ничего не имел против евреев. Просто по какой-то причине ему это показалось забавным”.

Другой забавной шуткой, которую он нашел, была поездка на медленном поезде домой из Бейкер—стрит, дождавшись, пока поезд проедет через Нисден — последнюю остановку перед посадкой пассажиров экспресса в парке Уэмбли, и поэтому в этот момент обычно пустынную, - а затем начать громить ее.

“Он пробегал по всему вагону, срывал все рекламные плакаты, включая деревянные перегородки, которые были сделаны из фанеры, и вытаскивал все сиденья”, - рассказывал Джерри. “И на “Уэмбли Парк” он говорил “увидимся” и уходил домой. А я отправлялся на следующую станцию. И когда он выходил из поезда, то

люди ехали в Кингсбери, Квинсбери, Кэнонс-парк и Стэнмор, но им не на что было сесть, потому что он убрал все сиденья, а все плакаты с поезда были сорваны и лежали кучей на полу”. Эти пассажиры пристально смотрели на Эванса, их негодование говорило о том, что он что-то знает об этом, они держали себя в руках, не позволяя вмешиваться, а Джерри вжимался в сиденье, желая стать невидимым.

Скрытый динамик в саду на Чаплин-роуд, эксперименты со

взрывчаткой в его спальне, подражание нацистам, преднамеренное разрушение. это была оригинальная форма выходок, из-за которых Кит с годами приобрел дурную славу, и тот факт, что они были так распространены в его жизни в раннем подростковом возрасте, опровергает любые предположения о том, что он занимался ими только один раз в жизни. Который добился успеха, и у него были для этого деньги и власть. Очевидно, что его поведенческие модели были четко сформированы задолго до этого.

Джерри, со своей стороны, никак не мог взять в толк, что толкнуло Кита на эти акты вандализма, разве что как выход для сверхэнергии , которую всегда превозносил его друг. Как человек, который жил по правилам, которого родители научили уважению к другим, который любил музыку рок-н-ролла , но не связанную с ней подростковую преступность, Джерри был подавлен перспективой быть пойманным, и однажды, когда Кит был занят выполняя обычную процедуру уничтожения, он поднял голову и увидел, что в окне соседнего вагона стоит лондонский транспортный охранник, наблюдающий за каждым движением Кита. Сердце Джерри подскочило к горлу, он испугался, что их сейчас затащат внутрь, даже испугался.

Но ничего не произошло. “Охранник смотрел из другого вагона прямо на него, когда он это делал, и по какой-то причине ничего не предпринял . Я думаю, он боялся его”.

Джерри начал чувствовать то же самое. “Было так плохо, что я придумывал отговорки, чтобы не идти с ним домой. Он заезжал за мной в шесть часов, поэтому я обычно уходил без пяти или без десяти и говорил менеджеру: “Если появится мой приятель Кит, скажи ему, что мне нужно идти”. Я не хотел лишних хлопот”.

Последней каплей вполне мог стать тот день, когда Кит появился в Драм—Сити с пустым футляром для малого барабана и уехал с полным - ничего не купив. В конце концов, одно дело красть для друга, и совсем другое - красть у друга. Только Кит смотрел на это иначе. Фрукты и овощи с рынка, которые вот—вот должны были испортиться, шутки в магазине новинок, которые были рассчитаны на случай непредвиденных обстоятельств, ловушки, которые были застрахованы магазином, - всем этим вещам он находил лучшее применение. Если бы он столкнулся лицом к лицу с его действиями, он мог бы точно так же оправдать то, что Джерри взял его на работу в эскорт-компанию: “Но я собираюсь стать звездой рок-н-ролла, а ты останешься работать в

музыкальном магазине. Разве не разумнее, если я буду барабанщиком группы?" Тем не менее, привычка Кита испытывать своих друзей на прочность означала, что он никогда не мог быть полностью уверен в том, что на них можно положиться. Это того стоит

отмечая, что, когда он ушел из "Эскорта" — а они так и не заметили его ухода, только то, что он отделился от их банды, - он был таким же одиноким, как и тогда, когда присоединился к ним. я

"Он, казалось, был очень самостоятельным человеком, когда пришел к нам", - говорит Колин Хейнс. "И точно так же, когда он ушел от нас, он ушел сам по себе. Никто не сопровождал его ни до, ни после".

"Кит хотел отличаться от других", - вспоминает Роб Лемон. "Он не хотел быть барабанщиком Shadows. Он хотел быть экстравертом. Не знаю , считали ли мы его лучшим музыкальным барабанщиком в мире, потому что он был повсюду. То, как он решил играть на барабанах, было возмутительно. Но он мало подражал Карло и был единственным, кто так поступал. Он был настоящим персонажем. Безумие граничило с гениальностью."

НАСКОЛЬКО КТО-ЛИБО ПОМНИТ ЕГО ТОЧНУЮ ФОРМУЛИРОВКУ, РЕКЛАМА В Harrow и Wembley Observer в декабре 1962 года просто заявили, что Клайд Бернс и the Beachcombers ищут нового барабанщика. Потенциальные кандидаты должны были собраться со своими наборами в Консервативном зале на Лоулендз Роуд, у станции Харроу-он-Хилл, в назначенный вечер позже на этой неделе для прослушивания.

Шестнадцатилетний Кит Мун увидел рекламу и понял, что должен быть там. Последние несколько месяцев сделали чудеса с его уверенностью в себе. Играть с the Escorts было захватывающе, с чем мог сравниться только тот вечер, когда он рассказал Лу Ханту в "Олдфилде", что брал уроки у Карло Литтла и ему

разрешили сыграть с группой пару песен. Все согласились, что он хорошо себя зарекомендовал; Хант даже предположил, что у Кита достаточно перспектив, чтобы записаться в группу, не зная, что Кит уже был в ней. На самом деле, их было немного: он присоединялся к любой группе соседских ребят того же возраста, которые предлагали ему выступить. С одним из них он даже сфотографировался в чьем-то саду за домом, где гитары были аккуратно разложены на траве. Кит сидел на табурете для игры на барабанах в глубине зала, худощавый и грозный, с зачесанными назад волосами, в белой рубашке, узких черных брюках и сапогах на кубинских каблуках. Теперь, когда он знал, что умеет играть на инструменте, он мог позволить себе принять дерзкую позу . Но он знал, что имел в виду Луи. Пришло время ему присоединиться к настоящей группе.

Поэтому он отправился на прослушивание, о котором слышал, к Шейну Фентону и the Fentones, совершенно не обескураженный их совокупной серией из шести хитовых синглов. Он не получил работу — были комментарии по поводу его возраста, как будто кто—то настолько молодой не должен пытаться играть на барабанах в профессиональной популярной группе, - но этот опыт только укрепил его решимость. Ему действительно нужно было чего-то добиться в своей игре на барабанах, и как можно скорее. Работа в Ultra Electronics развалилась, и

теперь он работал в офисе строительной компании в парке Уэмбли. Это было совсем не то, чего ожидали от него родители. Поэтому, когда он умолял своего отца отвезти его на прослушивание в Beachcombers, он знал, что может рассчитывать на положительный ответ. Старший Мун так же, как и Кит, хотел, чтобы мальчик добился чего-то в своей жизни, и, похоже , в реальном мире ничего особенного не происходило. Музыка и барабаны были единственным, что, казалось , волновало Кита.

К концу 1962 года, после трех лет, которые стали считаться темными веками рок-н-ролла, британская музыкальная сцена, наконец, вступила в новую эру. В Лондоне бум традиционного джаза начал уступать место ритм-энд-блюзу - музыке, гораздо более актуальной для легионов подростков постарше, чье половое

созревание изначально было вызвано сексуальной страстью рок-н-ролла. Это направление R & B, которое сформировало звучание Южной Англии, вдохновив многие великие британские рок—группы шестидесятых (и, в свою очередь, большую часть хард-рока семидесятых), можно почти полностью отнести на счет исключительных усилий одного жителя западного Лондона - Алексиса Корнера, чья страсть к с блюзом можно было сравниться только благодаря его решимости продвигать музыку и щедрости духа, поощряющей других.

Первоначально Корнер играл на банджо в джаз-бэнде Криса Барбера, традиционном коллективе, чей Лонни Донеган породил все повальное увлечение скиффлом конца пятидесятых. Но неизменная приверженность Корнера блюзу привела к тому, что он стал жертвой предубеждения джазовой элиты против музыки, слишком упрощенной и грубой для их якобы культурных вкусов. Чтобы обрести музыкальную и социальную независимость, в марте 1962 г. Корнер превратил винный погребок в Илинге в первый в стране R & B-клуб; хаус -группой была его собственная Blues Incorporated, которая вращалась вокруг его игры на гитаре, Джек Брюс на контрабасе, Чарли Уоттс на барабанах, Дик Хекстолл-Смит на саксофоне и феноменальный тридцатилетний лысеющий гармонист Сирил Дэвис. Среди молодых, тогда еще неизвестных фанатов, которые часто посещали клуб в Илинге в первые недели его существования, были Эрик Клэптон, Брайан Джонс., Пол Джонс и Мик Джаггер, последний из которых быстро стал одним из самых популярных вокалистов группы, наряду с долговязым гигантом, известным под именем Долговязый Джон Болдри.

Противостояние Корнера с джазовой элитой оказалось недолгим: шумиха, доносившаяся из его погребка в Западном Лондоне, докатилась до Вест-Энда с такой силой , что в Marquee на Оксфорд-стрит, оплоте традиционного джаза того времени, узнали “ветер перемен” и предложили Blues Inc. майская резиденция в четверг вечером. Воодушевленный этим немедленным успехом, в ноябре Сирил Дэвис покинул Blues Inc., чтобы создать свою собственную группу Rhythm & Blues All-Stars, привлекательную Долговязый Джон Болдри расстался с ним, привлекая Ники Хопкинса и Берни Уотсон, оба недавно ушедшие из the Rebel Rousers, и отрывающий Карло Литтл и Рикки Браун из the Savages. Этот звездный состав подошел бы

он оказывает влияние на других музыкантов гораздо большее, чем может показаться за восемь месяцев его существования на одном сингле.

В то время как Лондон увлекался блюзом, новая музыка, получившая название “Мерси Бит” , за неимением лучшего названия, доносилась из порта Ливерпуль на северо-западном побережье Англии. Один из ее сторонников, The Beatles, даже пробил небольшую брешь в британских чартах в конце 1962 года своим первым синглом для EMI “Love Me Ходили слухи, что эти четверо парней были богами Мерсисайда, но мало кто из лондонских групп когда-либо заезжал так далеко на север, чтобы убедиться в этом наверняка.

Америка также начала вновь заявлять о своей креативности, а продюсер boy wonder по имени Фил Спектор создал то, что впоследствии стало его знаменитой “стеной звука”, с женскими группами The Crystals, Bob B. Soxx и Blue Jeans; калифорнийская группа The Beach Boys, коммерциализирующая местный культ серф -музыки (хотя и без особого влияния в Британии); и зарождающиеся детройтские лейблы Tamla/Motown (выпущен в Великобритании на лейбле Stateside), создающем таких певцов, как the Marvelettes, Смоки Робинсон и Мэри Уэллс.

Негритянская американская соул-музыка Tamla/Motown, Stax и других избранных лейблов, наряду с новым ритм-энд-блюзом, ска и блюбитом, излюбленными британскими иммигрантами из Вест-Индии, быстро проникла в Великобританию. андеграунд, организованный членами новейшего молодежного лондонского культа. модники, или модернисты , если дать им их полное название (первоначально оно происходило от их приверженности современному джаз), были денди из рабочего класса, помешанные на каждой детали своего образа жизни, который вращался вокруг музыки, моды, скутеров, ночных клубов, кафе-баров и таблеток , которые были необходимы, чтобы не заснуть на все выходные и предаться этим навязчивым идеям. модники впервые появились на улицах и в клубах в начале 1962 года, в основном они состояли из подростков из среднего класса, многие из которых были евреями и/или детьми портных и сапожников, что по праву рождения несколько облегчало их приверженность моде. К концу года они начали привлекать интерес СМИ, который

поначалу был отвергнут: модников не интересовало ничего немодного.

Очевидно, что на данном этапе будущее музыки ждало своего часа. Вместо этого Кит Мун сосредоточился на группе, озабоченной только тем, чтобы превратить недавнее прошлое в настоящее. Клайд Бернс и The Beachcombers, чьи корни уходят во времена бума скиффла, были представителями потерянного поколения полупрофессиональных кавер-групп, добросовестно воспроизводивших хиты того времени, не задумываясь о том, что может стать хитом завтрашнего дня. Они были настолько искусны в этом ремесле, что их часто называли “Тенями теней” , что для большинства групп в самом начале 1960-х было наивысшим комплиментом. В конце концов, кем хотели стать the Escorts или любая другая из сотен молодежных клубных групп по всей стране, если не shadows of the Shadows? На кого еще можно было равняться в музыкальном средневековье? И если ты не можешь быть их создателем, почему бы не стать лучшей имитацией в городе?

The Beachcombers тоже были популярны. Они не записали ни одной пластинки, но

тогда это делали немногие группы. И хотя они не привлекли внимания публики, как Screaming Лорд Сатч, они также не оскорбляли людей. Для бичкомберов были забронированы места на многих армейских базах, в тренировочных залах, пабах, танцевальных залах и общественных центрах, и важно было то, что их всегда приглашали вернуться. Они были настоящими полупрофессионалами. Ведущий гитарист Норман Митченер и басист Тони Бринд, выросшие на одной улице в Стэнморе, а также ритм-гитарист Джон Шоллар из Престона Хилл, все они были учениками чертежников, едва достигшими подросткового возраста. Вокалист Рон Ченнери (он же Клайд Бернс) был родом из Саут-Харроу, на пару лет старше остальных и работал сервисным инженером. Это была хорошая работа, за которую они все собирались держаться, но, хотя в музыкальной игре они работали всего лишь неполный рабочий день, они были отчаянно преданы своему делу. С этой целью они недавно ~ изгнан

ударник Алан Робертс, как и многие из его поколения начали на бывшем стиральной доске в скиффл-увлечение только не хватает как только он перешел к полноценной барабанной установкой. Í

The Beachcombers отыграли несколько концертов с бывшим барабанщиком Клиффа Беннета Рикки Уинтерсом и с радостью оставили бы его у себя, но Уинтерс ушел из the Rebel Rousers, чтобы жениться, и жена ни за что не вернула бы его к рок-н-роллу так быстро. В этом и заключалась проблема этой игры: она была замечательной, пока продолжалась, и вы играли в нее столько, сколько могли, но в конечном счете ваш работодатель или ваша девушка загоняли вас в угол, из которого вы не могли выбраться, и вы чувствовали себя обязанным бросить музыку и "остепениться". Слишком мало людей когда-либо добивались успеха в рок-н-ролле, чтобы рисковать своими хорошими отношениями или постоянной работой.

Итак, Бичкомберы поместили объявление в местную газету, и в ту холодную декабрьскую ночь четверо призрачных теней вместе со своим другом и случайным водителем фургона Роджером Николсом отправились в Консерваторию, надеясь, что по соседству найдется кто-нибудь, кто захочет получить эту работу и будет достаточно хорош для ее выполнения.

Судя по количеству собравшихся — полдюжины молодых людей, у каждого из которых были свои наборы, - казалось, что им улыбнется удача. Проблема была в том, что этот маленький мальчик тоже пришел , а его отец выступал в роли сопровождающего. Как неловко.

— Я пришел на прослушивание, - сказал мальчик с большим волнением при первой же возможности.

— Ты слишком молод, - ответили пляжники более или менее в унисон. Приходи через несколько лет, - съязвил один из них.

Вместо этого Бичкомберы расположились в зале с первым барабанщиком, который им понравился , и он поставил свою аппаратуру напротив группы, чтобы видеть, как они играют, следить за их аккордами и движениями: быть тенями Теней означало совершенствовать хореографические движения так же, как и музыку. Но когда дело дошло до игры на барабанах, у него просто не было того стиля, который , по мнению пляжников, они могли бы требовать. Они сказали ему, что будут

вышел на связь и вернулся в коридор. Остальные барабанщики все еще были там. Маленький мальчик тоже.

— Пошли, - сказал он. Дай мне попробовать. Я в порядке.

— Нам казалось, мы вам говорили, - последовал ответ, - что вы еще слишком молоды. Вы

“его не пустили бы в большинство мест, где мы играем.

Вместо этого они пригласили другого барабанщика. И это было то же самое. … расположился напротив “Бичкомберов”, внимательно наблюдал за ними, но у него ничего не вышло. А маленький мальчик все еще ждал снаружи.

— Мы проделали весь этот путь, и самое меньшее, что вы можете сделать, - это попробовать его, - сказал отец мальчика, набирая силу.

Бродяги сменили тактику. — Он еще недостаточно взрослый, чтобы водить машину, - заметил кто-то из них. Чтобы попасть в рабочую группу, нужен транспорт.

— Ничего страшного, - сказал отец. Я отвезу его. Я отвезу вас всех.

Но это было не то, что они имели в виду. Все Бичкомберы были выходцами из счастливых, стабильных семей; они очень любили своих родителей и приглашали их на самые престижные местные шоу. Но им не нужно было, чтобы чей-то папа возил их повсюду. Они были взрослыми; Рон даже участвовал в Национальной службе. Это была мужская группа.

И так продолжалось. Следующий барабанщик не годился. И следующий тоже. К этому времени маленький мальчик с его неугасимым энтузиазмом и нежеланием принимать отказы в качестве ответа заинтриговал их. ‘В конце концов, - говорили друг другу пляжники, - мы еще не нашли себе замену. Мы могли бы дать ему попробовать. По крайней мере, он не будет думать, что его путешествие было потрачено впустую. И вы должны признать,

что он настойчив”.

Последний барабанщик прошел неудовлетворительное прослушивание, но парень все еще был полон надежд. — Тогда давай, - наконец сказали они, понимая, что это звучит так, будто они подшучивают над ним (а как еще можно было звучать, когда ты полупрофессионал, а маленький мальчик хочет присоединиться к твоей группе?). Покажи нам, на что ты способен. -

Кит был внутри и настраивал свои барабаны так быстро, как будто они были установлены заранее. Участники Beachcombers были впечатлены этим, а также качеством набора: жемчужно-голубой Premier профессионального качества. Но что по-настоящему возбудило их любопытство, так это то, как Кит установил свои барабаны - не напротив группы, как будто он проходил прослушивание, а позади них, как будто он уже был частью группы. У парня были яйца, это точно. Теперь посмотрим, сможет ли он сыграть с ними. Они предложили рок-н-ролльный стандарт, который, по их мнению, мог быть знаком шестнадцатилетнему подростку, и отсчитали вступление. Парень начал играть в такт… .

“…Как будто у нас за спиной разорвалась бомба”, - так Джон Шоллар вспоминал этот момент с отчетливой ясностью спустя полжизни. “Мы не могли поверить , что столько шума издавал этот маленький человек за барабанами”.

“Не было никаких нервов”, - так же живо вспоминал Тони Бринд. “Мы сказали

”Как насчет Чака Берри, Элвиса”, чего угодно, а он отвечал: “О да, я это знаю “, - и уходил, абсолютно уверенный в себе. Без обиняков.”

“Он был хорош, он был громким”, - вспоминал Норман Митченер. ‘ В его игре было что-то особенное. Его работа с малым барабаном была тяжелой и увлекательной”.

“И мы думали, что он был лучшим из всех”, - сказал Рон Ченери.

The Beachcombers спели для the boy еще пару песен, в том числе новый сингл Shadows “Dance On!”, который они должны были исполнить в следующий раз, если хотели сохранить репутацию подражателей penumbra. Кит исполнил его идеально.

“Следующее, что я помню, - это как мы все собрались у Нормана и пили кофе с новым барабанщиком”, - говорит Джон Шоллар. “Его отец спросил: ”А как насчет барабанов?”, и мы ответили: “Не волнуйтесь, мы заберем его домой”.

И ЭТО БЫЛО ВСЕ. КИТ МУН БЫЛ УЧАСТНИКОМ THE BEACHCOMBERS, ОДНОЙ ИЗ ведущих рабочих групп северо-запада Лондона, всего в шестнадцать лет. Ночи, проведенные за тренировками в спальне, уроки с Карло, выступления с сопровождающими и измены Джерри - все это к чему-то привело. Так кто же мог обвинить этого ребенка, этого гиперактивного мальчика, который никогда не мог усидеть на месте и наконец-то нашел отдушину в жизни, где ему это было не нужно, если бы он вел себя немного возбужденно? В доме Митченеров на Аппингем-авеню, где группа часто собиралась, потому что отец Нормана был мясником и у них всегда были запасы еды, он бегал повсюду, все вынюхивал, корчил рожи, валял дурака, заставляя остальных смеяться больше, чем они могли припомнить. Они не могли поверить, сколько в нем было энергии. Казалось, что его жизнь была продолжением того, как он играл на барабанах (или все было наоборот ?): Каждый раз, когда кто-нибудь заводил разговор, Кит хотел знать , о чем он. Каждый раз, когда кто-нибудь открывал шкаф, Киту приходилось заглядывать в него и смотреть, что там лежит.

В конце концов Рон прокомментировал это. “Посмотрите на него, он похож на чертову ласку”. ;

Название прижилось. Кит Мун никогда не был для пляжников никем иным, как “Уизом”. Киту нравилась сама мысль о том, что он уже произвел достаточное впечатление, чтобы заслужить прозвище. Еще больше ему понравилось, когда Бичкомберы, которых он никогда не видел вживую, хотя и знал, что они популярны в “Олдфилде”, показали ему костюмы, в которых они выступали на сцене. Броские коричнево-бронзовые костюмы от Сесила Джи, “аутфиттеров для звезд”. Проблема в том, что они сказали, что Кит, когда мы выгнали нашего старого барабанщика, он оставил своего.

“Не волнуйся”, - ответил новый барабанщик. “У меня есть костюм, который отлично подойдет к этому костюму. И он от Сесила Джи”.

На своей первой полноценной репетиции с the Beachcombers Кит появился в своем костюме gold lamé. Остальные четверо выглядели совершенно ошеломленными. Их собственные костюмы , по их мнению, были немного кричащими, но они бледнели по сравнению с костюмами мальчика.

54 : (Тони Флетчер)

И если на сцене они просто надевали свои, то у Кита хватало смелости надевать свои на улице. Парень определенно был золотым во многих отношениях.

Тридцать с лишним лет спустя Beachcombers будут вспоминать те восемнадцать месяцев, когда Кит Мун—подросток был их барабанщиком, а вместе с ним и частью их коллективного бытия, как величайшие дни в их жизни. И, прикоснувшись к огромному архиву воспоминаний этих теперь уже немолодых людей о бесчисленных концертах и бесконечных выходках, о разнообразных встречах в пабах, домах и садах по всей Британии, как они сейчас распространены, слушатель не может не прийти к выводу, что это были величайшие дни в жизни Кита тоже.

Звучит спорно? Это правда, что Кит Мун не добился бы славы с the Beachcombers и не разбогател бы. Ему так и не удалось выпустить ни одной пластинки: черт возьми, они были в студии всего один раз, и то в темном подвале под магазином клавишных в Северном Харроу, чтобы записать несколько кавер-версий (среди них “Poison Ivy” и “I’m a Hog for You”). это уже давно исчезло. В те дни Кит был таким невинным, что другие могут по пальцам двух рук сосчитать, сколько раз он напивался , сколько раз он приставал к девушкам, сколько раз он употреблял наркотики… Что ж, ближе к концу, в 1964 году, когда модное движение достигло своего пика, и половина населения британские подростки набирали обороты, он совершал регулярные поездки в “Марко”, итальянское кафе-мороженое на Илинг—роуд, которое было известно как место, где можно купить таблетки, и другие пытались отговорить его. Но к тому времени

они уже знали, что все равно теряют его, что это всего лишь вопрос времени, когда их золотой мальчик сделает шаг навстречу группе, которая пойдет до конца, и что в будущем они будут чаще видеть его по телевизору и в газетах, чем когда-либо во плоти, и они бы вспомнили те дни, когда Кит Мун был восхитительно наивен, безнадежно чист, страстно идеалистичен и благодаря этому прекрасен, как никто из тех, кого они знали до или после.

В то время как Кит Мун отчаянно нуждался в славе и богатстве, чтобы оправдать свое существование так, как другие пляжные бродяги могли бы обойтись без них, и в то же время он жаждал лести, которая в конечном итоге пришла бы к нему и дала ему право жить так, как он хотел (в роскоши и на виду у публики). Эти восемнадцать месяцев были единственным периодом в его жизни, когда он мог играть на барабанах и смеяться, получая признание и обожание и за то, и за другое, и никакие другие требования не терзали его душу. Когда он, наконец, вступив в The Who в середине 1964 года, Альф Мун попросил The Beachcombers попытаться отговорить его от этого. “Мне не нравится, как все это выглядит”, - сказал он. “ Лучше бы он остался с тобой”. Я потеряю своего мальчика из-за сил, которые не могу контролировать , - вот что он на самом деле имел в виду. И он был прав.

Но теперь, в конце 1962 года, the Beachcombers успокоили отца своего нового барабанщика правдивыми заверениями, что они разумные парни, которые будут

не вводите мальчика в заблуждение, что их музыка была всего лишь хобби, которое к тому же приносило им деньги. То, что Киту предстояло узнать (к его большому удовольствию) все дело было в том, как усердно они занимались этим хобби. The Beachcombers регулярно выступали в нескольких местных пабах: the Oldfield Hotel и Greenford Таверна в Гринфорде, the Claypigeon в Исткоте, the White Hart в Актоне и the Railway Hotel в Харроу и Уэлдстоуне. (Возраст Кита Муна был постоянной проблемой в этих пабах, и арендодателей и промоутеров успокаивали только заверения в том, что молодой барабанщик не будет пить. Это обещание было легко сдержать: Кит не проявлял интереса к алкоголю.) Они сыграли “Золотой-общественный клуб “Ястреб” в

Шепердс-Буше и местный молодежный клуб Кита в Илинге Дорога, на которую он пару раз приводил свою новую группу после того, как присоединился к ним, чтобы показать всем остальным несовершеннолетним, какого успеха он добился сам. Они выступали на разогреве у больших групп на таких престижных площадках, как Alperton Civic Hall, Watford Trade Hall и Wembley Town Hall. Также они выступали в залах местных компаний, таких как General Electric Corporation Social. Клуб на Уэмбли и любимое место захода бичкомберов - зал, принадлежащий фотогиганту Kodak в Пиннере, где к ним всегда относились как к звездам на выпускном вечере и куда приходили поболеть за них родители всех мальчиков, включая Кита

.

Но любители пляжного отдыха не останавливались на местных развлечениях. Они с головой окунулись в мешанину школ, гольф-клубов, свадеб, дней рождения, танцев у бассейна и летних прибрежных пирсов, чему способствовали случайные Ночные клубы West End и ballroom support были популярными в то время, и они выступали на многих американских армейских базах, которые до сих пор процветали в округах, где они базировались, в таких местах, как Брайз Нортон, Милден Холл и Бентуотерс. Несмотря на то, что часы работы на этих концертных площадках были мучительными — обычно группа выходила на сцену только в час ночи, — а расстояния иногда были запредельными, оплата была выше, чем почти все , что могли предложить английские промоутеры, и впечатления были незабываемыми. Проходя через ворота, вы меняли свои фунты стерлингов на доллары , и ощущение того, что вы ступаете на американскую землю , сразу же укреплялось неоновыми огнями баров, которые иначе можно было увидеть только в голливудских фильмах. Как и в случае с местными английскими девушками, которые слетались на танцы военно-воздушных сил, как пчелы вокруг горшка с медом, Бичкомберы часто думали , что это, возможно, самое близкое место, где они смогут побывать в Соединенных Штатах Америки.

Кит с головой окунулся в этот запутанный круговорот дел, дав о себе знать так быстро, что казалось, будто его новые работодатели объявили о поиске лидера, а не простого барабанщика. (“Ничего не было сказано”, Джон Шоллар вспоминает, что “в течение нескольких недель мы формировались вокруг Кита”.) Первым делом была изменена громкость звука на

сцене. Дебютное выступление Кита с the Beachcombers состоялось в соседнем Кентоне, в клубе Fender, на разогреве у Клиффа Беннета и the Подстрекатели к мятежу. Остальные беспокоились, что Кит может нервничать из-за предстоящего

столкнувшись с громким именем, что мужество и уверенность, которые он проявил в Консервативный зал исчез бы на глазах у такого количества людей. Ни в малейшей степени. В тот вечер Кит играл на барабанах так, словно это был звук надвигающегося Армагеддона , его волосы падали на глаза, несмотря на то, что он обычно подкалывал их лаком, а руки крутились, как ветряные мельницы.

“Ты не можешь сидеть сложа руки, когда выступаешь на разогреве”, - объяснил Кит своим новым коллегам по группе позже. “Ты должен выложиться по полной. Ты должен произвести впечатление”.

Его интуиция не подвела: публика сразу же заговорила об этом новом подростковом вундеркинде, об этом мальчике, который играл на барабанах так, словно боролся с ними. Буквально за одну ночь люди начали приходить, чтобы просто посмотреть на него.

Следующим изменением стали основы презентации. Кит хихикнул над термином “тени теней”, и с согласия группы он больше никогда не использовался. Аналогичным образом, от альтер-эго Рона, Клайда Бернса, постепенно отказались , хотя те промоутеры, которым нравилось сочетание единственного числа с множественным, которое было так популярно в то время, все равно продолжали его использовать. Кит продолжал появляться на сцене в своем золотом костюме из ламе, дополнявшем бронзовые наряды остальных, а позже у всех пятерых появились красные мохеровые костюмы , сшитые на заказ Артуром Гарденером в Южном Харроу, хотя Кит часто надевал футболки и шорты на сцене из-за жары и пота, которые он испытывал. сгенерированный.

С самого начала Кит бил по тарелкам с большей силой, чем кто-либо другой на сцене. На самом деле, он так сильно бил по всем

своим ударным, что вскоре начал забивать шестидюймовые гвозди в пол сцены и привязывать свои инструменты к гвоздям, чтобы они держались на месте. (Кит научился этому на собственном горьком опыте: однажды вечером во время выступления “Summertime Blues” в Kodak он ударил по барабанам с такой силой, что квадранты, образующие сцену, начали разваливаться, и половина его инструментов провалилась в щели. Когда зрители смеялись над исчезающими барабанами, глаза Кита наполнились стыдом, яростью и горечью. Это был единственный раз, когда остальные увидели его в слезах.) Но силы и громкости самих по себе было недостаточно. Кит просверлил отверстия в своих тарелках и вставил заклепки, чтобы придать им особый резкий дребезжащий звук. Норман и Рон часто бросали на него свирепые взгляды на сцене, требуя играть более сдержанно; Кит реагировал так же , как и на любое замечание, что в данном случае означало сильнее ударить по обиженным тарелкам

.

Норман Митченер был, по сути, лидером Beachcombers. Будучи высококвалифицированным гитаристом, он считал качественную музыкальность ключом к успеху группы. Рон Ченери, певец в старомодных традициях, который больше всего на свете любил быть в центре внимания, исполняя баллады, чувствовал себя примерно так же . Тони Бринд и Джон Шоллар, относительно новички в группе, оценивали эти качества, но они знали, что в рок-н-ролле происходит нечто большее; они чувствовали перемены в воздухе, если не на армейских базах, то в других местах.

в школьных аудиториях, а затем, конечно же, на концертах в пабах и в местных бальных залах, где музыканты собирались, чтобы познакомиться друг с другом и обсудить последние тенденции. Знакомство с Аланом Компания Roberts booted стала первым шагом на пути к тому, чтобы втянуть Beachcombers в 1960-е годы; приобретение Кита Муна, с его молодостью,

амбициями и нескрываемым талантом, стало настоящим катализатором. С приходом Кита численный баланс сил в группе сместился в сторону модернистов, но авторитет по-прежнему сохранялся за давними традиционалистами. Период, когда Кит был новичком на пляже, хотя и был радостным для всех, был постоянным перетягиванием каната между этими соперничающими сторонами.

Норман и Рон были не единственными, кого раздражал шум , который производил Кит. В отеле “Олдфилд” Луи Хант, который поначалу был в восторге от того, что Кит играет в группе, начал опасаться того, к чему привело его поощрение. Он несколько раз указывал The Beachcombers на то, что их барабанщик играл так громко, что бармен не мог расслышать заказы на напитки. Однажды он даже вышел на сцену между номерами, чтобы поругаться с Китом.

“Ради бога, играй потише”, - потребовал он. Мальчик всегда его слушался, как он полагал.

“Я не умею играть тихо, я рок-барабанщик”, - возразил обиженный музыкант. Вместо этого Мун. “Если хотите тишины, пригласите Виктора Сильвестра”.*

Остальным участникам группы пришлось подняться наверх, чтобы их было слышно Кит играл на барабанах, и это создавало еще большую какофонию. Казалось, за одну ночь Beachcombers превратились из семейных артистов в чрезвычайно шумных семейных артистов с необузданным и не по годам развитым молодым барабанщиком. Однажды вечером в средней школе округа Кингсбери, где The Beachcombers играли с певцом-антиподом, которого называли новым Фрэнком Айфилдом, группа поняла, что они вернулись в школу во многих смыслах , когда старший преподаватель остановил их на середине номера. В гневе все пятеро набросились на мужчину, но ни один из них не проявил такой злобы, как Кит. Самый свежий из тех, кто помнил школьные правила и распорядок , и по натуре антиавторитарный, он не стал бы полупрофессиональным барабанщиком, так быстро сменив форму, чтобы его группу распустили, как будто они провалили экзамен.

В тандеме с тем, чтобы сделать the Beachcombers громче на слух, Кит решил сделать группу еще и визуально громче. Это началось на том первом концерте, когда он надел свой костюм gold lamé, и продолжилось в виде того, как Кит крутил свои палочки и

подбрасывал их в воздух, как будто он был самим Джином Крупой.

“Он стремился быть в центре внимания”, - говорит Норман Митченер. - Он был пламенным-боянт, он был экстравертом. Надо отдать ему должное, он действительно усердно работал, чтобы стать шоуменом. Раньше люди приходили просто посмотреть на него. Каждый второй парень

* Сильвестр был лидером танцевальной группы “Уэмбли”, которая управляла студией Виктора Сильвестра на Хай -Роуд.

58. Тони Флетчер

сказал бы: ”Он самоуверенный ублюдок, он считает себя хорошим”, но это было необходимо, если ты собирался что-то сделать, и он это понял, у него хватило смелости это сделать”.

Вскоре после того, как он присоединился к the Beachcombers, Кит появился на репетиции со словами “Я ВЕЛИЧАЙШИЙ”, написанными по трафарету на корпусе его бас-барабана. “Это было нечто большее, чем просто смех”, - говорит Тони Бринд, который был удивлен еще одним примером дерзости Кита, но уже не удивлялся этому. “Чем больше людей видели это или комментировали, тем больше он был счастлив”. Несколько недель спустя the Beachcombers играли в Beckenham Baths в графстве Кент, где гримерные находились в дальнем конце зала от сцены. Группе пришлось переодеться в бронзовые костюмы от Cecil Gee, а Киту — в золотой костюм от lamé, а затем пройти сквозь толпу. Все остальные были немного смущены, в конце концов, сценическая одежда предназначалась для выступления на сцене, но Кит был в восторге от такой перспективы. Он взял свой футляр для бас-барабана с надписью “Я ВЕЛИЧАЙШИЙ” на нем и прошелся субботним вечером по танцующей толпе, насчитывавшей почти тысячу человек, с развязностью чемпиона.

Вскоре он стал требовать от своих коллег по группе такого же уверенного выступления. “Вам нужно двигаться, чтобы вас заметили”, - сказал он. “Посмотрите на меня: я застрял на барабанах, и я более заметен, чем любой из вас ”. Остальные

подчинились, но поначалу без особого энтузиазма: в те дни группы почти не передвигались по сцене, если не считать хореографических прогулок, которые Кит находил такими забавными и от которых быстро пытался отказаться. И все же Кит добился своего прыгали они независимо от того, хотели того или нет; об этом позаботился тщательно нацеленный удар ножкой по затылку.

Аудитория любителей пляжного отдыха продолжала расти. Количество заказов продолжало увеличиваться. Без сомнения, отчасти это произошло благодаря влиянию их нового барабанщика. Он вдохнул в них искру, которой им раньше недоставало, добавил немного интуитивного стиля, ввел их в курс дела и, возможно, даже сделал их более современными. Казалось, что модернисты в этой группе одерживали победу над традиционалистами безоговорочно. За исключением того, что единственной областью, в которой группе необходимо было измениться, чтобы соответствовать как будущему, так и настоящему, была область, в которой дуэт-основатель проявлял наибольшее сопротивление: выбор самих песен.

Когда Кит только присоединился к нам, круг общения Beachcombers был не так уж далек от круга общения Escorts. Там было множество песен Shadows, несколько рок -н-ролльных стандартов (“Summertime Blues”, “Sweet Sixteen”, “La Bamba” и т.д.), постоянно меняющееся количество недавних хитов и несколько инструментальных композиций, не связанных с Shadows, таких как “Telstar” и “Walk Не убегай”, чтобы начать вечер.

Но были еще и баллады. Ничто так не нравилось Рону Ченери , как возможность спеть “Сейчас или никогда” или “Surrender” Элвиса , а ближе к концу концерта, когда он выпил несколько кружек пива и его голосовые связки достаточно расслабились, спеть плаксивую песню

Недавний хит Марти Уайлда “Jezebel”. Пожилым людям это понравилось, и девушкам тоже; что касается молодых людей, то это, по крайней мере, дало им возможность пригласить их на

медленный танец. - l

Киту, однако, это не понравилось. Он был рок-н'ролльным барабанщиком, а рок-н- ролл - это не баллады. Это было об энергии, громкости, яркости, молодости, бунтарстве, сексе, броскости, как угодно, но только не о балладах. Твои родители слушали баллады, а Кит не был заинтересован в том, чтобы заново пережить жизнь своих родителей. Одного слащавого медленного номера за вечер было более чем достаточно. Три или четыре - это уже большая свобода.

Он пытался объяснить это остальным, но Норман и Рон заткнули ему рот. Рон был на семь лет старше Кита и был настоящим плюшевым мальчиком. Ему не нужен был какой-то молодой выскочка, который определял бы для него рок-н-ролл. Норман более терпеливо объяснил, что этого хотела публика, что пока это не повредило группе. И Кит согласился с этим. До определенного момента. Ссылки, как правило, в середине вечера, когда Рон будет на микрофон, глядя на пару океан-голубые глаза на стройные женские рисунок и напевая "это noooow … или никогда", или "моя дорогая, пожалуйста, сюр-рендер" и " Кит " будет бряк-бряк тарелку, как настоящая маленькая balladeer не до того, как Хорус подошел или душераздирающая среднего восемь маячил рядом, Кит бросил бы в неожиданном для малого барабана бить и его галочка-свист превратился в крыса-а-тат-ТАТ и Норман, и Рон попросил бы его и блики, и Джон и Тони хотел задушить хихиканье, и Кит бы поставил на лик его чистой невиновность и вернуться на правильный баллада сопровождение пока все снова лицом к зрителям и Рон был петь его сердце раз больше, и в этот момент Кит ногой ударил бас-барабана только что чуть чаще, чем предполагалось, и свист-свист, а не мутирует обратно в РАТ-а-тат-ТАТ, станет чуть быстрее, пока что должно было быть целовашка песни были разработаны темп танцевальный номер, а Рон и Норман снова включить и блики, Рон потянуть его худощавой подтянутой тело, безмолвно угрожая расплющить Кит, если он сохранил этот жаворонок и Кит снова будут играть на заказ, и на этот раз до конца эту песню, но сейчас настроения баллада была потеряна и сердце Рона не было в нем.

После концерта было много споров о намеренной тактике Кита все испортить , но дело никогда не доходило до того, чтобы кто-то угрожал уйти или был уволен, потому что Кит, очевидно, был слишком хорошим барабанщиком, чтобы жертвовать им из-за пары баллад, и, в любом случае, Тони и Джон были на стороне парня. К тому же в 1963 году в музыке произошло так много

изменений, что даже приверженцы традиций признали, что Кит, вероятно, был прав. “Битлз” внезапно стали национальным феноменом, и, хотя им предстояло пройти долгий путь, прежде чем они сравнялись по силе с Клиффом Ричардом и “Тенями”, девушки сходили с ума от них так, как даже Клифф никогда их не провоцировал. Более того, The

60 (Тони Флетчер)

“Битлз” писали свои собственные песни, и ни одна группа раньше этого не делала. Beachcombers никогда не приходило в голову писать музыку; они всегда думали, что достаточно просто исполнять ее, и поэтому добросовестно взялись за дело разучивая “Please Please Me” и “From Me to You” группы “Битлз”, я размышлял о том, какие предзнаменования на самом деле предвещала эта новая сенсация из Ливерпуля.

Тем не менее, “Битлз”, по крайней мере, носили костюмы; по крайней мере, они иногда пели слезливые баллады. The Rolling Stones, новая ритм-энд-блюзовая группа из Лондона, вскоре отказались от пиджаков, предпочитая выглядеть так, будто они только что встали с постели, и играли в том же духе. Летом 1963 года The Stones выпустили свой первый сингл , песню Чака Берри “Come On”. The Beachcombers не нужно было делать кавер на нее — не то чтобы они исполняли каждую новую песню в чартах, — но чтобы Тони, Джону и Киту казалось, что это правильный поступок. The Rolling Stones были лондонцами (барабанщик Чарли Уоттс был родом из Кингсбери), блюз был на подъеме, а Чак Берри был Богом. Трое новичков умоляли, но двое старых парней настояли на своем. The Beachcombers не были блюзовой группой, и “Come On” не входила в их репертуар.

Итак, снова непочтительность на сцене. В подходящей инструментальной паузе Кит смотрел на Тони, Тони на Джона, Джон в ответ на Кита, все трое ухмылялись, как нашкодившие школьники, и начинали играть вступительный рифф “Давай”. Норман и Рон поворачивались и смотрели на этих троих по-своему, тот, в котором четко говорилось, что вы можете играть этот номер до конца, но мы не будем присоединяться, и три озорника неохотно сменили “Давай” на “Танцуй дальше!” или любой другой номер Shadows, который по-прежнему был в

приоритете.

Кит восхищался музыкальной свободой блюза, возможностью каждый раз играть песню по-разному, но он никогда не был большим его поклонником. Он находил блюз чересчур серьезным. По той же причине его не особо волновал ни современный джаз (хотя они с Джоном Шолларом ходили на воскресные ланчи в пабы, чтобы изучить форму и получить чаевые), ни какой-либо черный американский соул, который слушали модники. Даже не то, что “Битлз” по-настоящему взволновали его. Нет, музыка, в которую Кит влюбился к середине 1963 года, не имела никакого отношения к тому, что происходило в Англии: он переключил свое внимание на Калифорнию и шум прибоя за шесть тысяч миль отсюда

.

ДОРОГОЙ КИТ, ВЕЧНЫЙ СЕРФЕР. КОГДА ОБРАЗЫ КАЛИФОРНИЙСКОГО СОЛНЦА и песка добрались через Атлантику до сырой серой земли Англии, Кит Мун обрел личную нирвану. Пляж, птицы, машины, весь этот залитый солнцем веселый образ жизни принадлежал ему раз и навсегда; никого не удивило , что когда Кит в конце концов бежал из Англии в середине 1970-х, недавно расставшись со своей женой, будучи алкоголиком, скрывающимся от собственного душевного состояния, это был для

_ приторный комфорт Лос-Анджелеса в сахарной глазури. Но если на более позднем этапе своей жизни Кит действовал в соответствии с ожиданиями, то в подростковом возрасте, когда он с головой ушел в серф-музыку, Кит уже заявлял о своей истинной индивидуальности.

Корни серф-музыки уходят в популярные американские инструментальные композиции конца пятидесятых: “Tequila” группы the Champs, “Red River Rock” группы Johnny and the Hurricanes, “Walk Don’t Run” группы the Ventures, дружелюбно упрощенные треки для рок-н-ролльных вечеринок, которые повлияли на музыку the Shadows и которые с такой же вероятностью исполнялись британскими группами, такими как the Escorts или the Beachcombers, как и собственные песни the Shadows “FBI” или “Apache”.” Но музыка в тот момент не имела никакого контекста: так было до лета 1961 года, когда

Калифорнийский серфер, гитарист и владелец магазина грампластинок Дик Дейл (Dick Dale) на своих концертах Rendezvous Ballroom в своем родном городе Бальбоа-Бич (Balboa Beach) дополнил существующие стандарты своими собственными, наполненными реверберацией и стаккато, заикающимися инструментами, чтобы соединить точки соприкосновения между инструментальным жанром без имиджа и растущей альтернативной спортивной культурой. Фирменная хроматическая гамма Дейла передавала чистую эйфорию от того, что он “плывет по волнам”, и, поскольку до четырех тысяч детей каждый вечер приходили прямо с пляжа в танцевальный зал специально для того, чтобы услышать эту музыкальную интерпретацию своего любимого нового времяпрепровождения, он стал местной звездой . Когда дебютный сингл двадцатидвухлетней девушки “‘Let’s Go Trippin” , записанный в разгар того лета, стал местным гимном, группа

опытные сессионные музыканты записали инструментальный альбом с подходящим названием “Surfer’s Топать” под названием the Marketts. Песня стала национальным хитом, и шлюзы должным образом открылись. Серф—музыка, а вместе с ней и сам серфинг как вид спорта , стали общенациональным явлением.

Ни Дик Дейл, ни the Marketts не оказали большого влияния на Великобританию, и для Кита было практически невозможно познакомиться с их музыкой в первый год после окончания школы . Скорее всего, он по-настоящему познакомился с музыкой полтора года спустя, летом 1963 года, когда классические инструментальные ”Wipe Out” группы Surfaris и “Pipeline” группы Chantays присоединились к вокальным гимнам “Surf City” Яна и Дина и ‘Surfin’ USA” группы Beach Boys в британских чартах. Внезапно серф-музыка стала популярной на, казалось бы, безлюдных Британских островах, но по сравнению с авторскими заявлениями Фила Спектора, легко узнаваемым звучанием the Tamla/Motown Stable, бурлящим ритмом-lemania и вся отечественная R&B/бит-музыкальная сцена восприняли это как типично банальное американское увлечение, появившееся, чтобы скрасить британское лето и угаснуть. Что, собственно, и произошло. Кит был одним из немногих молодых британцев,

которые восприняли это как стиль жизни, даже как талисман, и отказывались расставаться с этим. “Я купился на это сердцем и душой”, - с готовностью признался он.

Такой образ жизни…“““две девочки на каждого мальчика”, - поют Джен и Дин в песне “Surf” City”—1. возможно, это казалось пустой мечтой для бледного молодого лондонца, у которого еще не было постоянной девушки, но тогда кем же был Кит, как не мечтателем ? Поклонник комиксов о супергероях Marvel, мечтавший стать звездой рок -н-ролла, проводивший свободное время за придумыванием экстравагантных розыгрышей, Кит мало интересовался реальным миром, чем было занято большинство детей от девяти до пяти лет. Как он сам сказал о своем увлечении серфингом, “Возможно, мое воображение было более разнузданным”; почему бы загорелому образу Южной Калифорнии не вписаться в его мир фантазий? То, что Кит никогда не занимался серфингом, не мешало ему окунуться в этот во многом сфабрикованный мир идеализированного совершенства — как и Брайану Уилсону, гениальному (но явно не спортивному) исполнителю песни Beach Boys-писатель, как и многие инструментальные группы, которые катались на волне серфинга так далеко, как это было возможно, от их не имеющих выхода к морю окрестностей (например, Миннесота). Мусорщики, Колорадо для астронавтов и так далее) к популярности на двух побережьях.

Наконец, появилась сама музыка. Кит Мун никогда не смог бы стать таким революционным барабанщиком, если бы не был сначала фанатом серф-музыки. (А он был фанатом до одержимости: “Раньше у меня был парень, который импортировал все это для меня”, - утверждал он позже. “Я был очень странным человеком’). Послушайте “Wipe Out”, записанную в 1962 году группой калифорнийских старшеклассников , барабанщик которых, Рон Уилсон, был всего на пару лет старше Кита в то время — непрерывный ритм барабанов Уилсона был просто ускоренная версия гимна его школьного оркестра, исполнявшегося на футбольном поле, - и становится ясно, что стиль игры Муна на барабанах отличается от стиля критика Грейла Маркуса

Высказанное из лучших побуждений и часто повторяемое замечание о том, что “триумфы Кита… невозможно отследить”, по крайней мере частично, было связано с этими новаторскими, захватывающими инструментами для серфинга. Послушайте также песни Дика Дейла “Misirlou” и “Let’s Go Trippin”, которые “Pipeline” Chantays и, в частности, барабанное соло, которым “Surf City” дополняет другие примеры игры на барабанах в серф-музыке в ее лучшем проявлении, сочетают это с тем, что мы уже знаем о том, откуда у подростка Кейта появилась сила (благодаря Карло Литтлу) и зрелищность (великий джаз барабанщики), и у нас есть практически все музыкальные влияния и предшественники , необходимые для создания того, кто станет величайшим, самым инновационным барабанщиком из всех.

Итак, Кит Мун влюбился в серф—музыку, и другим бичомберам она тоже понравилась, и во второй половине того периода, когда Кит работал в группе, появилась пара классических песен, наиболее заметной из которых была “Surfin? USA”, которая была всего лишь чаком В любом случае, песня Berry с новым текстом и гимн “Surf City”, написанный Брайаном Уилсоном, нашли свое место в сет—листе. Кит требовал, чтобы ему дали право спеть гармонию вместе с остальными участниками группы, и, чтобы успокоить его, группа давала ему микрофон. Рон Ченери, который контролировал звукорежиссера, затем следил за тем, чтобы он был выключен. Кит так плохо пел.

У тех, кто где-то читал об этом периоде жизни Кита, вполне могло сложиться впечатление, что the Beachcombers были серфингистами до мозга костей. Кит Мун, вечный мифолог, убедился в этом. Конечно, название группы придало правдоподобия тому, что стало удобным биографическим вымыслом, но, учитывая, что Beachcombers как таковые появились на несколько лет раньше бума серфинга, это было чистым совпадением. И хотя энтузиазм Кита к этому жанру привел к тому, что песни о серфинге стали появляться на сцене, даже на пике популярности в сете Beachcombers никогда не было больше двух-трех таких номеров . The Beachcombers не продвинулись к Калифорнии дальше того, чтобы стать компетентной кавер-группой с помешанным на серфе барабанщиком.

ИЗ ДРУГИХ РАЗДЕЛОВ МУЗЫКАЛЬНОГО КАТАЛОГА THE BEACHCOMBERS ОБЛАДАЛИ ВСЕМИ-Уэйс хотел включить в свой сет песню the Coasters “Little Egypt”, но для этого требовался голос

“ярмарочного зазывалы”, а четверо старших участников были слишком застенчивы , чтобы внести свой вклад. Лишенный возможности выступать с другими вокалистами, Кит, естественно , добровольно предложил свои услуги, и вскоре началось шоу Beachcombers , на сцене которого Кит был один, в фиолетовой мантии и феске, и он громко приглашал публику , как говорилось в оригинальной записи: “Подойдите поближе и посмотрите, как маленькая Египет исполняет свой знаменитый танец о пирамидах. …Она ходит, она разговаривает, она ползает на животе, как рептилия”. Затем остальные участники постепенно расходились, Кит возвращался к барабанам, и начиналась музыка.

Это было очаровательное зрелище, с которым не могли сравниться другие местные группы. Но Кит знал, что может сделать это лучше, и однажды вечером, выступая в качестве хедлайнера Kodak, он

нашел для этого идеальный реквизит. Когда во время шоу поднялся занавес, на сцене была только корзина у подножия центрального микрофона. Как только зрители собрались вокруг, чтобы посмотреть, что происходит (или, скорее, чего не происходит), Кит выпрыгнул из корзины, одетый в мантию, феску и только в боксерские трусы, и с особым мастерством исполнил свой ярмарочный номер зазывалы , прежде чем удалиться к барабанам под бурные аплодисменты. (Его родители, которые, как всегда, присутствовали на концерте в Kodak, были особенно впечатлены. Они отметили, что Кит был не просто барабанщиком группы: он, казалось, был и их главной личностью.) Остаток вечера, как вспоминают другие участники группы, их барабанщик, который был в восторге от самой жизни, был на шоу Кита Муна.

С другой стороны, это всегда было шоу Кита Муна, на протяжении восемнадцати месяцев подряд. Куда бы вы ни повернулись, Проныра всегда был в центре событий.

После саундчеков он садился на колени к Рону в местном баре, Рон запускал руку Киту под рубашку, и Кит начинал говорить “Молодчина, дайте нам молодчину”, - так идеально изображая

куклу чревовещателя, что кто-нибудь из прохожих неизбежно переставал смеяться ровно настолько, чтобы купить им бутылку пива.

В красном фургоне J2, который перевозил Бичкомберов и их снаряжение по югу Англии, Кит дожидался, пока Норман заснет (и Норман всегда засыпал по дороге с концерта), затем он привязывал пучки волос лидера группы к разным инструментам, а затем, вздрогнув, будил его и наблюдал, как гитарист опускает все это оборудование ему на голову. После этого ему обычно приказывали сесть на крышку двигателя в фургоне, между водителем и пассажиром, где, как он надеялся, его можно было держать под контролем. Но Кит узнал, что он может выключить зажигание с того места, где сидит, и если водитель невольно будет держать ногу на педали, это приведет к выбросу бензина и выхлопных газов, и в этот момент Кит снова включит зажигание, чтобы вызвать обратный звук, такой же громкий, как взрыв.— и облако черного дыма из выхлопной трубы в тон ему. Будучи Китом, он прибегал к этому трюку только в подходящие моменты, например, когда оказывался в субботнем послеполуденном потоке машин на оживленной главной улице: хрупкие старушки, выстроившиеся в ряд на автобусной остановке, были слишком легкой мишенью, чтобы Кит мог пройти мимо.

Однажды вечером он появился на концерте с утиным криком охотника, о котором остальные ничего не знали до середины одной из баллад Рона, и в этот момент очень убедительное “кря” привело к тому, что песня оборвалась на середине каденции, вызвав обычную раздражительную реакцию Рона и Нормана и истерику одно от Джона и Тони. Но это было ничто по сравнению с тем , как Рон, как обычно, жаловался на то, что в конце песни у Кита разбиваются тарелки, на что Кит объявил:—

“Все, хватит с меня твоих криков”.

— и, достав пистолет, застрелил певца. Воцарилась полная ужаса тишина

во время которого участникам группы и слушателям пришло в голову, что, возможно Кит не был таким беззаботным и

радостным, как они думали, у него были глубокие и серьезные внутренние проблемы, которые никогда не решались должным образом, и все посмотрели на Рона, почти ожидая, что он упадет замертво. Но Рон остался стоять, хотя и сам был немного удивлен. Затем Кит сверкнул своей обычной ухмылкой. В его руках оказался стартовый пистолет. Просто шутка. Можно подумать , кто-то никогда раньше не видел семнадцатилетнего парня с пистолетом.

Несмотря на все нарастающие трения между Китом и Роном, эта противоположная пара подралась только однажды, возле отеля “Олдфилд “, когда нескончаемая дерзость Кита спровоцировала Рона на то, чтобы он толкнул его о борт фургона. Маленький барабанщик поднялся на ноги и отряхнулся. | “Не зли меня сейчас”, - сказал он, и Рон не смог удержаться от смеха.

Особенно вдохновляли Кита местные ночные рестораны , в которые группа часто заходила после своих выступлений. “Голубые самоцветы” на Кентон-роуд очень гордились своими тщательно подобранными салфетками; Кит с не меньшим удовольствием расправлял каждую из них, проходя по ресторану, и быстро отрекся от всего, что знал, прежде чем заказать в три раза больше китайской еды, чем могло переварить его хрупкое тело. В индийском ресторане при железнодорожном отеле в Харроу и Уэлдстоуне он садился ужинать, гнул вилку, требовал еще, а когда официант возвращался, жаловался и на свою погнутую ложку. В “Бранче” на Уэмбли-Хай-стрит он постоянно рисковал навлечь на себя гнев вспыльчивых греческих владельцев, настаивая на том, что они неправильно оформили заказ, а в “Серебряном долларе” на Рейнерс-лейн Кит так удачно расположил к себе американскую хозяйку, что однажды она швырнула бутылку кетчупа через стол. встречный взгляд на него.

Но из всего реквизита ни один не доставлял такого удовольствия, как лошадь для пантомимы. Это была настоящая профессиональная модель, которую друг друга взял с собой на рождественское шоу на стадионе “Уэмбли Арена”, рассчитанная на двух человек, с завязками спереди, которые позволяли открывать рот и опускать уши.

В тот первый вечер, когда Киту показали лошадь в доме Тони Бринда на Аппингем-авеню, ему показалось, что он нашел свою вторую половинку. Он быстро забрался внутрь и сразу же направился вниз по шоссе, где ради забавы попытался сесть в двухэтажный автобус. Кондуктор остановил его, заметив, что что-

то не так, и Кит пустился в погоню по Хай-стрит , ржал и ругался, прыгал вперед и назад, настаивая на своем праве (“где это написано ”лошадям вход воспрещен”?”), развлекая пассажиров и еще больше пугая дирижер, наслаждающийся каждым мгновением этого процесса.

После этого лошадь появлялась повсюду — в ресторанах, пабах, на вечеринках. (Но никогда на сцене). На американских военных базах Тони садился впереди, Кит - сзади, и они вальсировали в офицерском баре, где можно было увидеть, как лошадь из пантомимы бочком подходит выпить вместе с полковниками и лейтенантами

автоматически отменял любое наказание за нарушение границ. На автостраде он мог заставить патрульных в открытых грузовиках улыбаться и бросать в него сэндвичами, просто надев лошадиную голову.

По мере того как их репутация росла, the Beachcombers попали на прослушивание в радиошоу Би-би-си “Субботний клуб”. Они не должны были пройти, но Кит никогда не допускал возможности провала и был в восторге от своего последнего прорыва. “Лошадь!” - воскликнул он после того, как они упаковали снаряжение, и как только он оказался внутри, никто не осмелился зайти за ним, пока не узнали о его планах, он пересек Риджент-стрит и взбежал по ступенькам шикарного отеля “Лэнгхэм “, где попытался убедить швейцара в форме, что он остановился. Швейцар, как и кондуктор автобуса, уборщики в театре, менеджеры пабов и танцевальных залов, школьные учителя и все остальные “джобсуорты”, против которых Кит всю жизнь выступал, не сдвинулись с места, даже не улыбнулись. В те дни у Кита не было достаточного влияния, чтобы уволить этого человека, и он не рисковал въезжать на машине по ступенькам и наезжать на него, поэтому группа отправилась через Вест-Энд. Они водили лошадь в общественные туалеты, выгуливали ее взад-вперед по Пикадилли и в конце концов привязали к фонарному столбу вместе с Китом, чтобы тот развлекал туристов в течение часа.

В этой ситуации другие посетители пляжа заметили, что у Кита автоматически изменился характер. “Когда он был внутри этой штуки, он был лошадью”, - говорит Джон Шоллар. “Он не был Китом Муном, он собирался делать то, что сделала бы лошадь. Избавь его от этого, и он снова стал бы Китом”. Эту черту характера он пронесет через всю жизнь.

Они начали приводить лошадь и на различные домашние вечеринки, на которые их приглашали, но в конце концов лошадь сама начала получать приглашения , и они почувствовали, что их приглашают выступать в их редкие выходные дни, поэтому стали оставлять безымянное животное дома. Но Киту это было нужно не для того, чтобы устраивать беспорядки. Подружка Джона Шоллара устроила вечеринку в честь семнадцатилетия, которая совпала с одним из первых экспериментов Кита с алкоголизмом, который, по проверенной временем подростковой моде, завершился тем, что его вырвало на борт фургона по дороге домой (но он не признался в этом: у окружающих сложилось впечатление, что он этого не хотел кажутся незрелыми). Когда на следующий день Джон отправился навестить свою девушку, ее отец был в ярости. “Мои тюльпаны погибли!” - воскликнул он. “Они замерзли”. Джон вышел, чтобы осмотреть их. Несмотря на то, что было лето, они действительно были замерзшими. На самом деле они имели точно такую же текстуру, как волосы Кита, покрытые густым лаком. Когда Джон, позже в тот же день, спросил Кит, если он действительно нанес свой лак для волос на садовые растения, то Кит просто сверкнул своей знакомой улыбкой.

Если поведение Кита и не всегда было таким деструктивным, то часто граничило с преступлением. Роджер Николс, их случайный водитель, заметил, как много времени Кит проводил у телефона-автомата, когда они были за городом; учитывая, что Кит никогда не : у него были деньги, и он спросил своего друга, как тот может позволить себе все эти звонки.

“Все просто”, - ответил барабанщик, приглашая Николса в кабинку. “Вы просто снимаете вот этот диск, соединяете провода вот так, и тогда вы получаете бесплатный звонок”. Его занятия

электроникой явно принесли свои плоды.

Он сузил выбор ночных ресторанов для группы, когда привел “бегуна” из индийского ресторана при отеле Railway, предложив как-то вечером пригласить всех на ужин. (‘Я не говорил, что собираюсь за это платить”, - можно было почти услышать, как он с улыбкой бросает вызов.) Хотя для того, чтобы сбежать, не заплатив, очевидно, требовалось, чтобы его товарищи по группе стали сообщниками, интересно то, что они почему-то чувствовали себя вынужденными к этому. “Он принял решение, он собирался уйти”, - вспоминает Норман Митченер, называющий себя “честным парнем”, который говорит, что ему никогда не было так стыдно, как тогда, когда за ним по дороге гнались вооруженные ножами официанты-индийцы. “Если ты не пошел с ним, то ты во всем виноват”.

Так было с Кейтом, всегда нужно было найти кого-то другого , кто мог бы взять вину на себя. Или товар. В “Звезде и подвязке” в Виндзоре внимание Кита привлек престижный катушечный магнитофон. ““Мы закончили играть, - рассказывает Тони Бринд, - и я помогал Киту загружать его барабаны. Он сказал: ”Возьми это, ладно?” - и дал мне футляр для бас-барабана, а я подумал: “Какой тяжелый”. Мы спустились по пожарной лестнице с черного хода, и я обернулся , а там этот чудак спускался по лестнице с бас-барабаном! Так вот, катушка с записью была в его футляре для бас-барабана!”

Джон Шоллар вспоминает подобную выходку в театре Hastings Pier. “Мы вышли и начали загружать барабаны Кита в фургон, но их не было в футлярах. Я спросил: “Кит, в чем дело?”, а он ответил: “Не волнуйся, просто заряжай “. Оказалось, что он снял кучу подушек с кресел в кинотеатре, отвинтил их и разложил по своим чемоданам. Он сказал: ”Я подумал, что было бы гораздо приятнее сидеть на этих подушках в кузове фургона”.

В тот же вечер в Гастингсе Рон Ченери подвел черту, когда Кит ушел с усилителем. Он заставил барабанщика вернуть его и признать “ошибку”. Кит научился не слишком открыто заявлять о своих намерениях. Позже ему удалось “найти” усилитель в отеле “Уэмбли Хилтон”, когда он не был занят в группе , без участия Рона в качестве представителя правопорядка. И он дождался следующего дня после танцев в гольф-клубе upper crust Radlett, чтобы подарить всем присутствующим серебряные кружки с гравировкой из бара в качестве сувениров по этому случаю.

Казалось, ни одно из его действий не вызвало у Кита никакого морального конфликта. “Он ничего не крал”, - говорит Шоллар об отношении Муна. “Кит никогда не крал. Он просто думал, что для нас лучше иметь что-то, чем ”у них”, потому что “они” этим не пользовались”.

Позже в жизни Кит Мун прославился своим бесцеремонным отношением к деньгам, в процессе чего создал сценарий “уловки-22”, согласно которому у него изначально должна была быть определенная (щедрая) сумма, чтобы иметь возможность выбросить ее на ветер. Эта саморазрушительная спираль привела к тому, что чем богаче он становился, тем больше

>

Тони Флетчер, 68 ‘

Он оказался в долгах, и его последние годы превратились во все более неприятную нисходящую спираль, когда он брал авансом под залог будущих доходов. К счастью, период его работы в “Бичкомберз” был свободен от всех подобных финансовых проблем.

“Казалось, он не беспокоился о деньгах”, - говорит Ченери. “Мы беспокоились о некоторых концертах, о том, заплатят нам или нет [из-за того, что агентство работало в тот день, деньги часто поступали из головного офиса агента в конце недели, а не из-за самого концерта], и я не думаю, что его это волновало. Он просто хотел играть и быть в центре внимания”.

“Если он играл на барабанах, зарабатывая достаточно на еду, у него не было особых потребностей”, - говорит Тони Бринд. “Он не думал о домах, он не пил , когда присоединился к нам. Все, что его волновало, - это игра на барабанах. Это было все, ради чего он жил”.

На самом деле, у Кита были очень хорошие финансовые дела. Он сменил профессию. Джобс вскоре после присоединения к группе занял младшую должность в отделе продаж British Gypse, национализированной штукатурной компании, офисы которой

находились на Парк-Лейн в центре Лондона. Как и в случае с Ultra Electronics и местным строительным заводом, его роль была простой: отвечать на телефонные звонки, принимать заказы на продажу и обрабатывать их. Восхождение по карьерной лестнице явно было последним , о чем он думал; как говорит Тони Бринд, “Иногда он делал это только в качестве символического жеста”. Но, несмотря на все слухи об обратном, он продолжал работать на этой работе, пока не присоединился к the Who.* Его зарплата в British Gypsum, вероятно, по-прежнему составляла менее 10 фунтов в неделю, но в The Beachcombers он зарабатывал еще 15 фунтов в неделю , что, вероятно, сделало его богаче, чем когда-либо. любой человек его возраста, которого он знал.

Ничто из этого не означало, что у Кита когда-либо были при себе деньги. В его беззаботном отношении к финансам было определенное очарование ученого-идиота. “Он купил эту модель триффида из-за фильма ”День триффидов”, - вспоминает Джон Шоллар. ““Зачем тебе это нужно?” - спросил я. Я спросил. - Это показалось мне хорошей идеей, - сказал он. он ответил. ‘Я поставлю его на барабаны”. Этот триффид неделями сидел на бас-барабане ! Это не имело никакого отношения к группе, никто из нас не смотрел фильм, и он не мог заплатить за бензин до конца недели. Но, по его мнению, все было в порядке: ”Я не могу заплатить за бензин, потому что купил триффида”.

Он также постоянно вкладывал деньги в свои барабаны, что из-за различных сломанных кожухов и разбитых тарелок было бесконечной задачей. Как и все подростки, он вкладывал деньги в одежду и музыку

* Как же я ненавижу разрушать эти мифы! Будучи впечатлительным подростком, я обожал Кита за то, что он претендовал на двадцать две работы в год, воображая, что каждый второй понедельник утром он так сильно расстраивался и так мало заботился об обычной карьере, что, когда его упрекали в дисциплинированности или опоздании, он приводил свою версию классической цитаты Джимми в фильме “Квадрофения”: ” Почему бы тебе не взяться за эту работу и не засунуть ее себе в задницу?!” Узнав, что Кит на самом деле держал в руках один

постоянная работа в течение восемнадцати месяцев подряд - это

почти такое же разочарование, как если бы ему сказали, что он не играл на барабанах в Who records.

должно быть. И он купил себе какой-то вид транспорта. Вместо итальянского скутера, который был в моде в последнее время, Кит приобрел мопед NSU Quickly, который нужно было крутить педалями, чтобы завести, и который он постоянно бросал на землю в отчаянии, когда тот этого не делал. Отец Нормана как-то вечером на Аппингем-авеню наблюдал, как Кит из кожи вон лезет

.

“Знаешь, так у тебя ничего не получится”, - сказал пожилой и мудрый мужчина.

“Да, но я чувствую себя намного лучше”, - ответил Кит.

К ВЕСНЕ 1964 ГОДА БИТЛОМАНИЯ РАСПРОСТРАНИЛАСЬ ПОЧТИ НЕВООБРАЗИМЫМ ОБРАЗОМ на Америку; страна, которая всегда экспортировала рок-н—ролл, внезапно импортировала британскую бит-музыку целыми самолетами и поклонялась — кричала - у ног ее исполнителей. Внезапно англичанин смог лежать в постели и размышлять о том, что ранее было невозможно: стать таким же знаменитым в Америке, как Элвис. В самой Британии новый бит-бум захватил весь мир. Печень-коллективы The Searchers и Gerry and the Pacemakers завоевали по три первых места в Великобритании, в то время как Билли Джей Крамер и the Dakotas были на втором месте. Обычные мерсибит-группы, такие как Swinging Blue Jeans (чьи “Хиппи-хиппи Shake” попал в кавер-версию Beachcombers) и The Big Three (также “Some Other Guy”) создавали впечатление, что все, что нужно для успеха, - это странный шотландский акцент и сопутствующее ему извращенное чувство юмора. Практически единственными лидерами хит-парадов в период с августа 1963 по июнь 1964 года, которые не были мерсисайдцами Были имитации этого бита с юга: “Glad All Over’ группы the Dave Clark Five и “Do You Love Me”

Брайана Пула и the Tremeloes (the Beachcombers тоже исполняли эту песню). Это только усилило то, что происходило на самом деле: Целых десять месяцев новое поколение смотрело с вершины хит-парада на старое поколение сверху вниз. Молодежь взяла верх. Конечно, пожилые, репрессированные гомосексуалисты-предприниматели по-прежнему заключали сделки, но музыка, которую они продавали, была чисто британской, молодежной в лучшем смысле этого слова, и, что самое важное, ее аудитория была к ней благосклонна. Даже первая волна гламурного Американский рок'н'ролл еще не достиг такого уровня коммуникации. Это была настоящая революция. И семнадцатилетний Кит Мун хотел стать ее частью.

Долгое время он верил, что сможет добиться этого с the Beachcombers. Несмотря на очевидное отсутствие оригинальности, группа была очень успешной, и ее постоянно рекламировали как претендентов на светлое будущее. Их поддерживали Рик и Джонни Ганнеллы, владельцы top mod haunt the Flamingo в Сохо, а также менеджеры известных групп Georgie Fame и Zoot Money , которые часто приглашали the Beachcombers выступить со своими звездными номерами и предлагали группе турпакет, если они того захотят. В 1963 году они отыграли ежегодный "Rock Across the Channel" на пароме, следовавшем из Дувра в Кале, в

на другом конце улицы — рынок под открытым небом во Франции, открытие для Джина Винсента, не меньше — и снова на корабле обратно в Англию. Организаторы, телеканал Музыканты настолько полюбили группу, что пригласили их выступить в Диле, Дувре, Гастингсе, Брайтоне, в любом месте на побережье, где было место для выступлений и летняя публика. В конце концов, что может быть лучше названия, чем "The Beachcombers", которое могло бы предложить агентство, бронирующее отели в прибрежных городах? "Channel" предложил работу семь вечеров в неделю, если группа сможет себя проявить. И "Channel" также рассказал о том, что ребята уже знали от других групп, которые там выступали: что они преуспеют в Гамбурге.

При каждом упоминании о турне или зарубежной поездке Кит

рвался в путь. И дело было не только в волнении от возможного путешествия и неисчислимых приключений, которые, как он знал, его ожидают. Его вера в группу была абсолютной, ради нее стоило пожертвовать своей работой. Остальные не были в этом так уверены. Они упорно трудились , чтобы достичь того, чего достигли, а хорошую работу чертежника было нелегко найти, когда ее бросали ради чего-то столь сомнительного, как рок'н'ролл. Конечно, по всей Британии были группы, которые "добивались успеха", в одночасье становясь сенсациями, возглавляя чарты, но кто знал, как долго это продлится, и сколько денег ты действительно сможешь заработать, и что ты будешь делать со своей жизнью, когда твоя звезда угаснет? Кроме того, в глубине души, несмотря на постоянные заказы и предложения стать профессионалами, они понимали, что это уже в прошлом, что эта новая революция происходит без них, что они в чем-то слишком стары или, по крайней мере, старомодны. Чем еще можно объяснить заявление Рона Ченери в последнюю минуту о том, что он не сможет отыграть всю ночь во "Фламинго" в канун Рождества 1963 года вместе с Джорджи Фэймом и другими, потому что ему нужно было пойти на полуночную мессу со своей девушкой? Ченери, чья разница в возрасте делала его кем-то вроде отца для Кита, однажды отвел барабанщика в сторонку и объяснил это яснее, чем когда-либо говорил Альф Мун: "Тебе нужно найти подходящую найди работу и остепенись, - предупредил он. "Это всего лишь неполный рабочий день".

Оглядываясь назад, Ченери признает, что Киту было невозможно остепениться — в принципе, так оно и было, учитывая его гиперактивность. Но в то время он просто говорил Киту на публике то, что все пляжники говорили себе наедине: что это очень весело, и платят хорошо, и, может быть, если мы закроем глаза и хорошенько помечтаем, нас обнаружат и предложат контракт на запись и гарантию нового альбома. зарплата выше, чем та, которую мы зарабатываем в настоящее время, и продлится достаточно долго, чтобы добиться успеха, но до тех пор, пока эти мечты не сбудутся, не бросайте свою повседневную работу.

Поймите их сейчас, четверых других бичкомберов, которые знают, что они делают для долголетия рок-н-ролла в целом и Кита в частности , и они, естественно, несколько опечалены.

Тони Бринд: "В глубине души всегда таится глупая мысль , что однажды у тебя все получится, но, возможно, у нас не было того, что нужно , чтобы встать и взяться за это. У всех нас были подруги, у всех нас была "хорошая работа", работа, которая

мы все были квалифицированы и не хотели сдаваться, в то время как Кит ненавидел свою работу. Он хотел играть на барабанах. Если бы мы сказали: “Давайте бросим нашу работу и станем профессионалами”, он был бы полностью за. Я не говорю, что у нас бы все получилось, мы могли бы стать никем, и он мог бы заняться другими делами, но это было все, чего он хотел”.

Норман Митченер: “На самом деле, нам следовало просто решиться на это. Но это было в те времена, когда ты учился, а потом находил хорошую работу. Мы были кавер-группой, и если ты мог написать одну хорошую песню, ты мог добиться успеха, а потом у тебя было время написать еще несколько песен. У нас не было этой песни”.

Рон Ченери: “Кит постепенно осознал, что он станет поп-звездой, а мы были полупрофессионалами и собирались ими оставаться”.

Джон Шоллар (John Schollar): “У нас был музыкальный талант, но мы не могли придумать ничего оригинального. Мы копировали чужие вещи. Мы попробовали поработать с парой авторов песен, но у нас ничего не получилось. “

Тем не менее, Кит сохранил свой энтузиазм по отношению к the Beachcombers. Они выступали на разогреве у первых бит-звезд Манчестера The Hollies в Alperton Civic Hall, и, наблюдая за выступлением хедлайнеров, Мун отчитал своих коллег по группе за отсутствие веры в себя. ““Они ничем не лучше нас”, - настаивал он. “Мы ничуть не хуже их”.

Его преданность была столь же сильна. The Beachcombers прошли прослушивание на “Мекка” на Лестер-сквер, и им было сказано, выражаясь языком классического музыкального бизнеса , что напомнило печально известный “пас” Decca Records на “Битлз” и последующее влияние этой группы: “Вы хороши, но вам не нужен отдельный вокалист. Сейчас групп четыре.” Кит, несмотря на свои случайные разногласия с Роном, встал на защиту старшего: “Либо мы все, либо никто из нас”, - сказал он и умчался прочь. Это было последнее, что они слышали из Мекки.

Ближе к концу пребывания Кита в The Beachcombers остальные

участники группы увидели первые признаки того, что в конечном итоге завладеет молодым барабанщиком. Две юные модницы стали приходить на каждое местное шоу и , стоя в первых рядах, смотрели мимо бывшего сердцееда Клайда Бернса на подростка в глубине сцены, который размахивал головой и руками , как кружащийся дервиш. За пределами концертных площадок две девушки подбегали к другим участницам группы, которые на мгновение чувствовали себя польщенными. “Где Кит?” - спрашивали они , и остальные снова чувствовали себя опустошенными. Впрочем, они все равно не смогли бы воспользоваться этим преимуществом: теперь у них у всех были постоянные подружки. Времена, когда остальным приходилось ждать, пока Клайд Бернс закончит свои “дела” в конце вечера, прошли. Рон даже обручился — какие еще нужны были указания на то, что кто—то задумывается о своем будущем в группе? - И на вечеринке по случаю помолвки стало ясно, что дело сделано, когда отец Рона обнаружил Кита и молодую девушку в своей спальне.

Выпивка по-прежнему была обычным делом. Остальные пляжники наслаждались своими кружками

иногда к ним присоединялся Кит, но он все равно выглядел недостаточно взрослым, и об этом знали многие местные пабы, которые они часто посещали. В половине случаев Кит выбрасывал свои напитки, когда его друзья все равно не видели: он хотел, чтобы люди думали, что он достаточно взрослый, чтобы выпить пинту, но вкус пива ему не очень нравился. Кроме того, Кит, казалось, понимал, что это ухудшит его игру на барабанах, и рисковать не стоило.

С другой стороны, таблетки… Они оказали замечательное воздействие на его тело и разум. “Прыгая”, он мог поддерживать те сумасшедшие часы, которые они все были вынуждены терпеть, возвращаясь с авиабаз или концертов на южном побережье посреди ночи и просыпаясь всего через час или два, чтобы отправиться на работу.

Поначалу у Кита были относительно безвредные таблетки “про-

плюс” , безрецептурные таблетки с кофеином, которые сослужили хорошую службу многим музыкантам. Кит так увлекался ими, что однажды вечером после концерта ребята буквально запихнули его в футляр для бас-барабана и повезли домой, чтобы он заткнулся! Но однажды вечером, когда Рон выразил свою усталость — он был на несколько лет старше, и у него не было такого запаса энергии, как у других, — Кит выудил из кармана несколько других таблеток. “Попробуйте эти, они придадут вам сил”, - с энтузиазмом предложил он. Рону не нужно было быть ученым, чтобы понять, что он смотрит на “пурпурные сердца”, излюбленные нелегальные новинки поколения модов. Начав с этих вещей, вы не знали, к чему это может привести. Но Кит был молод, неугомонен, амбициозен, энергичен, гиперактивен. … На самом деле, казалось бы , амфетамины были последним, что ему было нужно. Однако любопытно, что в последующие годы такие стимуляторы, как декседрин (который, по прозвищу ‘декси”, был популярным запрещенным наркотиком в шестидесятые годы), помогли гиперактивным детям и людям, страдающим СДВГ, сосредоточиться и обрести контроль. Если они так подействовали на Кита в 1964 году, то неудивительно, что он так быстро посвятил себя им: они , должно быть, казались ответом на его молитвы, позволяя ему сосредоточиться на текущей задаче (например, игре на барабанах) и позволяя ему чувствовать себя всемогущим. Сам Бог в процессе. И спать тоже не нужно. Каким прекрасным мог бы быть этот мир.

Кит никогда не ставил ультиматумов другим посетителям пляжа. Никогда не было вопроса “либо ты становишься профессионалом, либо я ухожу”. Он никогда по-настоящему не хотел уходить. На самом деле, он никогда этого не делал. Но когда наступил решающий момент, остальные поняли , что у Кита есть то, чего нет у них, и это позволило бы ему двигаться вперед. На самом деле, у него было много качеств, которых не было у них, и они любили его за все это.

Рон Ченери: “Мы были очень, очень состоявшейся группой, которая преуспевала везде, куда бы ни приезжала, и в большинстве случаев действительно приводила в восторг публику. Но ни у кого из нас не было этой лишней мелочи, лишней нужды и голода , и в конце концов это стоило нам потери Кита”.

Норман Митченер: “Он был в шорах. Он хотел играть на барабанах и

вот и все. Он был сосредоточен. Он уже решил, чем хочет заниматься". ;

Тони Бринд: "Я уверен, что даже когда он только присоединился к нам, он знал, что однажды станет знаменитым барабанщиком. Ему было суждено стать кем-то особенным. Он просто знал. Это было из-за того, как он вел себя, не будучи самоуверенным или подавляющим: потому что он так сильно этого хотел, что убедил себя, что добьется этого."

Джон Шоллар: "Кит собирался двигаться вперед, потому что не мог заниматься ничем другим. Он был барабанщиком-шоуменом, вот и все. Я всегда считал, что он был лучшим барабанщиком в мире, даже среди нас".

Семь

ПОМИМО ОТЕЛЯ "ОЛДФИЛД" В ГРИНФОРДЕ, РЕКЛАМНОГО РОЛИКА БОБА ДРЮСА Развлекательная программа включала в себя отель "Уайт Харт" в Эктоне, "Голдхоук" Социальный клуб в Шепердс-Буш, еще один "Уайт Харт" в Саутхолле, "Нотр-Дам" Dame Hall на Лестер-сквер и еще в нескольких местах, включая Glenlyn Ballroom на юго-востоке Лондона и Florida Rooms в аквариуме в Брайтоне. Для полудюжины ключевых групп, которые в рекламе вращались на этих площадках, это было сродни карусели, они находились в постоянном движении, редко останавливаясь достаточно надолго, чтобы разглядеть, что происходит впереди, и никогда не были уверены, кто следует за ними. Только когда у "Бичкомберов" выдавался редкий свободный вечер, Кит, Джон или Тони могли заскочить в "Олдфилд", который они считали своим "местным", пообщаться с другими музыкантами, которых тоже туда тянуло, и насладиться тем, что они оторвались от карусели ровно настолько, чтобы успеть на выступление кого-нибудь из других артистов, посмотреть на какие песни они могли бы записать каверы и какие индивидуальные особенности привнесли бы в эти номера. Здесь

не было никакого соперничества . Если бы они знали, что нужно делать на сцене, то, скорее всего, их бы пригласили присоединиться к паре номеров. По общему мнению, работы было достаточно, чтобы все были довольны друг другом. В какой -то степени “Коммерческая карусель” была одной большой дружной ярмарочной семьей, но к началу 1964 года установилась определенная иерархия: самый большой из Группами Боба Дрюса, и, безусловно, самыми громкими, были the Beachcombers и the Detours.

Объездные пути велись из западных пригородов Лондона - Актона и Илинга. Подобно Beachcombers и почти любой другой группе той эпохи, они строили свои ранние сеты на песнях Shadows, классической рок-н-ролльной музыке и балладах, стремясь доказать свою “универсальность”, но обнаружили, что их мир перевернулся с ног на голову под влиянием The Beatles, Mersey Beat и ритм-энд-блюз. В чем разница между обходными путями и пляжными прогулками, и почему их

теперь их пути сходились только для того, чтобы затем снова разойтись в совершенно разных направлениях, - так они отреагировали на новую музыкальную революцию. В то время как The Beachcombers разделились на традиционалистов и модернистов и в отсутствие консенсуса решили продолжать делать то, что они делали всегда, - исполнять хиты дня в меру своих возможностей, — the Объездчики отреагировали почти безумным шквалом активности. После потери двух вокалистов группы The Ron Chenery variety из-за различий в музыкальных вкусах, а затем в составе сокращенной четверки, с одним гитаристом , они с головой окунулись в процветающую R&B сцену, даже нарушив одно из главных правил кавер-групп той эпохи, представив малоизвестные блюзовые номера, о которых могли мечтать только самые фанатичные из их слушателей . (Гитарист, посещавший художественную школу Detours, унаследовал коллекцию блюза феноменальной глубины и богатства, когда ее владелец, американский сокурсник, был депортирован за хранение марихуаны.) Они отказались от официальных костюмов и галстуков, которые носили раньше, и купили темно-бордовые кожаные куртки без лацканов и

воротников, которые надели поверх джинсов и рубашек с открытым воротом, а поверх - матерчатые кепки. Боб Дрюс был потрясен отсутствием у них изысканности. “Почему тебе не нравятся пляжные бродяги?” спрашивал он. ”Они выглядят милыми и умными”.

У Дрюса были причины для того, чтобы действовать обходными путями. Он был “менеджером” группы с тех пор, как мать гитариста привела их на прослушивание в ноябре 1962 года. Было трудно понять, что он сделал, чтобы оправдать взятие дополнительных 10 процентов с гонораров группы в качестве комиссионных за управление в дополнение к тем 10 процентам, которые он уже отчислял как агент, хотя он действительно ссужал их деньгами на новый фургон, и он всегда заботился о том, чтобы “Объездчики” получали лучшие места в группе поддержки с национальными выступлениями, которые он иногда заказывал. На самом деле, Дрюс был настолько занят коммерческими гастролями, что у группы редко появлялась возможность выступать где-либо еще, даже несмотря на то, что R&B-сцена , с которой они так отождествляли себя, процветала на других близлежащих площадках, таких как the Ealing Клуб, остров пирогов с угрем в Твикенхэме и клуб Crawdaddy в Ричмонде. The Rolling Stones и the Yardbirds были одними из групп, оттачивавших свое мастерство на этих площадках, и когда у the Detours появлялось свободное время, чтобы посмотреть на них, а еще лучше, как в декабре 1963 года, когда они выступали на разогреве у the Stones, поиграть с кем—нибудь из них, их одновременно воодушевляло присутствие единомышленников души при этом мотивированы быть лучше, чем они сами. The Detours также заметили , что, в то время как все группы использовали во многом один и тот же материал, другие молодые блюзовые коллективы придавали этим песням новую индивидуальность, расширяя их за пределы их первоначальной длины и создавая свои собственные инструментальные интерлюдии. Компания Detours последовала их примеру.

Но имидж и материалы были лишь частью переосмысления Detours. В В феврале 1964 года они также сменили свое название, после того как по телевидению показали очередной “Объезд”, что стало прекрасным поводом для того, чтобы избавиться от своих уставших от дороги старых друзей.-

придуманное прозвище для одного явно современного и намеренно сбивающего с толку человека: the Who. Однажды в четверг вечером в Олдфилде все было как обычно, в Обходные пути; в следующий четверг это были The Who, как будто календари перевернули новое поколение, которое, учитывая то, что происходило в музыкальном плане в Великобритания у них была. И еще одно: группа приобрела нового менеджера (что не помешало коммерческому отделу получать дополнительные 10 % за самостоятельное выполнение работы). По общему признанию, Хельмут Горден не имел опыта работы в музыкальном бизнесе - он был, если не вдаваться в подробности , производителем дверных ручек по профессии, — однако он привнес в The Who не только свои мечты о том, чтобы повторить успех Брайана Эпстайна в качестве менеджера The Beatles, но и финансовое влияние бизнесмена и еще.

Был еще один заключительный момент, в котором три четверти новокрещеных Которые должны были обладать ключевым преимуществом перед четырьмя пятыми давних любителей пляжного отдыха. Молодость. Невысокий, светловолосый, упрямый певец из рабочего класса The Who Роджер Долтри; высокий, худой, агрессивный на словах и с заметным большим носом гитарист-студент-искусствовед Пит Тауншенд; и, напротив, сдержанный и прилежный к музыке басист Джон Энтвистл были еще подростками, когда сменили название своей группы. Однако в то время барабанщиком The Who был Дуг Сандому было под тридцать, он был каменщиком по профессии, и дома у него была жена , которой не нравилось, что он шесть вечеров в неделю проводит вне дома, играя концерты с этими молодыми “мальчиками”, тем более что у нее не было сомнений относительно того, чем он занимается с такими же молодыми “девочками’”который повсюду следовал за группой. Тем не менее, Сандом был доволен своей жизнью, днем он строил кирпичи за наличные, а по ночам выступал с концертами за наличные , и он бы продолжал заниматься и тем, и другим, если бы не обострение. Было достаточно плохо, что его жена постоянно уговаривала его бросить группу. Ему не нужно было, чтобы самоуверенный подросток Пит Тауншенд намекал на то же самое.

“Я не был таким амбициозным, как остальные”, - признался он годы спустя. “Я занимался этим дольше, чем они. Конечно, мне это нравилось. Было очень приятно быть частью группы, на которую люди подписывались, это было здорово. Но я не очень

ладил с Питером Тауншендом. Я был на несколько лет старше его, и он считал , что из-за этого я должен быть более или менее сдержанным. Я думал , что у меня с группой все в порядке, нас никогда ниоткуда не выгоняли, мы всегда проходили все прослушивания".

Так продолжалось до тех пор, пока в марте 1964 года Хельмут Горден не добился прослушивания у Криса Пармейнтера, специалиста по артистизму и репертуару (A&R) для дочерней компании Fontana Records гигантской корпорации Philips. Фонтан недавно подписала юго-Ист-Лондоне и R&B группы красивые вещи, ведь лишь немногие школы искусств концертов, и сразу высадил их слот на старт, внимание, марш!, бедра новая музыка ТВ-шоу. Для такой начинающей R&B-группы, как The Who, прослушивание в звукозаписывающей компании , несомненно, было самым важным выступлением на сегодняшний день.

Сандом особенно занервничал из-за этого, когда Джон Энтвистл предупредил его , что его могут ждать трудные времена, что готовится своего рода разборка

ЛУНА)? 77

готовились за его спиной. Конечно же, когда они вошли в Эджверский В дорожном ресторане-клубе "Занзибар", который Горден нанял для этого мероприятия, Пармейнтер немедленно запретил Сандому пользоваться его собственным оборудованием. Загнанный на другую площадку, осознавая, что находится под пристальным вниманием продюсера и презрением его гитариста, Сандом потерял всякую уверенность в себе и в конце сессии не был особенно удивлен, услышав от Пармейнтера положительный отзыв о способностях и потенциале группы, который тут же сменился уничижительным отзывом о его игре на барабанах.

Тауншенд воспользовался мнением сотрудника A&R как возможностью высказать свое мнение, настолько злобное даже по его собственным стандартам, что Энтвистл и Долтри были на время ошеломлены.

"Все, я ухожу", - крикнул Сандом, решив больше не поддаваться на насмешки и оскорбления.

“Хорошо”, - сказал Тауншенд. “Но вы не можете уехать прямо сейчас, у нас впереди целый месяц хороших заказов”. Сандом неохотно согласился, но только из уважения к своим друзьям Роджер и Джон — и тогда он ушел бы навсегда. Гораздо позже он понял, что сыграл на руку Тауншенду.

По дороге домой басист The Who Джон Энтвистл (John Entwistle) высказал предположение , что если он собирается потерять своего друга Дага при таких неприятных обстоятельствах, то мог бы и сам уйти из группы.

“Продолжайте в том же духе”, - настаивал Сандом. “Я слишком стар, чтобы играть в группе на самом деле. Было бы глупо отказываться из-за меня от своего контракта”.

Сандом отработал свой месячный контракт, который закончился в клубе “100 ” на Оксфорд-стрит в понедельник, 27 апреля, и покинул группу. Затем The Who оказались в опасном положении на краю пропасти. С незабываемым , хотя и сбивающим с толку новым именем, богатым, хотя и сбитым с толку менеджером, захватывающим , хотя и малоизвестным репертуаром и периодически заключаемыми контрактами на запись они были готовы совершить гигантский скачок в неизвестность - если бы только смогли найти подходящего барабанщика. Они распространили информацию через Jim Marshall’s in Hanwell, музыкальный магазин, место встреч и производителя усилителей, который помог the Who завоевать репутацию производителя самого громкого или, по крайней мере , самого большого оборудования на сцене, которое кто-либо когда-либо видел. После перепробования нескольких человек на сцене, в том числе, как было сказано, на выходных, позвонил сотрудник Marshall’s Джонни Митчелл —the Who наняли на строго временной основе сессионного барабанщика по имени Дэйв, чей гонорар составлял половину обычной зарплаты группы, что заставляло их все больше стремиться найти кого-то, кого они могли бы назвать своим. Тем временем Фонтана продвигался вперед при поддержке Гордена, барабанщика, который только что покинул популярную бит-группу the Fourmost. Но The Who яростно сопротивлялись бывшему Fourmost: им не нужен был ливерпульец, выросший на Mersey Beat, им нужен был такой же лондонец, как они сами — молодой, жесткий, энергичный и со стилем.

*

78 (Тони Флетчер

a

КИТ Мун, ДЖОН ШОЛЛАР И Тони БРИНД, КОГДА ОНИ НЕ БЫЛИ ДРУГИМИ-Уайз сотрудничал с the Beachcombers, регулярно посещал концерты the Detours по четвергам в Олдфилде в тот период, когда эта группа мутировала в the Who в начале 1964 года. Дуг Сэндом позже услышал от своего шурина , который также был частью олдфилдской тусовки, что Кит публично заявил о своем желании играть в группе. Вероятно, так оно и было. Кит знал, что у них что-то намечается с лейблом Fontana Records, что у них богатый менеджер, и , что более важно, помимо ажиотажа и шума, которые они создавали на сцене, чему, как знал Кит, он мог бы поспособствовать, если бы ему дали шанс, у них явно было желание сделать это как можно лучше. в таком же отчаянии, как и его собственное. Тем не менее, Кит никогда бы и не подумал о том, чтобы пробиться в The Who, пока в группе был Дуги Сандом. Вы не стали бы делать ничего подобного, пытаться отнять у кого —то работу, особенно если вы изначально боялись группы

.

“Они были возмутительны”, - сказал Кит Крису Чарльзуорту из Melody Maker восемь лет спустя. “Все группы в то время были умными, но на сцене У объездчиков были сценические костюмы из кожи. Пит выглядел очень угрюмым. Они были немного пугающими, и я их боялась. Очевидно, они играли вместе уже несколько лет, и это было заметно”.

Вот, значит, как, согласно легенде, это произошло. Это был вечер четверга в середине мая, и The Who отдыхали между сетами в Олдфилд. Кит знал, что это его шанс. Но, несмотря на то, что он был общительным молодым человеком, обычно готовым завязать разговор с самыми молчаливыми незнакомцами , он отказался от идеи обратиться к the Who напрямую. Они были одеты в “кожу”, выглядели угрюмыми и пугающими. Кит был веселым и неугомонным. Как он вообще мог подойти к трем таким угрюмым на вид личностям и заявить, что он достаточно подлый, чтобы присоединиться к их банде?

Так что вместо этого он выпил пару стаканчиков, что было немного на него не похоже, но ему нужна была голландская

смелость, и он попросил кого-то другого обратиться к The Who вместо него. “Я попросил менеджера клуба познакомить меня с ними”, - сказал Кит. Интервью с Melody Maker 1972 года. Лу Хант, один из его первых благодетелей, был этим менеджером, идеальным человеком, который мог бы подойти к олдфилдским The Who, выступающим по четвергам, и сообщить им, что барабанщик из другой постоянной группы, the Beachcombers, парень, о котором все говорили из-за его не по годам развитых навыков игры, захотел занять вакантное место барабанщика.

Что касается самих The Who, то они всегда называли мальчика, который собирался изменить их жизнь, “пряничным человечком”. “Когда мы впервые увидели ”Кит, - вспоминал Джон Энтвистл в интервью для этой книги, - на нем был коричневый костюм, коричневая рубашка, коричневые ботинки, и он, очевидно, пытался изобразить Денниса Уилсона и добавить в волосы светлые пряди, но, должно быть, на полпути запаниковал , и они стали темно-рыжими.” Обитатели пляжа, которые сами много раз слышали эту историю, могут только предположить, что Кит использовал так много

волосы покрыты лаком — иногда можно было приподнять всю челку, как будто это был кусок картона , — и она буквально меняла цвет в процессе. Они не помнят, чтобы он их когда-нибудь красил. |

Что угодно. The Who, отчаянно нуждавшиеся в новом барабанщике, согласились дать парню шанс. Они спросили, знаком ли он с песней Бо Диддли “Roadrunner”. Конечно, он знал, она была постоянной в репертуаре The Beachcombers. Более того, это был прямолинейный блюзовый рифф, усиленный ударами тарелок crash, с мощным двойным ритмом. Они не могли бы подобрать для него песню лучше, чтобы продемонстрировать его способности.

Они вчетвером поднялись на сцену во второй половине шоу The Who. Кит сел за барабаны сессионного музыканта. Кто-то подсчитал время, и они отправились в путь.

Впечатление было таким же, как и в консерватории Харроу

восемнадцатью месяцами ранее. Трех членов, которые обменялись озадаченным смотрит удивленно, как “колобок”, бьют в барабаны сзади их. Этот маленький паренек с невероятной энергией и таким неортодоксальным стилем был именно тем, кого они искали - не только в течение последних трех недель, но , возможно, и навсегда, — и все же он все это время был среди них, играя в другой группе Дрюса, такой же крутящийся на карусели, как и они. Почему они не отошли на достаточное время, чтобы послушать его раньше?

Кит сыграл с The Who еще одну песню, максимум две. К этому моменту сессионный барабанщик в ужасе смотрел на свою ударную установку. Вся группа тряслась, как будто попала в ураган: этот парень, рыжеволосый , ростом пять с половиной футов, недостаточно взрослый даже для того, чтобы пить в пабе, не говоря уже о том, чтобы претендовать на звание профессионального музыканта, бил по барабанам с такой яростью, что казалось, будто он если бы он считал их ответственными за все неправильное в мире. К тому времени, когда The Who поблагодарили Кита и попросили Дэйва вернуться, чтобы завершить сет, педаль бас-барабана была сломана и по крайней мере одна из обшивок порвана. Хай-хэт тоже выглядел потрепанным (Кит использовал его не более чем как дополнительную тарелку). За десять лет выступлений Дэйв не наносил столько повреждений. Что еще хуже, из-за сломанной педали оставшаяся часть сета звучала ужасно, как будто сессионный барабанщик был и вполовину не так хорош, как парень. В конце вечера Дэйв потребовал с группы свою обычную зарплату и еще пять фунтов за педаль. Кит даже не успел присоединился к The Who, и группа уже платила за его ущерб.

После шоу Кит задержался, и, конечно же, the Who подошли к нему. Долтри и Тауншенд соревновались за право сказать первое слово, уличный боец и студент художественной школы уже вступили в смертельную схватку за творческий контроль над группой. Энтвистл держался на шаг или два позади.

“Что делаешь в субботу?” - спросили барабанщика.

“Ничего”, - ответил он.

“У нас концерт. Ты можешь прийти, если хочешь”. Как будто они делали ему одолжение.

“Да, конечно”, - сказал Кит.

“Дай нам свой адрес. Мы заедем за тобой на фургоне.

ЭТО ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ: НА САМОМ ДЕЛЕ, ЕЕ ШИРОКО ПОЧИТАЮТ КАК ОДНО ИЗ САМЫХ известных прослушиваний в истории рока.

Но это не обязательно правда.

Несогласный голос принадлежит Луису Ханту, который, будучи менеджером Олдфилд, директор отдела коммерческих развлечений, в то время был неразрывно связан как с карьерой Кита Муна, так и с карьерой the Detours-turned- Кто. Хант провел всю свою жизнь в Гринфорде, где он живет недалеко от Чаплин-роуд. Таким образом, его воспоминания не подверглись испытанию на прочность, вызванному тридцатью с лишним годами непрерывной славы, почти бесконечными путешествиями и долгими бурными вечеринками, как у некоторых из тех, чьи воспоминания всегда красочны, но не обязательно последовательны. Действительно, вполне логично, что, учитывая его исключительный вклад в историю рока, Хант, как никто другой, должен помнить о том, как он познакомил Муна с The Who.

Он помнит. И, что касается его самого, все очень просто. Он вспоминает, что как только услышал, что The Who ищут нового барабанщика, то сразу же сообщил об этом Киту. Как и все остальные участники коммерческой сцены, он знал , что the Beachcombers останутся на полставки, в то время как The Who были полны решимости работать профессионально; учитывая талант и энтузиазм Кита, а также его заявленную любовь к the Who, казалось почти предопределенным, что Мун займет место Сандома. Но, по словам Ханта, прослушивание проходило не на публике.

“Кит пришел сам”, - вспоминает он о визите Муна в the Oldfield. “Я думаю, он пришел, ожидая увидеть The Who, но это был не их вечер. Раньше они тренировались в учебном зале в Эктоне, и

именно в этот вечер я сказал ему, где они находятся, и что он должен пойти и посмотреть на них. - Спросил я Кит, если бы он знал, где это находится. Он сказал: “Да, я знаю”, - он был очень взволнован. Я спросил, нравится ли ему, и он запрыгал от радости. Я сказал: “Сходи, скажи им, что я тебя прислал, и посмотрим, как у вас пойдут дела”.

“The Who вообще ничего мне не сказали. В конце концов, они просто пришли с Китом в качестве барабанщика. Они не могли поступить иначе, потому что он был настолько хорош”.

Когда его спросили о более традиционной версии истории — о том, как Кит встал на середине съемок “Who’s” в “Олдфилде” и прошел впечатляющее публичное прослушивание, — Хант рассмеялся. Он даже никогда раньше не слышал эту историю. Он давно потерял связь с музыкальным бизнесом и понятия не имел, что это рок

легенда н-ролла. “Это неправда”, - говорит он. “Не бойся, этого не произошло. Это я его отправил в отставку”.

ЛУНА? 81

Версия Ханта явно перекликается с тем, что рассказали участники группы. Но не похоже, что он чего-то добьется, солгав. Кит уже называет его человеком , который познакомил его с The Who и укрепил состав одной из величайших рок-групп. Конечно, если бы этот волшебный музыкальный момент состоялся в “Олдфилде “, как всегда предполагалось, в интересах Луиса Ханта как менеджера этого заведения было бы закрепить его место в учебниках истории, а не приписывать его какому -то безымянному концертному залу.

Были причины подозревать что-то подобное. А именно, где свидетели оригинальной истории? The Who были популярны в “Олдфилде”; многие из их старой компании все еще здесь. Почему никого из них не было там в тот вечер? Ни один из тех, кто был поклонником “ирландца” Джека Лайонса, ни Пит Лучший друг Тауншенда Ричард Барнс; ни Дэйв Лэнгстон, который теперь пел в группе под названием Cyrano and the

Bergeracs и тесно сотрудничал с The Who's fortunes. И уж точно не the Beachcombers, хотя они и взяли за правило встречаться с the Who в "Олдфилде" при каждом удобном случае . Если прослушивание Кита было действительно таким важным, как о нем рассказывали — а об этом, похоже, не рассказывал никто из The Who, пока Кит Мун не повторил это спустя восемь лет после "события", и к этому моменту вся группа уже была мастерами апокрифических историй, — то разве кто-нибудь не был бы на протяни руку, чтобы подтвердить, что видишь это?

Тем не менее, даже если прослушивание в Олдфилде окажется удачной выдумкой — рассказ Кита о событиях, произошедших спустя годы после этого события , был воспринят коллегами по группе как евангелие, которые точно так же оценили качество этой лжи, заслуживающей освещения в печати, — это, по иронии судьбы, не означает, что само прослушивание произошло не совсем так, как планировалось. было рассказано. В таком случае, это был бы не четверг, поскольку The Who определенно выступали в Олдфилде в тот вечер недели — но тогда это объясняет, почему ни Джона Шоллара, ни Тони Бринда не было там, чтобы засвидетельствовать это или вспомнить, хотя они всегда считали, что должны были быть. Кит, скорее всего, просто заехал в "Олдфилд" тихим вечером в начале рабочей недели, один, как он обычно делал, и сразу же набросился на Приглашение Луиса Ханта отправиться в турне и пройти прослушивание в группе, к которой он мечтал присоединиться. Есть вероятность, что Кит действительно произвел визуальное впечатление на The Who, что они действительно пригласили его попробовать свои силы в "Roadrunner", что он сразу же поразил их, и что в процессе он действительно побарабанил по чьей—то другой ударной установке - при условии, что он не побежал домой и не позвал своих родителей, чтобы отвезти его в Эктон с его собственными барабанами, что было вполне возможно, учитывая, что в краткой версии событий его матери говорится о том, что она сама пришла на прослушивание. Вполне возможно , что затем его пригласили выступить с парой номеров на следующем концерте в the Oldfield, отсюда и коллективные воспоминания о том, какое влияние оказал там Кит.

Я не уверен, что в свете музыки, которую The Who написали после этого, это действительно имеет значение. За исключением того, что, если альтернативная версия окажется правдивой, это продемонстрирует склонность The Who в целом, и Кита в частности, пересказывать

истории с таким фантастическим воображением, что они немедленно становятся легендами, и все эти легенды развиваются до тех пор, пока сама группа не получает от них постоянный заряд энергии, укрепления, оживления и признания. Абсолютно неслучайно , что у самых известных — и долговечных — групп в мире есть такие удивительно живописные, запоминающиеся истории о том, как они познакомились; нет лучшего способа зарекомендовать себя как легенда, чем рассказать легендарную историю, с которой все и началось.

НЕЗАВИСИМО ОТ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, КИТ МУН БЫЛ ПРИГЛАШЕН ПРИСОЕДИНИТЬСЯ К The Who. Или все-таки был? На самом деле он не был уверен. Казалось, он прошел испытание — в конце концов, он собирался выступить с ними, — но они не приняли его с распростертыми объятиями. Это было совсем не похоже на тот вечер с the Beachcombers в Консервативном зале, когда все вернулись в Norm's за отбивными и немедленным прозвищем "Ласка". Можно поспорить, что он никогда не рассказывал the Who об этом нелепом прозвище. Несмотря на то, что они были явно моложе the Beachcombers, Who были физически и эмоционально намного крепче; он знал, что прыгает на американских горках вместе с большими мальчиками, и ему придется быть таким же сильным, как они, чтобы продержаться до конца. Если это означало скрывать неуверенность в себе за чрезмерной уверенностью, заглушать любую неуверенность бурными приступами веселья, то так тому и быть . В отличие от the Beachcombers, the Who не были ничьим хобби. Это была борьба за господство с самого начала — внешняя, объединенная битва за мировое господство, но также и внутренняя, раздирающая борьба за господство в группе. На войне не может быть признаков слабости. Кит прикрывал себя и казался сильным.

Не зная, состоит ли он официально в The Who, Кит решил не уходить из Beachcombers. Не то чтобы он хотел уходить из них в любом случае. В идеальном мире он бы остался со своими друзьями навсегда. В реальной жизни он решил играть на барабанах в обеих группах, пока не определится с выбором. _

Если The Who изначально не хотели официально принимать Кейта, это понятно . Пара песен, исполненных на “Олдфилде” или в репетиционном зале , сразу же показали, что Кит уникально талантлив и, скорее всего, является идеальным барабанщиком для них, но пока они не увидели, как он сформировался лично - появился ли он вообще, если уж на то пошло, — они знали, что не смогут заявить об этом официально. Ни для него, ни для всего мира. Они и так потеряли драгоценное время из-за всей этой истории с Дагом Сандомом, а из-за смены названия и имиджа они не хотели, чтобы люди думали, что у них тоже есть участники, которые приходят и уходят, будто они потеряли всякое чувство направления. Им понадобится несколько концертов, чтобы определить, подходит ли новичок на долгосрочную перспективу.

Первое выступление Кита Муна с The Who, по разным данным, было либо празднованием двадцать первого дня рождения местного друга, либо свадебным торжеством. Как и the Beachcombers, the Who играли почти в любом случае, так или иначе,

везде. Свадьбы, бар-мицвы и дни рождения, а также вечеринки на американских военно-воздушных базах были с готовностью приняты, потому что там платили намного больше , чем в пабах и общественных клубах коммерческих развлекательных заведений. Было ли у Кита время на репетицию с the Who, неясно, но в мире кавер-версий, в котором по-прежнему обитали the Beachcombers и the Who, большинство музыкантов знали все очевидные песни, а у барабанщика было дополнительное преимущество - он мог обойтись без смены аккордов. После двух лет работы в кавер-группах, где он играл до шести вечеров в неделю, для кого -то такого уровня, как Кит, не составляло труда прийти на смену в кратчайшие сроки.

Однако The Who с нескрываемым любопытством наблюдали за своим новым барабанщиком , когда он принес с собой на то первое выступление ярды веревки и, за неимением сцены, на которой можно было бы забивать гвозди, привязал свои барабаны к окружающим колоннам. В середине концерта блок эффектов “Swiss echo” группы — Пит Тауншенд был большим любителем

экспериментировать с электрическим звуком — сломался, и в процессе у него испортился звукоусилитель. Временно замолчав, The Who обратились к Киту, как на протяжении всей истории группы обращались к барабанщикам при потере мощности, и закричали: “Соло на барабанах!” Мун подчинялся, надувал щеки, вертел палочки, наклонялся к барабанам, что-то бормотал себе под нос, изо всех сил ударяя по всему, что попадалось на глаза. Пока кто-то пытался починить питание, трое других Участники Who наблюдали за Китом с таким же удивлением, как и несколько дней назад, когда он проходил у них прослушивание.

“Костюм выпирал, но на самом деле держался на веревке”, - говорит Джон Энтвистл. “Мы и не подозревали, что он настолько хорош, пока он не начал играть соло на барабанах”.

В конце шоу вспотевший Кит подошел к постоянной подружке Джона Энтвистла Элисон, улыбнулся, снял с себя футболку и, отжав пот , налил его в бокал для вина, наполнив его до краев. Затем он взял еще один стакан и наполнил его потом. Остальные наблюдали за происходящим с еще большим удивлением. Что же, черт возьми, они приняли в свою компанию? Безусловно, это было то, за что стоило держаться. Они рассказали Киту о своих предстоящих концертах. Нет-тело, как предполагалось, спросило, готов ли он сыграть в них.

Дук САНДОМ СИДЕЛ ДОМА НА Болло-БРИДЖ-РОУД В ЭКТОНЕ И КИПЕЛ ОТ ЗЛОСТИ. Он позволил себе уйти из группы, которой был так предан последние два года, и все из-за насмешек раздражительного восемнадцатилетнего гитариста. Разве Тауншенд не помнил прослушивание в Криклвуде, на котором менеджер паба сказал, что возьмет the Who, если они избавятся от того, с большим носом, и что Сандом сказал, что это группа, возьми одного из нас, и ты получишь всех нас? Теперь Сандом не только сделал Джону и Роджеру одолжение, предупредив об увольнении за месяц, но и одолжил свою экипировку в Из всех людей Тауншенд обратился с просьбой к одному из временных барабанщиков, которых они тем временем наняли. Его принимали за дурака.

Дуг посмотрел в другой конец комнаты на нелепый новый костюм из коричневой кожи , который Тауншенд недавно сшил для группы. У него не было рукавов, он расширялся на талии колоколом и был завязан сзади. Одни люди называли это накидкой, другие - табардом. Джон Энтвистл сказал, что в такой одежде они выглядят как “мусорщики”, и Дуг с ним согласился. Никто в здравом уме никогда бы не носи его на улице, и если Даг не собирался надевать его, играя за “the Who”, то оно ему было не нужно. С таким же успехом он мог бы вернуть его им. Собственно, именно это он и собирался сделать: снять с того мусорщика пуховик и засунуть его прямо в глотку Тауншенду.

В отеле “Олдфилд” — это был вечер четверга, он знал, что они там будут, — как обычно, было полно народу, и Сандому пришлось сдержать слезы , когда он увидел, как этот парень, на десять лет моложе его, занял свое законное место за барабанами. Он слышал о Ките Муне от Дрюса, но никогда раньше не видел, как играет этот мальчик. Теперь он наблюдал за ним и был поражен. Дуг считал себя классным барабанщиком, расставляющим правильные акценты в нужных местах, но этот парень Мун играл со скоростью сто миль в час, все время делая акцент на чем угодно. Дуг знал, что Мун хорош, но не мог сказать, стали ли The Who от этого лучше. Честно говоря, ему было невыносимо их слушать

.

Один из. вышибалы “Олдфилда” подошли к нам в конце первого сета и спросили Выясняем, в чем дело.

“Я пришел вернуть свою форму”, - процедил бывший барабанщик Who сквозь стиснутые зубы.

Настороженный вышибала заметил злобу в глазах Дага. ““Ты ведь не собираешься создавать проблемы сейчас, Дуги? Кого ты хочешь увидеть? Пит?” Он вздохнул. О разногласиях этой пары ходили легенды. “Посмотрим, что я смогу сделать”.

Сандом ждал их в баре. Было неловко осознавать, что так много людей подходят и говорят “прости” за то, что его больше нет в группе, как будто это их вина, в то время как единственный человек, перед которым он хотел извиниться , знал, что никогда

этого не сделает. Он пытался не затрагивать свои личные чувства и обдумывал будущее группы с новым барабанщиком, когда увидел Кита Муна, который направлялся к нему. Тауншенд, очевидно, не хотел ничего знать.

“Ты Дуг, не так ли?” - сказал Кит вместо приветствия.

“Да, точно”.

“Я помню тебя, я часто приходил и наблюдал за тобой”.

“о, да? Я этого не знал.”

“Да. Большое спасибо, приятель, ты оказал мне самую большую услугу в моей жизни. В любое время, когда я смогу что-нибудь для тебя сделать, дай мне знать”.

Сначала Дуг подумал, что Мун, возможно, издевается, но это было не так. Это был неподдельный энтузиазм, искренняя вежливость. Это было правдой, он оказал Киту услугу, уйдя из группы. Из-за того, что в последние несколько месяцев ходили слухи о том, что The Who и the идут в обход, он знал, что они куда-то пойдут.

Он надеялся поучаствовать в этом, но не мог винить Кита за это: парень не предпринимал никаких шагов, пока Дуг не ушел надолго. И он был уникален, в этом не было сомнений. Так что удачи ему. С этой компанией ему это было просто необходимо. Дуг протянул ему свой кожаный плащ и сказал: “Думаю , теперь это твое, приятель”, - одарил его самой лучшей улыбкой, на какую был способен в данных обстоятельствах, и покинул заведение. Это был единственный раз, когда они с Китом встретились.

Итак, КИТ НАШЕЛ ДРУГУЮ ГРУППУ. THE BEACHCOMBERS БЫЛИ ВЫИГРАНЫ-и он ждал, когда же это, наконец, произойдет. Они решили, что если бы это были не The Who, то это был бы кто-то другой, а поскольку Кит все еще был членом их семьи, выступал

на местной сцене, играл с группой, о которой все знали, что у нее есть потенциал пройти весь путь, решить вопрос о его возможном уходе стало легче. На данный момент не было никаких возражений. Кит показал посетителям причудливую накидку в форме колокола с фалдами, которую он должен был носить с The Who , и они все посмеялись над этим. Они сказали, что это делает его похожим на жука, но не на битла. Он сказал, что в The Who разгорелся бунт по поводу того, носить эти накидки или нет, но в этом не было ничего удивительного: группа постоянно спорила по тому или иному поводу. Тони Бринд в то время занимался оформлением большинства заказов для Beachcombers. “Кит не стал лукавить”, - вспоминает он о подработке барабанщика. - Он подошел ко мне и сказал, что подумывает присоединиться к ним и будет продолжать играть с нами, пока мы кого-нибудь не найдем. Мне было жаль, но я совсем не расстроился . Каждый имеет право уйти. В такой полупрофессиональной группе, как the Beachcombers, возможно, последнее предложение и справедливо, но в такой по-настоящему великой группе, как the Who would become, к которой Кит активно стремился присоединиться, это ересь. Ты присоединяешься к по-настоящему Великой группе, ты прокладываешь себе путь в туалетах этого мира, где обкрадывание, нападки, унижение и критика являются частью повседневной борьбы, вы яростно сражаетесь друг с другом, но готовы убить друг за друга, и не требуется много времени, чтобы понять, что вы - друг для друга. не просто на работе, а довольствуясь тем, что зарабатываешь на жизнь, как дети, которых ты знал в школе, думают о своих банковских и офисных концертах, или музыканты, работающие неполный рабочий день, о своих полупрофессиональных группах. Вы состоите в банде. У вас есть эмоциональные (а иногда и физические) шрамы, подтверждающие это. И, как и в случае с самыми жестокими бандами, вы не имеете права уйти. Вы даже не имеете права на то, чтобы на вас давили. Ты в этом на всю жизнь. : Кит узнает об этом. В ближайшие годы, даже в ближайшие недели,

“он много раз угрожал уйти из the Who, обычно после того, как обычные внутренние разногласия заканчивались невероятно жестоким насилием. И все же , какими бы серьезными ни были угрозы, какие бы прослушивания он ни устраивал в других местах или какие бы составы суперзвезд он ни планировал собрать, он так и не сделал решающий шаг. The Who были его бандой. Странно, что он всегда чувствовал себя неуверенно, как новичок, и

и все же следует помнить, что он никогда не смог бы воспользоваться своим “правом уйти”, но это лишь одно из многих противоречий, присущих всем по-настоящему великим группам, противоречий, которые были преувеличены до тех пор, пока не достигли размеров рекламных щитов в The Who. The Beachcombers никогда не стали бы по-настоящему великой группой; они были слишком простыми, чтобы выдержать такие противоречия. На самом деле, они с таким пониманием отнеслись к тому, что Кит решил двигаться дальше, что это стало еще одним оправданием для того, чтобы оставить их позади.

И все же он не мог заставить себя уйти. Как позже пошутит Джон Энтвистл, это было похоже на то, что он по привычке водил за нос старую подружку, встречаясь с новой. Но ни одна из групп не знала, что Кит интересовался мнениями людей, не относящихся к обоим лагерям, чтобы убедиться, что он поступает правильно. Однажды в пятницу вечером он даже зашел в отель “Гринфорд”, чтобы спросить Лу Рамона, сына Ханта, который работал в отделе коммерческих развлечений “door”, правильно ли он поступит, присоединившись к The Who. Рамон был застигнут врасплох этим вопросом: как бывший школьный староста, он обычно никогда не общался с “дерзким, веселым” и “безответственным” Муном. Но все же он подтвердил то, что Кит уже знал: тот, у кого было все необходимое, чтобы побывать в разных местах, тот Пляжники этого не сделали.

Субботним днем, через две-три недели после прослушивания Муна в The Who, Джон Шоллар и Роджер Николс ехали по Илинг-роуд в ярко-красном фургоне J2 в поисках Кита. Следующим вечером у The Beachcombers был концерт в Брайтоне, и они хотели узнать, смогут ли они забрать его барабаны прямо сейчас: Кит обычно оставлял свои инструменты в фургоне, но с тех пор, как он начал подрабатывать с The Who, он всегда выгружал их обратно на Чаплин-роуд. Как и ожидалось, Кита нашли у Де Марко, он был очень взволнован. (Им придется еще раз поговорить с ним о том, чтобы он держался подальше от фиолетовых штучек). _

Все трое обменялись обычными любезностями, останавливаясь, чтобы поздороваться со многими местными жителями, которые относились к Бичкомберам как к второстепенным знаменитостям,

и Джон сказал что-то о том, что собирается взять барабаны для выступления в воскресенье вечером, на котором Кейт поморщился. “Я не знаю, что делать”, - сказал он.

”О чем?” - спросил Джон.

“О The Who”.

“Что ты имеешь в виду, присоединяться ли к ним?”

“Ну, они должны скоро записать альбом”.

“Отлично. “

“И у них впереди куча концертов”.

“И что?”

“Но один из них состоится завтра”.

Тишина. Наконец, произошло столкновение времени. И было очевидно, выступление которого Кит решила пропустить.

“прости. Я хотел тебе сказать”.

Джон Шоллар не задумывался о том, что скажет дальше. Потому что он всегда

мы знали, какой выбор сделает Кит, и в течение пары недель на него оказывалось давление, усиливавшееся из—за того, что Альф Мун постоянно приставал к нему с просьбами держать его сына подальше от этой новой группы - как будто кто-то мог указывать такому целеустремленному человеку, как Кит, что ему делать. Точно так же, как у Кита не хватало смелости уволиться, у Джона не хватало смелости сказать то, что он собирался — до сих пор.

“Кит, просто отвали”.

Лицо барабанщика, обычно такое светлое и жизнерадостное, самое желанное зрелище за весь день, омрачилось, как будто он только что осиротел. “Не злись, Джон”, - умолял он.

“Я сумасшедший”, - ответил гитарист. “Мы все отлично ладим, мы все тебя любим, и это станет концом “Пляжных бродяг”. Почему я не должен злиться? Но ты знаешь, что хочешь этого, ты принял решение, и все , что ты сейчас делаешь, это расстраиваешь всех. Так что отвали от этого и уходи”.

Снова молчание. В конце концов, “Ты уверен?” Барабанщик хотел получить подтверждение, это было очевидно.

“Я уверен”.

“Я расстроил тебя?” - Теперь он хотел знать, что его тоже любят.

“Да, конечно, ты расстроил меня. Но ты всегда будешь моей парой”.

Кит обернулся. Он никогда не думал, что группа закончит таким образом, подведя своих друзей на концерте, а затем получив указание убираться восвояси. Он обернулся.

“Джон?”

«что?»

“Хочешь, я спрошу, не нужен ли The Who ритм-гитарист?”

“Кит, просто отвали”.

НЕСКОЛЬКО НЕДЕЛЬ СПУСТЯ КТО-ТО ИЗ КОММЕРЧЕСКИХ РАЗВЛЕКАТЕЛЬНЫХ КОМПАНИЙ ПЕРЕСТАЛ зашел повидаться с Дугом Сэндомом. “The Beachcombers все еще без барабанщика”. представитель объяснил. - Почему бы тебе не дать им попробовать?

“В данный момент у меня нет особого желания играть на барабанах для кого бы то ни было, большое спасибо”, - ответил Сандом.

“Взял”. The Beachcombers - солидная группа, хорошие, приятные, трудолюбивые парни полупрофессионального уровня. Постоянные заказы, неплохой заработок. Они не ссорятся постоянно , как the Detours, или the Who, или как-вы-их-там-называете. И им действительно нужен барабанщик. Что вы думаете?”

Дуг подумал об этом еще немного. Это не повредит. “Да, хорошо, я попробую”.

The Beachcombers заехали за Дугом в следующее воскресенье утром и отвезли его в отель Railway в Харроу и Уэлдстоуне, где они репетировали, для прогона. Как ни прискорбно было терять Кита, прямой обмен теперь казался наиболее очевидным решением. Больше они ни к кому не обращались.

88 (Тони Флетчер

в последние недели появилось то, что они искали. Хотя Норман и Рон никогда не видел, как играет Даг, но они знали репутацию The Who. Они решили , что из-за личностных конфликтов и проблемы с возрастом его выгнали из The Who. Это не могло быть связано с его игрой на барабанах

“Мы думали, что он будет по-настоящему хорош, потому что он пришел из the Detours”, - говорит Рон Ченери. “А он был очень бедным, очень слабым. Этого просто не было. Это было ужасно. И Кит в течение восемнадцати месяцев руководил нами, мы не хотели, чтобы барабанщик без водителя просто отстукивал за нами”.

“Дуги был хорошим парнем, - вспоминает Джон Шоллар, - но он просто не был в той же лиге, что и Кит. Никто не был доволен. Для Дуги это было немного тяжело. Он просто сидел и играл, и я подумал: ”Я мог бы с таким же успехом смириться”.

“Он был недостаточно хорош для того, чего мы хотели”, - подтверждает Тони Бринд. “Особенно после Кита. Он был ничем не лучше того, которого мы выгнали, чтобы заполучить Кита. Теперь я понимаю, почему они от него избавились.’

В конце вечера Рон Ченери отвез Дага домой в Болло. Бридж-роуд. “Ну что?” - спросил Даг, когда машина остановилась у его дома. “Как ты думаешь, у меня получилось?”

“Это зависит не от меня”, - сказал Рон, намеренно отводя взгляд.

В следующий раз, когда кто-то подошел к двери Дага Сандома и спросил, был ли он interested.in однако бывший барабанщик

посоветовал им забыть об этом. Он повесил свои клюшки.

восемь

ТО, ЧТО Керру МУН БЫЛ ИДЕАЛЬНЫМ БАРАБАНЩИКОМ ДЛЯ THE WHO, НИКОГДА НЕ вызывало сомнений. Пока он не присоединился к ним, у The Who были амбиции, у них было какое -то видение, у них был значительный талант, но у the machine не хватало двигателя. В по-настоящему великой группе сумма всегда стоит больше , чем отдельные ее части. (В противном случае сольные альбомы каждого были бы так же хороши , как и альбомы их группы, не так ли?) Но в случае с the Who остается только гадать, насколько же они были менее чем замечательной группой до того, как к ним присоединился Кит. Половина? Четверть? Его добавление, безусловно, привело к экспоненциальному, а не эквивалентному улучшению, и само собой разумеется, что The Who никогда не смогли бы стать легендой Who без Кита Муна, так же как их барабанщик никогда не смог бы стать легендарным Китом Муном без The Who. Эти две группы не просто нуждались друг в друге, они принадлежали друг другу.

- Не менее несомненно и то, что простой по своей сути , но уникальный по отдельности и коллективно состав The Who переписал правила рок -музыки. “Почему”, “как” и “почему” были разобраны многими образованными критиками и хорошо изученными фанатами, и их следует еще раз подробно изучить каждому, кто пытается оценить короткую жизнь Кита Муна - ведь его роль в революционном изменении звучания рок—группы, состоящей из четырех человек, была ключевой. Но этот момент еще не наступил. Присоединение Кита Муна к the Who, хотя и сделало их группу лучше буквально за одну ночь, не превратило их в легендарную группу Who так быстро. Сначала им пришлось узнать друг друга получше.

Это было непросто. Решение Кита присоединиться к The Who (а не оставаться с the Beachcombers) было во многом основано на полной преданности его новых партнеров делу рок-н-ролла и столь же сильной антипатии к любой другой роли в жизни. “Когда я познакомился с другими ребятами, они тоже были недовольны тем, как все устроено, с альтернативами”, - объяснил он

позже, вспоминая о бесперспективных работах, на которых их родители так хотели, чтобы они работали как рабы, их родители говорили: “Я уже тогда знал, Кто из них выйдет победителем. Благодаря огромной силе личностей, вовлеченных в The Who, и тому, как мы работали вместе, это действительно принесло успех”.

Но если Кит, наконец, нашел единомышленников по бунтарскому духу, сходных по возрасту , месту жительства и музыкальным амбициям, он не мог найти способа сказать им об этом, так же как они не могли заставить себя официально сказать: “Эй, ты один из нас”. Годы спустя, в удивительно откровенном интервью с Джерри Хопкинсом из В интервью журналу Rolling Stone Кит признался, что, как и во многих хороших браках, мгновенное влечение также приводило к мгновенной напряженности. “Я всегда любил мальчиков”, - сказал он. “Но в первые дни было немного трудно это объяснить, потому что мы все опасались друг друга”.

Самые большие проблемы Кита были с Роджером Долтри. Они были похожи как мел и сыр. Даже с одним общим свойством — ростом, который у каждого из них достигал пяти футов восьми дюймов, - они справлялись по-разному. В то время как Мун всегда рассматривал свой ограниченный рост как предлог для того, чтобы вести себя по-детски и играть роль шута, Роджер отреагировал на свой собственный маленький рост, доказав, что он достаточно силен физически, чтобы бороться с ним. В то время как Кит радостно смеялся, попадая в неприятности и выпутываясь из них, Роджер предпочитал пробиваться сквозь них с боем. В то время как Кит еще только знакомился с противоположным полом, Роджер, которому 1 марта исполнилось двадцать и который был самым старшим в группе, имел репутацию опытного бабника. (И все же, казалось, что те времена, возможно, прошли: его девушка Джеки была беременна , а беременность означала брак. Кит не мог и помыслить о том, чтобы жениться в таком юном возрасте.) Роджер принадлежал к крепкому рабочему классу, днем он работал сварщиком листового металла , но при этом был умен. Он сдал экзамены на одиннадцать с плюсом и был направлен прямиком в лучший класс начальной школы, что сделало Кита

единственным членом The Who, который испытал позор от посещения современной средней школы. Фанатик скиффла и рок-н-ролла с тех пор, как ходил в коротких штанишках, Роджер организовал объездные пути в средней школе Эктона, набирая Джон, а затем Пит из других групп на год младше него. Он выбирал им одежду и сет-лист, он купил фургон и сидел за рулем. Он был начальником Обходных путей.

Но обходных путей больше не существовало. И теперь, когда это был тот, Кто, У Долтри росла конкуренция за лидерство. К тому времени, когда 19 мая 1964 года ему исполнилось девятнадцать, Пит Тауншенд уже почти три года учился в известной прогрессивной художественной школе Илинга , и “Кто”, несомненно , был долгосрочным проектом, которому он посвятил свое творчество. Иногда его попытки проваливались — как, например, кожаные накидки, которые остальные отказывались носить (хотя до The Who дошли слухи, что Кита Муна видели в его накидке, когда он еще играл с the Beachcombers, что их несказанно разозлило). Чаще всего идеи срабатывали, например, звучание гитары на сцене , с которой он экспериментировал, или выбор материала, который он продвигал, - и то, и другое помогало

отличайте The Who от других R&B-групп. У Тауншенда было дополнительное преимущество в том, что он мог четко выражать свой творческий потенциал, в то время как Долтри мог только акцентировать свое внимание на ударах, а преданность Муна была очевидна с самого начала: в Пите Кит видел лидера , которого не хватало Beachcombers, того, кто мог повести группу вперед. Никто не знал, где и как именно — будущее рок-н—ролла не было очевидным, а Пит не был автором песен, - но Кит верил. И все же он с опаской относился к гитаристу. Тауншенд курил слишком много запрещенной марихуаны, которую Кит пробовал, но она ему не понравилась она вызывала у него сонливость и потерю концентрации. А Пит мог быть угрюмым ублюдком, который не выказывал угрызений совести по поводу последствий своего особенно резкого языка. Хотя дерзость Кита была известна всему “Уэмбли”, он старался никогда не использовать ее в отношении тех, кого уважал или о ком заботился, и все же Пит

постоянно оскорблял тех самых людей, которых он считал своей творческой семьей. Не привыкший к сквернословию, Кит старался найти слабое место в Таунсенде, пока, в конце концов, люди не начали замечать, что Пита иногда можно было увидеть смеющимся, когда Кит был с ним, - явное улучшение его поведения в присутствии других людей.

Что касается Джона Энтвистла, которому в октябре должно было исполниться двадцать, то басист был в некотором роде загадкой. Он неподвижно стоял на сцене и редко говорил, если к нему не обращались, но его музыкальное мастерство было явно самым выдающимся в группе. И хотя многим он казался застенчивым и замкнутым человеком, Кит обнаружил, что человек, который днем тихо работал в налоговой инспекции , ночью был прирожденным “рейвером” со склонностью к розыгрышам. Таким образом, в Джоне Кит сразу же нашел себе пару -натурала, с которым ему нужно было стать партнером, если он хотел, чтобы жизнь была хотя бы отдаленно такой же веселой, как в the Beachcombers.

Неуверенность Кита в том, что он новичок, конечно , усугублялась его статусом самого молодого участника: он присоединился к The Who, когда ему было семнадцать, а остальным - по девятнадцать и двадцать. Но разница была не так велика, как могло показаться: Тауншенд и Энтвистл были старше Муна всего на один учебный год, и, учитывая, что они оставались в Эктонской средней школе до пятого класса, это означало, что все трое вступили во взрослый мир в одно и то же время, на Пасху 1961 года. Учитывая тот факт, что Тауншенд старательно избегал работы, направившись прямиком в художественную школу, можно утверждать, что Кит знал о реальном мире больше, чем даже гитарист: конечно, у него было больше опыта работы, и он так же тщательно отыгрывал концерты-земля. Тем не менее, Кит чувствовал, что его новые партнеры его пугают: Пит явно превосходил его умом (и у него была постоянная подружка по художественной школе Карен Эстли), Джон обладал здравым смыслом (и постоянной девушкой Элисон Уайз), и оба имели культурное преимущество в виде образования среднего класса. У Роджера были возраст, жена и ребенок на подходе, он принадлежал к рабочему классу, был средним-классное образование и склонность к насилию в придачу. Кто мог бы винить Кита

чувствовал ли он внутреннюю неуверенность — и поэтому вел себя так уверенно — в такой компании?

Трое новых участников его группы были не единственными людьми, с которыми Киту нужно было познакомиться. Там был менеджер, Хельмут Горден, который называл мальчиков “мои маленькие бриллианты” и знал о рок-н-ролле столько же, сколько отец Кита. Находиться рядом с Горденом было все равно что снова оказаться в школе с классным руководителем, который понятия не имел о том, кто ты на самом деле и чем хочешь заниматься в жизни, но все равно относился к тебе покровительственно: типичная фигура авторитета, которую Кит ненавидел. Кит пожаловался бы на это публично, но было очевидно, что остальные чувствовали то же самое. Горден, очевидно, недолго пробыл в мире The Who. Его недавно нанятый публицист Пит Миден, который появился на экране почти в тот же момент, когда с приходом Кита определился состав группы, казалось, был единственным, кто контролировал ситуацию.

ПИТ МИДЕН - ЛЕГЕНДАРНАЯ ФИГУРА В ИСТОРИИ РОК-н-РОЛЛА, И это ЗАСЛУЖЕННО, не столько из-за его мимолетной связи с молодой группой Who, сколько из-за того, что он дал самое краткое и часто цитируемое определение моде, культуре, которая управляла его короткой жизнью. Он назвал это “эвфемизмом для обозначения чистой жизни в сложных условиях”.

Мода стала национальным феноменом в конце марта 1964 года, когда несколько сотен модельеров отправились из Лондона на морской курорт в В Клактоне на пасхальные выходные, были раздражены холодной погодой, закрытыми магазинами и запущенной набережной (в конце концов, они были модниками , воспитанными на европейском стиле и американской культуре, и каждый из них был так же распространен в Клактоне , как марсиане), и в своих попытках придумать себе развлечение спровоцировали полицию на нападение. конфронтация. На самом деле это были детские забавы, но жадные до сенсаций британские СМИ ухватились за это, как они это умеют делать, и в следующий праздничный день, в Троицын понедельник 18 мая (почти в то же время, когда Кит проходил прослушивание в The Who), в

Брайтоне, штат Мэриленд, вспыхнули беспорядки , и Борнмут. Это были серьезные драки с применением насилия, в которых участвовали легко узнаваемые противники моды (рокеры в кожаных костюмах, пережившие пятидесятые годы), и они навсегда остались на первых полосах кинохроники и таблоидов, а средства массовой информации были наготове и ждали на пляжах со своими камерами - такой же верный стимул к бунту, как и любой тестостерон -загадочный подросток, который когда-либо требовался. Впервые со времен teddy boys, появившихся почти десять лет назад, настоящий британский молодежный культ возник, казалось бы, из ниоткуда, чтобы вселить ужас в сердца истеблишмента.

Массовые беспорядки в праздничные дни стали концом моды, как и любой другой тщательно охраняемой тайны, но так же быстро, как ее лидеры - ‘лица” — ушли со сцены, испытывая отвращение к тому, что их используют некультурные и жестокие массы, менее дисциплинированные модники—подражатели заполнили мир. в десять раз больше новых вакантных должностей в нижней части иерархии. Мо превратилось из подпольного объединения региональных группировок в национальное (или, по крайней мере, южное) массовое движение в

прошло всего несколько недель, и для тех, кто занимается продажей мечтаний хорошо финансируемому поколению молодежи, этот массовый рынок был полон денег.

До конца так и не выяснено, чем руководствовался Пит Миден, одержимый модой во всех отношениях, - перспективой разбогатеть или какой-то более высокой целью. Несомненно, он был предпринимателем. Как публицист The Rolling Stones, он видел, как эта группа сначала была принята лондонскими модниками за чистоту ритм-энд-блюза, а затем отвергнута за то, что была слишком убогой и чертовски грязной. В течение нескольких месяцев после расставания с The Stones Миден, который также был публицистом для Чака Берри, Боба Дилана и Джорджи Фэйма, искал группу, которую он мог бы создать по своему собственному проекту. Он отметил, что модники слушали все виды музыки, от американского соула до R & B и

современного джаза, в сущности , все, что имело негритянские корни и выражало подлинные эмоции и несло в себе ритм, но, возможно, за исключением Georgie Fame и Blue Flames, не было ни одной британской группы, за которой они хотели бы следить. Ни белобрысые щеголи поколения битников Мерси, ни неопрятные исполнители нового британского блюза в достаточной степени не соответствовали духу времени. Миден полагал, что если бы он смог найти группу, обладающую основными качествами, столь ценимыми модниками, — стилем, чутьем, отношением к деталям и любовью к музыке чернокожих американцев, — он смог бы сделать из них иконы для целого поколения. Пределом мечтаний было бы небо. Поэтому, когда Горден попросил Мидена, через посредника, на которого меньше всего похоже, - их парикмахера, — прийти и посмотреть на The Who, ему хватило одного взгляда на сырые ингредиенты на сцене, чтобы понять, что Бог дал ему козырь.

Миден сразу же произвел впечатление на The Who. Хотя он и был Такой же лондонец, как и они, он говорил с легким акцентом и самоуверенностью обычного человека. Американский диджей, называющий всех “малышами” и произносящий манифесты со скоростью пары сотен слов в минуту. Он всегда выглядел безупречно, несмотря на то, что жил в своем скудно обставленном офисе на минимальные деньги, и не спал всю ночь, посещая модные клубы Сохо, как будто от этого зависела его жизнь (что для любого уважающего себя модника было действительно так). Было ясно, что его энергия, мотивация и уверенность в себе подпитывались употреблением амфетамина, но как только участники группы присоединились к нему и начали глотать таблетки - за исключением Долтри, опасавшегося воздействия наркотиков на горло, — они тоже начали разделять его энтузиазм и возбуждение. Было трудно не чувствовать себя уверенно на вершине. Учитывая, что The Who уже были популярны среди модников западного Лондона благодаря своим электрическим исполнениям классики R & B, не казалось таким уж большим прорывом в неизвестность заявить о своей искренней преданности крупнейшему молодежному движению за последние десять лет.

Горден должным образом выделил Мидену деньги на то, чтобы он одел мальчиков в соответствии со своим видением моды. Это означало, что Долтри стал “лицом”, а остальные участники группы - “билетами” (обычными модниками). Хотя Долтри по своей природе не терпел, когда вмешивались в его личность, он выглядел чертовски привлекательным в своем сшитом на заказ

белом пиджаке, аккуратно отглаженных черных брюках и со светлой прической.

94 (Тони Флетчер

Стрижка “френч”, и на некоторых из его ранних снимков для прессы видно, что в таком виде он выглядит счастливее , чем за многие годы. Из всех остальных Энтвистл был ближе всего к рокеру в душе и поначалу изо всех сил старался выглядеть комфортно в своей новой одежде. Однако Тауншенд, получивший образование в художественной школе, благодаря которому он в полной мере осознал важность имиджа , и интерес, который он уже проявил к клубам, которые он посещал, и музыке, которую он слушал, с головой окунулся в модельный бизнес. Через несколько недель он уже не просто носил пиджаки и рубашки на пуговицах от “Лиги плюща”, но и оттачивал новые танцы на сцене в ту же неделю, когда они были придуманы в зале.

Кит Мун тоже охотно взялся за модельную ручку Мидена. Хотя многие люди подчеркивали, как мало Кит был близок к моде до того, как присоединился к Который (в том числе и сам Мун), бесспорно, обладал многими качествами: приверженностью индивидуальному стилю (коричневый итальянский костюм-футляр, который он носил в 1961-1962 годах, был предшественником современной моды), пристрастием к таблеткам и ночным кутежам, естественной молодой внешностью, а также любовь к простой униформе серферов - джинсам Levi’s и новой моде на футболки, которые можно использовать как повседневную одежду. Для него это был всего лишь вопрос превращения этих ингредиентов в приятный на вкус конечный продукт: переоденьте футболку в стиле Фреда Перри или полосатую велосипедную рубашку, накиньте сверху приличный пиджак, оставьте челку естественно ниспадать, а не зачесывать ее набок, как это было, когда он впервые появился в The Who, к их большому неудовольствию, и создавалось впечатление, что он был модником для жизнь. Во многом так оно и было, и во многом так оно и будет всегда. По сей день тысячи людей ассоциируют Кита Муна с образом модника с большей готовностью, чем с любым другим членом The Who.

В рамках обучения группы Миден отвел своих новых подопечных

в Сохо и познакомил их с модными клубами “in”. И снова Кит был на своем месте — он несколько раз играл во “Фламинго” на Уордор-стрит с the Beach— combers, деля сцену с великим Джорджи Фэймом, - но он был новичком на сцене Ham Yard, которая представляла собой настоящий улей разгульных хардкорных лиц, и на La Discotheque, в нескольких шагах от “Фламинго”, заведения, которое полностью отказалось от живой музыки, вместо этого полагаясь исключительно на пластинки. Миден всегда следил за тем, чтобы его ребятам не “мешали’ превысить скорость— когда он выводил их на прогулку, чтобы лучше оценить накал страстей. Другие участники The Who, похоже, не подозревали, что Киту уже был хорошо знаком этот эффект.

Вернувшись в западный Лондон, Мун изучал свое место среди ярых приверженцев The Who в социальном клубе Goldhawk в Шепердс-Буш. То, что это была домашняя база The Who, удивило Кейта; во многих случаях, когда the Beachcombers выступали там, публика состояла в основном из пьяных ирландцев , которые выглядели так, словно сидели в баре с обеда. Почему-то казалось , что для The Who все было по-другому: вокруг собралась целая эскадрилья местных модников.

и был связан с группой с такой преданностью и страстью, с какой Beachcombers, для которых развлекательные ценности всегда были на первом плане, никогда не сталкивались.

Выдающимся среди модников Goldhawk был “ирландец” Джек Лайонс, чья непоколебимая преданность The Who и признание их значимости для своего поколения обеспечили ему почетную роль фаната номер один на протяжении всей истории группы. “Goldhawk не был на сто процентов современным”, - говорит Джек из клуба того времени. “Возможно, это было только на пятьдесят процентов. Но у людей из Goldhawk было твердое ядро, которое, поскольку они хорошо знали группу, на самом деле не заботилось о том, был ли Дуги Сандом хорошим барабанщиком или плохим. Это был Дуги Сэндом из Эктона, и многие из тех , кто приходил в “Goldhawk”, были из Эктона. Поэтому , когда появился Кит, все запомнили его как участника the Beachcombers,

которые считались способной группой, хотя и не модной. Но он заменил Дуги, а Дуги был местным жителем. Так что, несмотря на его признанные способности, возникло подозрение, что он не был одним из “нас”. Он был не из западного Лондона. Он был с ”Уэмбли”.”

Кит прекрасно осознавал, что находится на чужой территории. В Лондоне это сложное сочетание взаимосвязанных районов и пригородов, откуда вы родом , говорит о вас все. Вот почему The Who всегда заявляли , что их корни уходят на улицы Шепердс-Буш, а не в их настоящий дом в гораздо более богатом Илинге — потому что рок-н-ролл задуман как форма самовыражения рабочего класса, и к его распространителям из среднего класса всегда относятся с подозрением. Для команды “Голдхоук” “Уэмбли” находился почти в сельской местности, и тот факт, что Кит получил гораздо более суровое воспитание, чем Джон или Пит , был очевиден только Роджеру, который до одиннадцати лет жил в Буше и не понаслышке знал о бедности и насилии, которые сопровождают пребывание на низшей ступени общества . лестница — ничего не значила. Муну пришлось проявить себя на улице, что он и сделал, главным образом ударив по барабанам с едва сдерживаемой яростью. Он добился успеха в том, что его музыкальность была быстро принята поклонниками Goldhawk - вскоре к нему стали обращаться мальчики постарше, прося совета по игре на барабанах, — но к нему никогда не относились как к крепкому орешку. “Кит выглядел довольно модно”, - говорит Лайонс. “Но он не выглядел опасным модником”.

В разгар акклиматизации Кита — знакомства с The Who, их музыкой, их отношениями, их аудиторией и дополнительного погружения в модную культуру — сбылись две его величайшие мечты. Во-первых, The Who перешла на профессиональную работу с зарплатой в 20 фунтов стерлингов в неделю, гарантированной Хельмутом Горденом (что означало подписание контракта, подтверждающего роль производителя дверных ручек в качестве менеджера). Для парня, который зарабатывал значительно меньше 10 фунтов в неделю на обычной работе , которую он презирал, это была феноменальная прибавка к зарплате. Но дело было не в деньгах: и никогда не будет. Речь шла о том, чтобы найти выход из тупика, уйти от рутины повседневного существования в пригороде, сделать что-то из этого.

твоя жизнь и доказательство неправоты всех скептиков. Это была возможность играть на барабанах семь вечеров в неделю, без необходимости вставать с постели в семь утра, надевать костюм и ехать на метро в Вест-Энд, чтобы весь день сидеть на другом конце провода и принимать заказы на штукатурку.

Его родители, конечно, были подавлены. А почему бы и нет? Они достигли совершеннолетия, когда над их головами сгустились грозовые тучи надвигающейся войны, они поженились в то время, когда никто не знал, останется ли еще Великобритания, в которой они могли бы растить детей, они пожертвовали “всеми мыслями о личной выгоде и личных амбициях”, чтобы создать семью, были страдали от стыда за своего совершенно умного ребенка (неконтролируемая энергия не учитывалась). провалив свои 11 с лишним баллов, а затем не сумев добиться успеха даже в средней школе, они видели, как он подрабатывал на разных работах, хотя никогда не могли понять, что же было не так с первой из них, потакали его любви к музыке и даже поддерживали ее финансово, и все это в надежде, что однажды он узнал бы, что такое уважение, понял бы важность стабильного устроиться на работу, немного сбавить обороты и вести какой-то достойный образ жизни, с которым они могли бы себя идентифицировать. И вот он здесь, всего в семнадцать лет (хотя, если бы он сдал эти проклятые 11 с плюсом, он все еще учился бы в школе на пятерки), говорит им , что собирается стать профессиональным барабанщиком, играя бок о бок с тремя отъявленными хамами по заказу производителя дверных ручек!

Альф Мун, обычно самый спокойный из родителей, пришел в ярость. О чем только думал его сын? Вот так просто отказаться от хорошей карьеры! Неужели он не понимал, как трудно найти достойную работу? Никто из членов его семьи никогда не видел своего кормильца таким разгневанным. Но старик ничего не мог поделать. Кит собирался уйти из British Gypsum, независимо от того, давал ему Альф разрешение или нет. И если бы Альф пригрозил вышвырнуть Кита на улицу , Кит бы просто ушел из дома.

Альф, должно быть, понял, что он сам запустил механизм , когда купил Киту ту первую ударную установку. После того, как Альф успокоился после первых вспышек гнева, ему ничего не оставалось, как прочитать Киту лекцию об ответственности, преданности делу и значении тяжелой работы и молиться, чтобы

Кит знал, что делает. Альф, конечно, не знал. Кит, как и следовало ожидать, радостно помахал британцу на прощание Гипс (в одной истории он говорит обеспокоенному клиенту, интересующемуся его заказом: “Нет, я не знаю, где это, сэр, и мне, черт возьми, все равно”, в другой - отправляет грузовик, полный гипса, кому-то, кто ему особенно не нравился, в качестве прощального подарка; обе истории, вероятно, являются апокрифическими, но весьма правдоподобными). и стал засыпать по утрам. Это была привычка, от которой он никогда не отказался бы.

Второй сбывшейся мечтой стала возможность сделать шнур. Крис Пармейнтер из Fontana Records, как и Пит Миден, знал о нереализованном коммерческом потенциале мод-движения в музыкальном мире и был в равной степени мотивирован всплеском популярности R&B. Он решил подписать с группой контракт на выпуск двух синглов. Но в то время как Пармейнтер заявил о своем намерении записать два

MOON ? 97

Миден настаивал на том, что, для того чтобы его видение The Who как представителей министерства обороны было успешным, первый сингл The Who должен быть более отточенной кавер - версией. И, будучи помешанным на скорости Свенгали, Миден написал песни сам. Вернее, он написал тексты, позаимствовав мелодии у Слима Харпо “Got Love If You Want It” за откровенно незамысловатую композицию “I’m the Face” , а шоумена “Country Fool” - за несколько более скромный “Zoot Suit”.

Энтузиазм Мидена, очевидно, был заразителен или, по крайней мере, убедителен до настойчивости. The Who не только согласились записать два его грубо написанных, вопиющих рекламных ролика в качестве своего важнейшего представления публике, но и согласились сделать это под другим названием. Миден объяснил, что “The Who” был недостаточно модным, что явно свидетельствовало о том, что он терял интерес к сюжету в своем “море скорости”. Но высокие цифры, которые он привел вместо этого, теперь больше подходили ему . Если бы вы были модником, вы бы точно знали, что означают большие цифры, и захотели бы их проверить. А если бы вы не были модником, то

какая разница? Таковы были границы мышления Мидена.

И вот, спустя несколько недель после вступления в группу, о которой он всегда думал как о the Detours и к которой только начинал привыкать как к the Who, семнадцатилетний Кит Мун обнаружил, что вместо этого он стал полностью профессиональным музыкантом в группе под названием the High Numbers. Он не возражал. Все были захвачены американскими горками, в которые превратилась середина шестидесятых. Мир, в частности-Лондон и его музыкальная сцена развивались с такой скоростью, что если бы вы моргнули , то могли бы упустить свой шанс. The Who — а их сейчас было много — были просто рады, что кто-то направил их в правильном направлении.